

[Polaris]

С. МИНЦЛОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СТУДЕНТОВ

Исторический авантюрный роман

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXIV

Salamandra P.V.V.

**Сергей
МИНЦЛОВ**

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

**Исторический авантюрный
роман**

Том I

Salamandra P.V.V.

Минцлов С. Р.

Приключения студентов: Исторический авантюрный роман. Том I. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 144 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXIV).

В серии «Polaris» продолжается издание произведений выдающегося bibliофила и bibliографа, занимательного рассказчика и одаренного прозаика, журналиста и путешественника, археолога и коллекционера С. Р. Минцлова (1870-1933). В новом выпуске серии – исторический авантюрный роман «Приключения студентов».

С. Р. МИНЦЛОВЪ

Приключенія студентовъ

Историческій авантюрный романъ

СИБИРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО — ТИПА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Исторический авантюрный
роман

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Цель настоящей книги — воскресить перед глазами читателей быт — и только быт — далеких от нас и полных глубокого интереса десятого и одиннадцатого веков по Р. Х.

Люди этих времен были охвачены страстью к передвижениям и героями своего романа я избрал — как всегда — незамеченных историей обывателей.

Выдумки, а тем паче преувеличений, в моем романе нет и я наоборот — ради соблюдения верной исторической перспективы и по чисто этическим и религиозным соображениям, многое преуменьшаю.

Но что было — то было: из спетой песни слова не выкинешь!

С. Р. Минцлов.

ГЛАВА I.

Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные;
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листья изумрудные.
И цветы, опьяненные росами,
Рассказали ветрам сказки нежные
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над утесами.

.

И теперь, в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные
Ваши сказки задумчиво чудные...

К. Фофанов.

Шумит в глубоком провалье горная речка, а где — не видать из-за камней и вершин деревьев; всюду зеленая гуща дубов да елей; что башни встают из нее бурые и красные скалы.

Куда ни глянь — горы, да лес, да небо. Не в примету ни деревни, ни замка. Только на восход солнца, на длинном мысу отвесного уступа, будто чудом взлетевшие на неизмеримую высоту, белеют зубчатые стены и церковь небольшого монастыря; за ним опять пропасть; из стены ее глядят черные впадины семи пещер. С седловины горы, из того места, где к вечеру притыкаются на ночлег облака, сто-саженной, снежной полосой клубится и рушится водопад; ниже утесы рассекают его надвое и будто громадный серебряный венец раскидывается по отвесам скал над монастырем по ту сторону бездны.

День жаркий.

Трапеза отошла, монахи разбрелись по кельям; узкий передний двор пустынен. У запертых, обитых толстым железом ворот, на известковой плите, положенной на камни, сладко спит на солнцепеке седобородый привратник в грубой, серой рясе, подпоясанной веревкой; на голове чернеет ермолка, лицо потно и блаженно, рот полуоткрыт, мухи разгуливают по тупому, обветрившемуся носу.

Под лавкой, в тени, раскинулся и похрапывает черный, что ворон, кудлатый пес с пушистым хвостом, полным репейников.

Только одно человеческое существо бодрствует во всем видимом мире — белокурый, статный послушник лет двадцати, стоящий у обрыва; стена с той стороны изгибается по самому краю пропасти и лишь по пояс человеку.

Облокотился юноша на зубец, глаза в даль смотрят, брови сдвинуты, он охвачен думой. Позади узенький садик, обнесенный белой колоннадой крытой галереи; низы ее пылают в ярком огне: то алые полосы маков.

Чудной сон привиделся ночью послушнику!

Будто стоит он на неведомой площадке под звездным небом и вдруг во тьме засветлело пятно. Оно все прояснилось... в синей дымке обрисовался ангел с чуть блиставшими крыльями; будто лунный луч, неслышно встал он рядом и, улыбаясь, протянул светящиеся прозрачные руки. Послушник — совсем маленький, кудрявый мальчик — очутился у плеча его.

Быстро взвились они вверх; внизу, в черноте, слышался шум речки.

— Зачем ты взял меня?.. — спросил послушник.

— Ты же умер!.. — ответил ангел, — я несю твою душу!..

Сердце послушника сжалось от тоски по невысказанному и невыполненному.

— Зачем же я жил?!.. — воскликнул он.

— Узнаешь!.. — прошелестело слово; ангел взмывал все выше и выше, звезды делались крупнее и ярче; далекий, чуть слышный звон овеял уши. Послушник разом, как от толчка, пробудился и сел на своей жесткой постели.

Стояла свежая, темная ночь; монастырские колокола важно звали к полуночнице; по галерее с зажженными факелами в руках, с капюшонами на опущенных головах, вереницею мертвых попарно шли монахи. Послушник присоединился к ним, но и в храме не мог забыть виденье и успокоиться: такой сон, да еще под пятницу неспроста; он предвещал что то... но что?

На веере из высоких заалтарных свеч желтели длинные дымные огоньки; у стен, за гранеными колоннами, и под сводами густилась темень; будто люди, проступали раскрашенные статуи святых и Мадонны; они безмолвствовали, но, казалось, знали все...

Заснул послушник только под утро и, когда солнечные лучи добрались, наконец, до лица его, он схватился с постели: час был уже поздний. Послушник наскоро поплескался под висячим кувшином и поспешил в келью отца Антуана: он помогал ему расписывать орнаментами и миниатюрами молитвенники.

Но отца Антуана еще не было: чуть забрезжил свет, — он ушел в лес за травами для красок.

Солнце стояло за полднем, когда послушник, наконец, завидел внизу сгорбленную, маленькую фигурку, взбравшуюся по крутой тропинке с большой зеленой вязкой на спине; он поспешил к воротам, распахнул калитку и напрямиком, прыжками, стал сбегать на встречу шедшему; за ним во всю прыть пустился черный пес. Из-под ног их посыпалась земля и мелкие камни.

— Дайте вашу связку, о. Антуан!!.. — воскликнул он, достигнув до монаха.

Старик остановился; солнечные лучи бляхами золотили и опестряли рясу; ростом он не доходил и до половины груди послушника.

— Бери, бери, миленький... благослови тебя Бог!..— запыхавшись и улыбаясь, проговорил он, передавая ношу. Голос его был ласковый и совсем детский; личико и голова казались запушенными серебристым инеем; сквозь него румянели щеки и голубели глаза.

— Пошел,— Жук, пошел!.. — добавил он, отпихивая собаку, радостно лаявшую и прыгавшую ему на грудь.

— Что же вы меня не разбудили, о. Антуан?.. — укорил послушник. — И я бы с вами отправился.

— Да ты очень сладко спал, Марк!.. — ответил старичок, — жалко тебя стало... молодость сна требует!..

— А я нынче что-то чудное видел, о. Антуан! — начал немного погодя названный Марком.

— Ну, ну, что такое?.. Ишь ты, сновидец какой, все сны видишь!..

Послушник на ходу рассказал, что ему пригрезилось.

— Перемене какой-то быть?.. — проговорил о. Антуан.

— Что ангел тебя нес — к дороге это; маленьким ты стал — чуда ждать тебе надобно!

— Чуда?.. Какого?!

Старичок поднял вверх плечи.

— Кто может знать? — отозвался.

Они добрались до ворот монастыря, заперли калитку и мимо все еще спавшего привратника вошли в обширную светлую келью о. Антуана. Собака ворвалась в нее первая и сейчас же улеглась на холодных плитах пола, высунула язык и бока ее заходили ходнем.

В высокое, стрельчатое окно, будто в клубах белого дыма, был виден водопад; на дне пропасти, в провале между деревьями полоскою снега пенилась речка. Стены кельи покрывали образцы заглавных букв, заставок и орнаментов; у большой печи верблюжьими горбами изгибались горн и перегонный куб; на длинном столе лежали полосы драгоценного пергамента для рисунков, острые стили, стояли глиняные банки с кистями и красками. В стороне, близ нар, покрытых старым одеялом, помещался большой деревянный ручной пресс; на полу грудой лежали зажимы разных размеров.

Марк сбросил тюк у стола и вместе с о. Антуаном сел разбирать и сортировать травы...

— Удачка сегодня выпала, слава Богу!.. — улыбаясь, говорил о. Антуан, — под одним вязом вот какую радость нашел!.. — он поднял и показал своему молодому товарищу

пучок широколистой травы. — Не краска выйдет, а изумруд!.. А вот по части голубого колера по-прежнему плохо! — лицо старичка озаботилось. — На небе его вон сколько... — Он кивнул головой на окно, — а на земле нет!.. сероват, с пылью будто!.. А ведь где-то имеется лазурь настоящая, умеют добывать ее в некоторых монастырях, только в секрете большим держат! Помню — давно тому было — лет сорок назад — видел я псалтырь: для герцога был сделан. Ах, уж и рисунки ж, цвета!.. — о. Антуан закрыл глаза и покачал головой. — Больше и не видал таких! Не из человеческих будто рук вышли, а из ангельских! Ну и цена книжке соответствовала: три деревни отвалил за нее герцог; земли — разве в день обойти!..

Марк не отвечал — он уже десятки раз слышал все те же сетования своего наставника; мысли его были далеко.

Он встал, взял один из пучков, положил его на площадку прессы, мелко изрубил длинным ножом, затем смочил водой и с силою закрутил рукоятку; из отверстия под прессом показался зеленый сок и медленно, густыми каплями звучно стал шлепать в подставленную глиняную чашечку.

— Зачем живет на земле человек, о. Антуан? — вдруг спросил Марк, глядя на окно и не снимая рук с перекладки станка. — Какая цель жизни?

Старик поднял удивленное лицо.

— Как зачем? чтобы прославлять Господа?.. Слышь, птичка поет за окном хвалу Ему, так и мы должны!

— Ну, а коршуны, а ястребы, а разбойники и убийцы?..

Старик несколько растерялся.

— Ишь, тоже придумал!.. — сказал он. — Ты, миленький, что-то того, мудрствовать стал! А ты дыши и радуйся — вот тебе и цель жизни! Бог один знает, что к чему и зачем все на свете!

— Что там за этими горами? Вы далеко бывали за ними?

— У, далеко... дня на три пути забредал!!.

— И там такие же люди и так же живут, как и мы?

— Поблизости такие же, а дальше Бог весть; великие чудеса, рассказывают, там водятся!

— Великие?!.. — жадно переспросил Марк. Он весь превратился во внимание.

— Где-то с песьими головами люди есть; есть страны, где вечная ночь и непрерывно снег валит! А существуют и такие, где и дров не надо: прямо на песке все и варить и печь можно! Птица-страус там живет — перья ее рыцари на шлемах носят. Золота, камней самоцветных по берегам рек — лопатую гребни! А добраться трудно: люди там дикие, страшные, черные, что уголь, силы нечистой полным полно! В старых рукописях много пишут о них!

Разговаривавшие перекрестились.

— Трудно, миленький, в мире жить!.. — добавил, вздохнув, старик. — Око все видит, а взять не возьмешь, душу погубишь!

Он начал размечать на листе пергамента место для заставки.

— Лучше всего здесь, у нас... тишина, мир, от всего охранены ангельским крылом... Трудись и славь Господа!.. ишь, красота какая кругом?

Марк молча кончил отжим трав по сортам, поставил в печь, на медленную выпарку, чашки с соком и тихо вышел из кельи.

О. Антуан проводил его внимательным взглядом и опять погрузился в свое занятие.

За порогом Марк остановился. Привратник уже встал и, сильно прихрамывая на одну ногу, мел площадку около ворот. Марк направился к нему.

— Пустите, я подмету?.. — предложил.

Монах оглянулся; суровое лицо его было заспано. Он сунул метлу Марку, а сам тяжело опустился на лавку

— Задыхаться стал... худо!.. — произнес он хриплым басом.

— Отчего бы это с вами так сделалось? — спросил Марк.

— Да все с тех пор, как упал!.. ногу и грудь разбил...

— Это когда вы меня с утеса доставали?

— Да... веревка лопнула... чуть сам-то уцелел!..

— А я в корзине с мохом завязан был?

— Да!.. швырнули тебя в пропасть, а корзина по пути в кусте и застряла.

— Кто же швырнул, как вы думаете?..

— Да ведь уже говорил я тебе не раз: кто же больше, как не родители? Думаешь, одного тебя в пропасть кинули? Везде так повелось! Недаром папа буллу с проклятием за это издал. С тобой то еще ничего, хорошо сделали — тюкнулся бы о камни и конец; а других ведь ребят веревкой душат, живыми в землю зарывают!..

— Зачем?.. за что?! — с ужасом спросил послушник.

— Затем, что жизнь хороша очень!.. кругом разбой, нечистая сила! Бедняки всю жизнь как звери затравленные живут, в голоде да обидах! В честь себе многие ставят, что детей своих поубивали: от мучений их в этой и той жизни избавили! Вот, брат, как нынче родительская любовь выказывается!..

— А о моих родителях что вы думаете — кто они?

— Да кто ж их знает?.. крестьяне, понятно!

— И в корзине так-таки ровно ничего — ни записки, ни какой-либо вещи не было?

Привратник отрицательно потряс головой.

— Говорю — мох один был! И сверху им же ты был прикрыт, потом дерюжкой обвязан!.. Кому нужда в пропасть записки да добро кидать? А, может, кто со зла на твоих родителей украл тебя, да бросил! Всяко бывает!..

— А в Евангелии сказано — люби ближнего, как самого себя?... — задумчиво проговорил Марк. Он сел на землю против скамьи и охватил колени руками.

— Мало бы что там сказано!.. — возразил о. Петр, — при Христе все святыми были, а нынче народ подлец пошел, особливо ближние — дальние еще туда сюда, люби их, пожалуй! Знай, спасай свою душу, а на чужую наплевать: никто за нее не ответчик! Евангелие, брат, книга великая — и так и сяк истолковать ее можно! Зря, думаешь, его сам святейший папа читать запретил? А пуще всего грамматики берегись!.. Видал ты такую книгу, или нет? Ишь, имя-то подлое какое — грамма-тика!!

— Не знаю такой. А чем она так страшна?

— Это, брат, у духовника спрашивай!.. Ну, только хуже ее нет на свете: увидишь если — рви и жги сейчас! Святыми она проклята!

— А там, за этими горами и лесами, что?

— Что там хорошего? Те же горы, да пропасти, ведьмы да колдуны, бароны да нечистая сила!.. Хорошего, брат, нигде на свете нет!

Марк покачал головой.

— Как же так: мир-то ведь Господь сотворил? Как же может он нехорошим быть?

— Да вот так же! Господь-то на небо вознесся, а сатана с чертями на земле остались! Они все и испакостили! Думаешь, что вот так на свете все и есть, как нам кажется? Нет, брат — это одно наваждение кругом!

— А горы тоже наваждение?

— Понятно; нам-то они горами кажутся, а на деле ими пекло прикрыто! Недаром по ночам крики да хохот внизу слышны!..

— Вы их слышали?

— Еще бы! И огонь вырывается, бывает!.. У ворот сидя, всего навидаешься!

Послушник повел плечами, как от озноба.

— А вы, о. Петр, далеко за горами были?

— Далек.

— Конец света там близко?

— Сказал тоже!.. Чтобы до конца, с заката на восход солнца, идти надо четыреста ден пути, а с юга на полночь — двести!

— А кругом земли что?

— Море-океан течет! А сверху все твердью прикрыто, видишь?.. — Оба запрокинули назад головы. — Из стекла она!.. вроде как бы из хрусталя горного. Разве в книгах в твоих нет этого?

— Нет!.. мы молитвенники все переписываем. А сейчас Евангелие я расцветиваю...

Наступило молчание; Марк поднялся с земли, постоял и медленно направился к церкви. Привратник глядел ему вслед и, когда Марк скрылся, заковылял за ним и заглянул

в распахнутую дверь.

Храм наполняли полусумерки; на высоких, узких стеклах окон пестрели многоцветные картины; одна из рам была приоткрыта и в нее полосой врывался луч солнца. Марк стоял на коленях у колонны перед статуей Богородицы; белокурая склоненная голова его была освещена, и золотистый луч, падавший на нее, казался благословением свыше.

О. Петр постоял, посмотрел и пошел к келье о. Антуана.

— А вскормленник наш с тобой что-то все мудрствовать стал?.. — заявил он, садясь на табурет против иконописца.

О. Антуан обеспокоился, вскинул на пришедшего голубые глазки.

— А что? Говорил тебе что-нибудь?

— Да все выспрашивает про мир! Тянуть его от нас начинает! Смотри — не попал бы он у тебя в когти дьявола!.. его это работа.

— Молод он, кровь бродить начинает...

— Про то же и я говорю!.. наваждения сатанинские подошли; кругом ведь бесы караулят! Напрасно ты его грамоте научил!.. — добавил, помолчав, о. Петр, — говорил я тебе в свое время — эй, не надо, запрещают это святые отцы, а ты все свое!..

— Да как же по нашему делу без грамоты быть? — возразил о. Антуан. — Кто ж бы книги святые переписывать да украшать стал?

— И книги не нужны!.. — сурово проговорил привратник. — Ляг крестом на паперти перед церковью — увидит тебя Господь и без книжки!..

— А евангелисты что делали, о. Петр? с них мы пример должны брать; все хорошо, что для славы Божией творится!..

О. Петр махнул рукой и встал.

— С тобой не сговоришь!.. — произнес он, — я свое дело выполнил — упредил, а там как знаешь!.. А Христос писал?! — вдруг громогласно спросил он, уже взявшись за ручку двери и повернувшись. — То-то, брат, вот с кого пример бери! Не морочь головы мне!

И он выбрался, волоча ногу, из келии; о. Антуан отложил кисть в сторону, подпер маленькой, прозрачной рукой подбородок и задумался.

ГЛАВА II.

Солнце только что юркнуло за вершину горы, когда Марк вернулся опять к о. Антуану; тот уже кончил дневной труд, вытирал стол и убирал раскиданные вещи: скоро должны были зазвонить к вечерне. Марк помог старику и вместе с ним вышел в галерею через другую дверь.

Со дна пропасти уже подымалась ночь; колоннада и строения монастыря потускнели, только крест и верхняя половина колокольни еще пламенели в лучах солнца. Стрижи с криком черными прутьями секли воздух.

— Слышите, о. Антуан, что они кричат?.. — проговорил Марк, — «В высь, в высь»!!.. — он удачно повторил зов стрижа.

Старик поднял глаза и прислушался.

— А верно!.. — сказал. — Все нас в высь, к Богу, зовет!.. — он обвел взглядом окрестность. — А как ласточки обедню служат, слышал?

— Нет!.. Как это?

— А перед рассветом, задолго до него... вроде нашей полуночницы! Еще ночь глухая совсем, а они в гнездах проснутся и так то все сладко поют — и сказать нельзя, до чего хорошо! Особливо, если гнезд много и в одном месте! Отслужат и опять уснут!

— Я не слыхал!.. — задумчиво протянул Марк. — Значит, можно молиться и без слов?

— А понятно!... Зачем слова? Бог-то ведь знает, что тебе нужно! Молимся затем, чтобы ближе с Нему стать: почувствуешь Его — и сам лучше сделаешься!

Они остановились у зубцов.

— Не так далеке отсюда монастырь есть... — заговорил опять старик, глядя в пропасть, — пришел туда душу спа-

сать человек некий; обет дал послужить Пресвятой Богородице — статуя чудотворная там стоит. А был он плясун: на ярмарках людей тешил. Пожил в монастыре, горько ему стало: ни молитв не знал, ни петь за службу не умел... Другие кто молится, кто убор Пречистой делает, кто иконы ее пишет — один он как без рук — знай только поклоны бьет! Печалился он крепко, да вдруг и осенило его. Стала примечать братия — совсем переменялся человек: повеселел, радостный сделался, приветливый. И пропадать где-то начал — это тоже приметили. Принялись следить: укараулили, что он в церкви по ночам остается. Схоронились двое из братии в нишах за статуями и, что бы ты думал, увидали? Обошел новичок весь храм, осмотрел — нет ли кого, кроме него, потом скинул рясу — ан под нею плясунский наряд надет! И давай плясать перед Пречистой — и вприсядку и всячески и колесом ходил — вот для чего он тайком в храме прятался!

Братия бегом к настоятелю. Так и так, доложили — кощунство, пляс идет в доме Божьем; бесноватым новый брат оказался!

Настоятель с ними назад, в церковь. Вошли потихоньку — видят, лампадки что звезды венцом кругом Пречистой теплятся, а полуголый человек перед ней на руках ходит; потом как запляшет что испуганный!

Только о. настоятель голос обрел, собрался крикнуть — и окаменели все трое: зашатался плясун, повалился на пол. А Мать Божья озарилась вся как бы месяцем, улыбнулась... подняла руку, оперлась на колонну, сошла на пол, над плясуном склонилась и тихо пальчиками светящимися пот ему со лба отерла...

Упал в страхе ниц настоятель с братьями, а когда поднялись — Пречистая по-прежнему на своем месте стояла, плясун не шевелясь лежал. Поспешили они к нему — ан он уже Богу душу отдал! Лицо счастливое, светлое, как уснул словно!... Вот, братик, что на свете случается! И пляска, если она от души, выше молитвы бывает!

Марк слушал с жадным вниманием.

— Как это хорошо?! — воскликнул он.

В прорез окна колокольни глянул и скрылся край небольшого колокола¹; за ним качнулся другой, меньший, и третий — совсем маленький: зазвучали хрустальные перебивы «Ангелюса».

— О. Антуан?.. — проговорил вдруг Марк, — ангелы ведь существа совершенные?

— Ну, понятно... а что?

— Как же тогда мог один из них превратиться в сатану и сделаться падшим?

— Что ты, что ты?!.. — с легким испугом произнес старичок, — не лезь никогда в Божьи дела, Он один их знать может!

И он заторопился в церковь; Марк последовал за ним.

ГЛАВА III.

Неделю спустя, в келье о. Антуана, между ним и о. Петром снова происходила беседа о Марке.

— Бес его смущает!.. — говорил привратник. — В подвал бы его посадить, на цепь... да веревкой! ух, как оно помогает!.. Вот бы и перестал умствовать!..

О. Антуан покачал головой.

— Нет... — отозвался он: — не бес это, а молодость!.. дела она себе требует... Услать бы его надо отсюда!

— Услать? куда это, зачем? Чтобы совсем пропал парень?! — вскинулся о. Петр.

— Не пропадет!.. — убежденно ответил о. Антуан. — Время его пришло... пусть свет повидает!..

¹ Колокола появились в Европе из Вавилона, где сперва были найдены их рисунки, а затем и они сами.

У древних греков звоном их («додонская медь») созывали народ в храм Прозерпины и Кибеллы на жертвоприношения.

В христианских церквях Запада колокола введены в 410 г. в Кампанию; византийцы завели их у себя в IX в. (Здесь и далее прим. автора).

— Какой еще свет нужен ему? В монастыре вырос, здесь и сиди!

— Да ведь он не монах! А я его за большим делом пошлю, он юноша с головой... секреты красок хороших надо добыть! Ишь, мы захудали как: другие монастыри цветут, а у нас ни заказов, ни богомольцев — ничего нет! Показать нам нечего... А вернется — с ним и слава придет в монастырь! — О. Антуан старался не смотреть в пристальные, тяжелые глаза собеседника.

Наступило молчание.

— Мы ведь простецы... — начал опять о. Антуан, — не знаем ничего! Что можем мы ему объяснить и сказать? Книг нету никаких...

— И объяснять нечего! Веревка — она всего понятнее: всякий дурак ее понимает!.. — проворчал привратник. — Бесов всегда бичом изгоняют!..

— Кому веревка годна, кому — другое!.. Лучше пусть потрудится на пользу монастыря. — Так я и настоятелю решил доложить.

О. Петр сопел и причавкивал, это означало у него раздумье и сомнение.

— Тебе виднее!.. — проговорил, встав с табурета. — Ну, коли что случится с парнем — на твою душу кладу ответ; в пропасть его выручать я больше не полезу!

* * *

Вечером того же дня о. Антуан кликнул к себе Марка и объявил, что настоятель посылает его в мир.

Ошеломленный Марк глядел, широко раскрыв глаза.

— За что? Зачем... — вырвалось у него восклицание.

— А вот садись сюда, потолкуем!.. — старик опустился на один из табуретов, указал рукой на другой и, не торопясь, изложил давно известные Марку обстоятельства и затруднения монастыря. По плану его, одобренному настоятелем, Марку надо было добратсья до Италии, ознакомиться

с мастерскими лучших художников, усовершенствоваться в своем деле и вызнать необходимые секреты для работы.

— Послушание на тебя монастырь возлагает великое и трудное... — говорил о. Антуан. — Поэтому не торопись: легко и скоро ничто доброе не дается! Будут у тебя испытания и незадачи, но духом не падай, дальше иди — время и труд всего достигнуто! Помни, что бы худое ни случилось с тобой — есть правда и добро на свете! Три года понадобится отыскивать нужное — три года не возвращайся; пять — пять лет оставайся. Лютню свою с собой возьми: у тебя голос хороший — дорогой пропитание себе зарабатывать будешь. Платье тебе мирское дадут: ты не монах, да и опасаться тебя в монастырских мастерских не будут, скорее покажут, что надобно! Людям всегда услуги оказывай, злом за зло не отплачивай, а дальше иди! Свет велик: на все свои думы ответы получишь... мы-то ведь простецы, миленький!.. А когда узнаешь все — душа сама подскажет тебе, что делать — назад ли возвращаться, в миру ли еще побыть... ее голоса слушайся!..

Долго среди тишины кельи мягким ручейком лился голос о. Антуана. На столе копотно горела масляная лампочка; за собеседниками на белых стенах колебались черные тени; в окне мерцали звезды. Марк смотрел то на них, то на о. Антуана и слушал внимательно, но слышал разве половину: в висках у него стучало, нет-нет и словно горный поток бросался на его сердце и заглушал речь о. Антуана. Марку казалось, что он вот сейчас как орел сорвется с места и взлетит над пропастью!.. Жутко было и радостно; руки стискивались в кулаки, лицо пылало,

Старик заметил, что переживал его питомец.

— Ну, Господь с тобой!.. — закончил он напутствие. — Час поздний, усни поди, а завтра с Богом в путь снарядим тебя!

Марк благословился и ушел. О. Антуан задул лампочку и, не раздеваясь, прилег на жесткую постель; сна не было... долго тлел красною точкою фитиль, глядели звезды, слышался далекий шум водопада; из уголков глаз старика медленно, редкими каплями, начали стекать слезы. Больные

ноги подергивало; о. Антуан поднялся и вышел на двор размять их. В темноте он чуть не наткнулся на черную фигуру и только по походке опознал ее.

— И тебе не спится, о. Петр?.. — сочувственно проговорил старик.

— Блохи заели!.. — как оборвал хриплый голос и о. Петр заслонился теменью.

О. Антуан постоял немного, затем вдруг заспешил к церкви: будто какие-то певучие, струнные звуки доносились из нее. В дверях он задержался: освещенный парой лампад, перед статуей Мадонны стоял Марк и, подняв вверх лицо, играл на лютне...

* * *

На другое утро, после обедни, вся немногочисленная братия высыпала к воротам проводить Марка.

Вместо рясы стройный стан его охватывала коричневая лосиная куртка; на ногах были такие же штаны до колен, желтые чулки и грубые башмаки, за спиной находилась маленькая котомка с бельем и хлебом; поверх нее была привязана лютня. На левом боку, на коротком ремешке у пояса висел нож; в руке Марк держал толстую дубинку.

Юноша благословился у настоятеля, львоподобного крупного и совсем седого мужчины, расцеловался с немногочисленной братией, поклонился в землю ей и монастырю и зашагал вниз по крутой, каменистой дороге. На повороте он оглянулся: на синем небе четко рисовалась стена и кучка монахов; они махали в знак приветствия руками.

Марк снял колпак с воткнутым в него орлиным пером, высоко поднял его и скрылся за деревьями.

Не успел он сделать и трехсот шагов, позади раздался крик; он обернулся и увидел о. Петра, с палкой в руке выбиравшегося на дорогу откуда-то сбоку из чащи.

— Стой, стой!! — хрипло вопил о. Петр, изо всех сил ковыляя по торчавшим повсюду камням.

Марк двинулся ему навстречу.

— Что, о. Петр? — спросил он и вспомнил, что при прощанье у ворот о. Петра не было.

Старик, тяжело дыша, остановился, оглянулся назад, полез в карман рясы и вытащил какой-то холщовой мешочек в кулак размером.

— На вот!.. — едва выговорил и сунул мешочек Марку.

Тот принял его.

— Что это?.. Деньги?! — с недоумением спросил он, почувствовав монеты. — Зачем вы даете их мне?

— Бери, бери!.. — там увидишь, зачем!..

— Не нужно, о. Петр! Я сам заработаю!..

— Черта ты заработаешь!.. так вот и ждут тебя с работой везде!.. — с сердцем воскликнул привратник. — Бери, говорю! Там тебе не монастырь — даром ничего не дадут! А мне на что они?

Марк стоял, не зная, что делать.

О. Петр стукнул палкой и Марк поспешил опустить деньги в карман.

— Спасибо, милый о. Петр!.. — покраснев как заря, сказал он. — И за все, за все, что вы сделали для меня — спасибо! — Слова эти вырвались у Марка от всей души.

Старик быстро отвернулся.

— С Богом!.. — буркнул он и заковылял обратно.

— Эй, Марк?.. — окликнул он через минуту. — Помни, до перекрестка доберешься — на небо глянь: куда птицы лететь будут — туда и путь держи!

— Помню, о. Петр!... — отозвался Марк.

Еще раз он окинул взглядом родные места и пустился дальше: грусть дымкой окутала его сердце. Он не заметил, что скрывшийся о. Петр спрятался в кустах у изгиба дороги и крестил его и его путь широким крестом.

ГЛАВА IV.

Дорога сбежала с горы, превратилась в тропу и углубилась в тенистый лес. Свежесть и сырость охватили Марка.

Душа трепетала от счастья и чувства безграничной свободы. Казалось, стоит захотеть, поднять руки и он взмоет над миром вместе с орлами, парившими над утесами.

Пели птицы. Марк умел подражать многим из них и пробовал вторить им, но скоро оборвался — безотчетная хлопотавшая в крови радость перехватывала горло. Он шел, останавливался, оглядывался, сам не замечая того, размахивал руками, иногда аукал и с блестящими глазами слушал загадочные отзвывы эхо.

Часа через четыре впереди завиделся высокий, совсем почернелый дубовый крест: он стоял на границе монастырской земли; дальше начинался уже «мир».

Марк, ни разу еще не переступавший его заповедных пределов, повергся ниц перед крестом, прося благословения на дальнейший путь; теплый дух земли овеял его.

Влево и вправо изгибалась и пропадала среди могучих стволов деревьев другая тропа — несколько более торная. На чистом небе не виднелось ни точки. Марк призадумался, не зная, куда направиться, и присел около креста. Знамения все не было. Прошло с четверть часа и терпеливо ждавший Марк увидел трех воронов, низко летевших над лесом справа налево.

Марк встал, перекрестился и бодро зашагал вслед им по направлению к югу.

— Почему же воронов три? — думал он, глядя на все уменьшавшихся вещей птиц.

Скоро он почувствовал голод и свернул на поляну; вся она, как алой росой, была обрызгнута спелой земляникой. Марк подсел к одной, совсем красной от ягод кочке, достал из котомки ломоть хлеба и принялся за обед.

Не успел он сесть и пары горстей земляники — неподалеку, в стороне между колоннами стволов, мелькнуло что-

то большое и черное. Марк припал к кочке и замер: то, что он принял было за нечистую силу, оказалось угольщиком, ведшим серого ослика, почти не видного под огромными мешками. Прохожий скрылся. Марк докончил свой обед и пустился дальше.

Лес уже за вечерел и затих, когда тропа вывела на зеленый косогор; за ним открылся глубокий обрыв; на широком песчаном русле, усеянном крупными камнями, словно голубая сеть, разбросалась река, разбившаяся на множество ручейков и протоков. За нею верст на пять зеленел луг, покрытый островами кустарников; даль замыкала густая синь сплошных лесов, всходивших по амфитеатру гор до полнеба.

Время было думать о пристанище для ночлега, но, как ни оглядывался Марк — ни хижины, ни дымка не примечалось.

Он спустился к быстро несшейся воде, разделся и выкупался в яме между камнями, затем забрал в охапку вещи и перешел вброд на другой берег; кристальная вода приятно обтекала ноги; глубина ее нигде не превышала аршина.

Уже совсем сгустились сумерки, а жилье не показывалось; над изгибом реки задымился туман; платье и волосы Марка отсырели.

Идти дальше было опасно: наступало время появления виллис — духов невест, умерших до свадьбы. Они выходят в подвенечных платьях из могил и собираются на глухих дорогах, где ждут появления прохожих, чтобы затанцевать их до смерти при свете месяца.

Марк свернул вправо, дальше от тумана и принялся высматривать хоть какое-нибудь прибежище: ночевать на открытом месте было бы холодно.

Скоро между наваленными друг на друга каменными глыбами завиделась как бы громада-раковина, полуоткрывшая створки; Марк нагнулся и заглянул в нее: перед ним была небольшая пещера.

Марк убедился, что ни волка, ни барсука в ней нет, вполз в нее на коленях и принялся устраиваться на ночь.

Прежде всего он развязал мешок, достал освященную перед Мадонной свечу и, шепча молитву и заклинания от злых духов, провел черту у входа, затем закрестил его и все углы и уже со спокойным сердцем улегся на песке.

В пещере было тепло. Марк воткнул около себя на всякий случай нож, вытянулся в мягкой ложбине и только тогда ощутил усталость. Глаза его стали смыкаться.

Ночью почудились близкие, яростные и злобные крики. Марк вскинулся, сел и, крестясь, стал прислушиваться.

Стояла полнейшая тишина; белыми змеями беззвучно шевелился и подбирался туман; выше его, на черном небе далекими искрами мерцали звезды... Марк упал обратно на свое место и уснул мгновенно.

Пробудился он на заре и выбрался наружу. Было свежо; скалы, листва деревьев, трава — все крутом было мокро от росы. Марк умылся, собирая ее целыми пригоршнями и, поглядывая по сторонам, пустился дальше.

Начиналась перекличка птиц. Румянец окрасил вершины гор, но ущелье долго наполняли тень и сырость; лучи, наконец, заглянули и в него; сделалось теплей, загомонили птичьи голоса; тетерева и куропатки стаями взлетали из под ног Марка; зайцы то и дело бросались в стороны, закинув на спину уши и оставляя за собой черно-зеленый след на траве.

Марк отломил горбушку хлеба, позавтракал на ходу и запел псалом; глубина леса завторила ему.

На одном из поворотов он оборвал пение и задержал шаг: под кустом орешника сидела сторбленная, седая старуха; около нее лежала вязанка сухих сучьев. Первая мысль Марка была, что перед ним ведьма, но, взглядевшись пристальней, он ничего страшного в ней не приметил.

— Здравствуйте, бабушка?.. — произнес он, приподняв колпак.

— Здравствуй!.. — отозвалась старуха и светлые глаза ее с воспаленными веками без ресниц осмотрели пришельца.

— Куда Господь несет?

— В город...

— В Вассербург?

— Да!.. — наугад ответил Марк.

— Так тебе напересек ближе взять, вот сюда, горой!.. — Она указала рукой на кручу за своей спиной. — Низом вдвое дальше!.. Подмастерье, что ли?

— Да... по живописному делу...

— А!..—в голосе старухи послышалось уважение. — Это хорошо!.. с хлебом, значит, всегда ходишь! А мы дичиной живем, угольями!.. — старуха вздохнула. — Трудная наша жизнь в лесу. Смел ты, молодец, очень: песни поешь! — остерегайся, смотри!

— Чего?

— Всего, сынок, всего!.. за всяким деревом человек может быть... человека пуще всего бойся!

— Да что с меня взять?.. — отозвался Марк. — Весь я тут, ничего у меня нет!

— Самого заберут! Замок баронский на горе скоро увидишь: стороной его, сынок, огибай — дозорные бы тебя не заметили! Кого ни встретишь — в кусты ныряй — надежнее!.. Захватят — век от них не вырвешься! — У нас так!

— А скоро он будет?

— К полудню верхней тропой доберешься. А до Васербурга от него два дня пути. Там дорога пойдет уже естественная, все влево шагай по ней, никуда не сворачивай!

Марк поблагодарил, простился и стал взбираться по камням, будто по лестнице; скоро он попал на тропу и, когда оглянулся — ни старухи, ни дорожки внизу видно не было — все залилось сплошным морем листвы.

Задолго до полудня, за одним из поворотов он завидел вдаль красную корону, стоявшую на обнаженном, скалистом уступе горы: то был замок.

Марк невольно подался назад и, хотя было еще далеко, спрятался за камни и стал разглядывать баронское гнездо. Замок, казалось, можно было ухватить весь на одной ладони; к неприступным башням и стенам его изогнутой змеей подбиралась снизу дорога; Марк высмотрел, что его тропа пересекает ее почти у темных ворот и, чтобы не быть замеченным с башни, решил взять наперекоски; прикрываясь лесом, он начал спускаться для обхода замка как можно

кружнее и ниже.

Путь был трудный; Марк дважды чуть не сорвался с отвесных круч и только цепкость рук да низенькие кусты спасли его от падения. В одном месте целый поток песка и камней сполз вместе с ним саженой на тридцать и Марк с солнцепека стоя въехал в тенистый лес; скоро среди зелени засерела длинная гряда камней, за ней оказался обрыв и неглубокий овраг; по дну его пролегалa дорога; башен замка видно не было.

Только что Марк собрался спускаться, по откосу из-за поворота показалось трое всадников в шлемах и железных кольчугах; над ними покачивались сине-белые флажки на длинных копьях; забрала у всех были подняты, виднелись усатые, суровые лица.

Марк бросился на землю, приник к ней среди пахучих папоротников и, когда чуть приподнял над ними голову — всадники уже скрылись и только громкие голоса их доносились из-за ближайшего поворота. Марк скатился вниз, перебежал на другую сторону и скрылся в чаще.

Скоро отыскалась и дорога, о которой говорила старуха.

Прежде, чем выйти на нее из под благодетельных деревьев, Марк оглянулся и увидел, что замок как бы следит за ним; укрываясь опушкой, он взял влево и стал продолжать путь.

На дороге начал попадаться свежий конский навоз и многочисленные следы подков и колес; уже за вечерело, когда послышался какой то неясный шум и далекие голоса — все свидетельствовало, что впереди Марка идет не то обоз, не то большой конный отряд. Опасаясь встреч с отсталыми, Марк углубился в кусты опушки и прибавил хода. Лес вдруг широко раздвинулся; открылась луговина, вся заполненная табором из людей, мулов, лошадей и распряженных двуколок; везде разбивали палатки, раскладывали костры; трещали и разгорались сучья, густой дым столбами подымался к небу. Разносился говор и гул; ущелье отзывалось многочисленными то далекими, то близкими голосами.

Редкая цепь сторожевых окружала табор; ближе к Марку, среди дороги, находилась застава из десятка воору-

женных людей; один — часовой — стоял, опершись на копье. Множество вьюков, грудями лежавших на земле, и загруженные повозки убедили Марка, что перед ним купеческий обоз; опасаться было нечего и он направился к часовому. Навстречу ему поднялись с земли несколько человек.

— Стой!!! Кто таков? — окликнул один.

— Подмастерье я!.. — отозвался Марк. — В город иду. Дозвольте с вами вместе?..

Его окружили рослые, здоровенные люди в шлемах и железных наплечьях; все оглядывали его, ощупывали мешок за его спиной.

— А еще кто в лесу остался?.. — подозрительно осведомился широкоплечий усач, видимо, старшой.

— Не знаю, я один шел!..—ответил Марк.

Вид его и искренний голос подкупили усача; он оглядел Марка еще раз с головы до ног и приказал одному из кнехтов отвести Марка к начальнику каравана, мейстеру Иогансону.

ГЛАВА V.

Мейстер Иогансон — невысокий, плотный человек в черном камзоле, стоял около своей палатки, когда к нему привели Марка.

Не сводя светлых, строгих глаз с лица вновь появившегося, он выслушал его и расспросил, куда и зачем идет; узнав, что Марк хочет усовершенствоваться в своем ремесле, он кивнул головой.

— Добро... присоединяйся к нам... — ответил. — До Васербурга нам по пути; оттуда мы к северу возьмем, а тебе путь на юг, — там много знающих людей по твоей части. Здесь настоящих мастеров не сыщешь. Ну, ступай, устраивайся, где хочешь. — Мейстер занялся разговором со вновь подошедшими людьми.

Марк огляделся и, видя, что внутри лагеря тесно, стал пробираться к окраине; там он высмотрел костер, у кото-

рого лежали всего трое людей, подошел к ним, снял свой колпак и поздоровался; лежавшие ответили; Марк сбросил со спины котомку и сел поодаль; один из незнакомцев поднялся и стал палкою мешать в котле, висевшем на железной цепи под треногою; вкусный запах похлебки распространился в воздухе.

— Садись ближе, молодец!.. — обратился к нему стряпавший. — И на тебя доля найдется!..

Марк поблагодарил и перебрался к огню. Новые товарищи перезнакомились; тем временем поспел ужин и все четверо принялись опустошать котел.

Марку почудился стон; он оглянулся и заметил прикрытого плащом человека, лежавшего на спине около ближайшей двуколки.

— Больной, что ли?.. — осведомился Марк.

— Разбился он!.. — пояснили ему. — Оскользнулся на тропе и чуть в пропасть не угодил!.. тоже подмастерье, как ты: Яном звать!..

ГЛАВА VI.

Над поляною задребезжали звуки трубы; из лесистых сине-черных ущелий откликнулось эхо; на окраинах лагеря зашевелились и начали подыматься люди; встали и собеседники Марка.

— Что надо делать? — спросил он.

Ему сказали, что на ночь весь стан обводится чертой и закрепивается для охраны от демонов; необходимо наблюдать, чтобы черта везде была сомкнута.

Работа была выполнена копьями и заняла всего несколько минут; по черте, за отсутствием патера, прошел высокий, угрюмый человек со сросшимися бровями; он бормотал заклятья.

— Беда, сколько везде нечистой силы!... — проговорил, ложась на прежнее место, ближайший сосед Марка. — Не досмотри чего-нибудь — ни за грош пропадешь!...

— Есть на свете и похуже, чем нечистая сила!.. — буркнул другой. — Рыцари с их замками, будь они прокляты!

— Да!.. — согласился третий. — Везде человек должен остерегаться чего-нибудь! И откуда, как подумаешь, развелось так много демонов на свете?

— Боги это старинные!.. — ответил первый. — Не стали им молиться и жертвы давать — они и ушли и мстят нам!..

— И теперь им многие молятся!.. — сказал третий. — Да отчего и не молиться? У богатых капелланы все сделают, а бедному человеку самому всех задобрить надобно!..

— Двум господам служить нельзя!.. — возразил Марк.

— Господа — дело другое!.. — А вот ты туда сунься, поди!.. — он кивнул на лес. — Попробуй-ка горного духа не умилоствить?..

— Тут неподалеку, на уступе горы, стоит замок... — начал рассказывать второй и все ближе придвинулись к нему. — Завтра увидите его. Теперь он в развалинах; жил в нем в старые годы рыцарь по имени Вод — хуже всякого дьявола был! Знаете сами, что делают рыцари — охота, пирры да разбой — вот и все их занятия, а уж что этот бешеный вытворял, и во сне не приснится! Для потехи живых людей на спины диким оленям привязывал и в лес выпускал, а сам с собаками за ними гонялся; других голодом в подземельях замка умаривал, со скал сбрасывал — что ни взбрело в голову, то и делал! И вот однажды на охоте достиг его туман; сорвался он с высоченной скалы и разбился вместе с конем в пропасти. Не приняла его земля, приказано было ему до Страшного Суда в своем гробу лежать, а в полночь вставать и до рассвета гоняться за медведями, волшебниками и разбойниками. Так с тех пор он и не знает покоя и носится по ночам в стороне от дороги: на них запрещено ему показываться. Где проскачет — там непогода начинается, ветер завывает; как загудит в трубах — уже знают люди, что Вод где-то близко мчится!

— А видал его кто-нибудь?.. — спросил третий.

— Еще бы — много раз! И я его видал... Высокий он, тощий, как скелет, в доспехах железных, лицо, как у одержимого... беда встретиться с ним!.. Возвращался я как-то до-

мой, да запоздал, ночь захватила в лесу. И вдруг слышу — загудело вдаль, вопли зачудились, бич будто хлопает... как буря на меня катится!... Я в кусты шарахнулся; лежу ни жив, ни мертв — вижу, двое человек во весь дух бегут; за ними на белом коне по воздуху рыцарь в синих латах несется, из ноздрей у коня огонь пышет, глаза у всадника волчьи, светятся... И смаху бичом по бегущим ж-жик, и-жик!.. каждый удар по клоку платья и мяса ссекал. Весь лес очнулся. — «Вод» — «Вод»!.. — загремело кругом... Не помню уж, как от такой страсти до дома добрался!

— Слышал и я о Воде!... — проговорил третий. — Везде имеются замки страшные!

...У нас крестьянин повез на ослике овес в город. Уже рассветало; в лесу на перекрестке повстречался он с каким-то человеком и тот купил овес. Крестьянин повел за ним ослика; шли долго, все куда-то вниз, и в самой глуши и чаще увидели зеленую от моха башню и стену. Подъемный мост был опущен, стражи не примечалось... Вступили они в ворота под башней, потом на двор — и там никого: травой он зарос; ни души не виделось и в окнах замка...

Незнакомец велел сложить мешки у стены и вошел вместе с крестьянином в большой зал. Посредине за столом сидели десятка два вооруженных людей в кольчугах; никто из них не шевелился — все спали. При звуке шагов они повернули головы и открыли глаза.

— Что нового на свете?.. — глухо спросил человек с бородой по пояс.

— Ничего нет!.. — ответил крестьянин. Сидевшие опять опустили головы и уснули. Неизвестный провел крестьянина в следующий зал, громадный, как собор; в нем сидели четверо богатырей в латах с золотыми насечками и тоже спали.

Стук ног разбудил их.

— Что нового на свете? — прогремел старший; седая борода была у него до полу.

— Ничего не слышать, ваша милость!... — повторил крестьянин.

— Звонят ли трубы на горах?

— Нет...

Глаза всех четверых закрылись; богатыри поникли в глубоком сне.

Неизвестный расплатился с крестьянином и вывел его из замка; в полдень он был уже дома. А там плач, тревога, ищут его везде! Оказалось, не несколько часов провел он в отлучке, а более суток.

— Кто же такие были люди в замке и чего они ждали? — спросил первый; он слушал с жадным вниманием.

Рассказывавший пожал плечами.

— Кто же может знать? заклят замок каким-нибудь волшебником!

— Всего много в лесу, а в особенности в горах!.. — сказал первый.

— Раз мой отец ошибся тропой и заблудился. Ночь между тем пала, да темная, безлунная, в трех шагах ничего не распознать. А у нас, так же, как здесь, горы кругом, лес дремучий. Что тут делать? Того и жди, с кручи загремишь — и ворон костей не соберет! Подумал отец да на дуб большой и залез от зверей; устроился на ветвях и решил как-нибудь дождаться до света.

Сидел он, сидел, сморило его, дремать начал. И вдруг видит — светляки стали загораться на земле — один, другой, третий... как рассыпало их. Всмотрелся отец: нет, это не светляки, а маленькие человечки, гномы; самый высокий в локоть ростом; на всех красные колпачки, все бородастые, на плече у каждого кайло маленькое, в руке фонарь зажженный. Видимо-невидимо сошлось их под дубом, на котором сидел отец; разместились все на переплетшихся корнях, а один в красном плаще, король ихний, на бугре расположился; от огней внизу светло стало. Испугался отец; сами ведь знаете, что не к добру гнома увидеть; притих он к дубу, старается не дышать. Слышит — разговор повели гномы — будто колокольчики крохотные зазвенели. И узнал отец, что совсем близко от того места, под скалой, пещера имеется, а из нее два хода в глубину земли ведут. А в этих ходах несметное богатство — жилы толстые, серебряные тянутся; гномы порешили этой пещеры пока не ка-

саться, а начать работу в другой, что за день пути отстояла — туда они и собрались идти. Отдохнули гномы и двинулись в лесную глубь звездный поток из фонариков; опять темнота наступила. Только стало светать, отец слез с дуба и давай пещеру искать. Нашел ее почти сейчас же, вполз в нее на животе — иначе нельзя было попасть, вход очень низкий был — видит, над ним словно огромные ледяные сосульки нависли; отыскал он и другие два хода. Далеко идти без огня не посмел и только заглянул в них, — верно: в стенах словно канаты серебряные скрутились, перепутались! Обрадовался отец. Выбрался из пещеры на вольный свет, положил пометы на скалу с пещерой, отыскал дорогу и побежал домой.

— «Так и так», — говорит матери, — «вот что со мной было!» Ну, радость, понятно, в доме сделалась: богачами ведь сразу оказались! Наутро отец забрал кайло, суков смолистых для освещения, хлеба и пустился в дорогу. Нашел полянку, на которой ночевал и дуб узнал; отыскал свои засечки на деревьях и дальше заспешил. Шел — шел... пометы его, а путь как будто не тот!.. и не наверх, как утром вчера, а вниз куда-то вел. Спустился отец с горы, на дне ущелья оказался. Взобрался опять на гору, сыскал свои надрезы — они его еще в другое место завели. Сунулся по третьему следу — в еще более диком месте очутился, едва вылез, ни скалы, ни пещеры и в помине нет! Бился, бился отец, да так ни с чем домой к ночи и вернулся... Говорили потом старики, что нельзя было ему босиком в пещеру входить — надо было обмотать ступни чем-нибудь мягким, чтобы следов не оставить. А как наткнулись гномы на следы и поняли, что человек их богатства увидел — сейчас же засыпали вход и поделали насечки на деревьях в разных направлениях.

Так мы в бедности своей и остались!..

.

Уже совсем легла ночь.

Месяц еще не всходил из за гор, небо было серо-синее; каменные вершины казались посыпанными снегом; лагерь понемногу замирал.

— А пора и спать?.. — проговорил один из рассказчиков и стал устраиваться у огня.

Со стороны двуколки опять послышался стон; улегшийся было Марк встал, подошел к больному и нагнулся над ним.

— Не нужно ли тебе чего? — спросил.

На него глянуло совсем молодое, бледное лицо с карими глазами.

— Пить!.. — проговорил Ян спекшимися губами.

Марк подал длинногорлую тыкву с водой и большой с жадностью приник и долго не отрывался от нее.

— Спасибо!.. — сказал и опять опустился на войлок. Марк укутал его в веретье с двуколки, прочел молитву и улегся поблизости. Ночью он несколько раз просыпался и проводывал больного.

В серебряной ряби облаков плыл месяц; только шум реки нарушал тишину; отблески костров пятнами золотили черную стену безмолвного леса. Было жутко, торжественно, незабываемо хорошо...

ГЛАВА VII.

Певучие звуки трубы пробудили Марка на рассвете. Он открыл глаза и несколько мгновений не мог понять, в чем дело: кругом недвижно висел белый как молоко, густой туман. Марк поднялся; сделались видны верхушки палаток и головы людей, как бы плававших в разные стороны в этом молоке; высоко вверху четко виднелось кольцо горных вершин; из них две, самые высокие, горели как яркие, алые маки.

Туман понемногу оседал; люди складывали палатки, водили на водопой, седлали лошадей и длинноухих мулов; было сыро, холодно и когда туман исчез — сизый налет ро-

сы покрывал все.

Марк и трое его новых товарищей подошли к больному; он был в забытии и не ответил на зов.

— Чего его таскать с собой? — проговорил тот, который рассказывал про рыцаря Вода. — Оставить его надо: все едино помрет!..

— Что ты? — возразил Марк. — Да его звери съедят!

— А кто же с ним возиться будет? ты, что ли?

— Я!.. — подтвердил Марк. — Помогите мне только на повозку его поднять!

Кнехты исполнили просьбу.

По второму зову трубы закричали погонщики, закрипели колеса повозок — обоз тронулся в путь. Впереди, блестя остриями копий, ехали вооруженные всадники; другой отряд замыкал шествие.

Марк зашагал рядом с больным и всячески старался не давать ему мотаться из стороны в сторону на рывтинах и колдобинах.

Стал чувствоваться восход солнца: сделалось теплей, хмурое, предрассветное настроение людей сменялось оживлением; в хвосте каравана кто-то загорланил песню.

Понемногу сделалось жарко; солнце выкатилось из-за горной цепи; рои мух и оводов стали беспокоить лошадей и мулов; погонщики обмахивали их ветками.

Часа через три долина сузилась и превратилась в дикое безлесное ущелье; со всех сторон вставали темные и красноватые каменные кручи и скалы; шум реки превратился в рев; клубясь и пенясь, она с яростью прыгала по камням; над стремниной вздымались отвесные скалы; в одном месте — самом узком — она давала крутой поворот и там висела арка каменного моста; по ту сторону реки, на уступе, над водой серели башни и стены небольшого замка.

Караван сдвинулся теснее и остановился; люди стали готовить оружие: дорогу у самого моста перегородила толпа пеших, вооруженных людей; предводитель их, блестя латами, возвышался над всеми на огромном вороном коне; пук белых и красных страусовых перьев развевался на его шлеме.

Марк и повозки его товарищей задержались на бутре; им было хорошо видно все происходившее. От головы каравана отделился, окруженный своими всадниками, мейстер Иогансон; он приблизился к рыцарю, слез с седла и снял шляпу; тот поднял забрало; начались какие то переговоры.

— Ишь, сволочи!.. — со злобой выговорил один из кнехтов, стоявших около Марка. — И не надо нам через их мост идти, а все-таки плати за то, что мимо идешь...

— Зачем же платить? — удивился Марк.

— Попробуй, откажись! Сейчас мейстер много не даст — мы сильней ихней шайки, а что-нибудь сунуть надо: иначе потом заплатишься!

Между начальником каравана и рыцарем, видимо, происходил торг; мейстер полез к себе в карман, вытащил монету и подал ее человеку в полосатой куртке и с синим колпаком на голове, стоявшему около стремени рыцаря; этот подкинул ее на руке и спрятал за пазуху. Рыцарь поднял над головой копьё и люди, перегораживавшие дорогу, расступились по обе стороны ее. Мейстер сел на лошадь, провел сквозь них отряд и сейчас же остановил его на свободном месте; по знаку его руки караван двинулся вперед.

Марк, проходя мимо, со вниманием всматривался в бородатые лица вражеских воинов; рослые, плечистые как на подбор, они каменными изваяниями стояли, опершись на копьё. Рыцарь казался грудой железа; лицо его было багрово; из-под клокастых бровей смотрели маленькие, воспаленные глаза; темная борода с сильною проседью покрывала подбородок и щеки.

— Дьяволы!.. — вполголоса произнес другой сосед Марка, когда стены из людей были пройдены. — Хари разбойничьи! Все в шрамах!

— А зачем наши конные у моста остались? — спросил Марк.

— Чтобы не напали сзади на обоз! — пояснили ему. — Это такой проклятый народ — всякую пакость сделают, да еще наглумятся потом! Кабы их сила сегодня была — либо дотла ограбили бы, либо что ни захотели, то и отняли бы!

Сила, брат, на свете всему голова!

Замок и мост остались позади; дорога свернула в боковое ущелье и густой лес опять зазеленел кругом каравана.

Около полудня на лужайке, где было много травы, сделали привал; чтобы не попасться врасплох, задний отряд был усилен; на высокий дуб влез сторожевой: оттуда открывалась значительная часть пройденного пути.

Только что развьючили животных и развели костры для варки обеда, на поляне, верхом на ослике, показался толстяк-монах в коричневой рясе и с лицом в виде полной луны; обритая голова его стояла на туловище-бочке без всяких признаков шеи; на маковке чернела скуфейка; по бокам ослика висели две туго набитые переметные сумы из прочной козьей шерсти; на них враспырку торчали две короткие, жирные ноги монаха, обутые в грубые башмаки, подбитые крупными гвоздями.

Глаза и рот толстяка казались узкими щелками; между ними краснела картофелина — нос; монах беспрерывно благословлял и влево и вправо рукою; встречные обнажали головы и кланялись.

На середине луговины он остановил ослика и слез; его окружили люди и помогли снять сумы.

— Здравствуйте, здравствуйте, дети мои!.. — говорил монах не совсем твердым языком. — Знал, что вас встречу: видение мне было такое сонное!.. Все, что нужно человеку для счастья — все для вас в этих мешках захватил!.. — Он похлопал рукой по плотно набитым сумам и стал развязывать одну из них; оттуда появились разные грошовые мелочи — кольца, маленькие статуэтки, грубо изображавшие каких-то страшил, людей, животных и т. п.

— Самые сильные на свете амулеты!.. — возглашал монах, подымая над головой нанизанные на веревочки, звякавшие вещицы. — Все с ноготок, а сильнее быка! Вот освященные погремушки для ослов!.. — он потряс и зазвенел ими. — С ними ни зверь не тронет, ни нечистая сила куда не заведет, цена — серебряный солид! Вот кольца удивительные: кто на правой руке носит — верность удара приобретает, цена два солида! Корешки крестовой травы с

Голгофы — в пути шествующих оберегают! Кто их на груди носит — спи спокойно! ни в какую беду не попадешь, пять солидов!.. Покупайте скорей, добрые люди — в последний раз эти замечательные вещи видите: все еще в святой земле расхvatаны богомольцами!.. дешевле репы отдаю — обет такой на себя наложил: только на пользу людей стараюсь!..

Густая толпа обступила монаха, не перестававшего нараспев выхвалять свои товары; среди нее находился и Марк; такое обилие волшебных вещей поразило его и он с почтением и искренней верой разглядывал их; желание приобрести как можно больше всего стало разгораться в нем; кругом шел шумный торг, звенели деньги, ссыпаясь на широкую жирную ладонь монаха, а с нее в бездну кармана его рясы.

Один из кнехтов купил перстень с вырезанным на нем трехговым зверем, предохраняющий от падений. Не успел кнехт отойти со своим чудодейственным приобретением и полусотни шагов, как споткнулся о камень и смаху грохнулся носом о колесо повозки; из расшибленного места ручьем полилась кровь.

Кнехт сначала ошалел, затем рассвирепел, вскочил на ноги и, расталкивая толпу, бросился к монаху.

— Ты что же это, толстый дьявол, продаешь?! — завопил он, тыча растопыренными пальцами одной руки чуть не в самое лицо монаху, а другою держась за нос. — Это так твое паршивое кольцо от падений охраняет?!

— Не кричи, не кричи, дубина! — невозмутимо ответил монах. — Поддай сперва сюда свою лапищу... покажи, как ты надел его — в этом вся суть!

Кнехт протянул руку; монах мельком взглянул на нее.

— Ну я же знал, что ты болван! — заявил. — Как еще ты жив остался, не понимаю! Где у тебя апокалипсическая голова, остолоп, — снаружи? А она внутри ладони должна быть! Когда она внутри — предохраняет от падений, а когда снаружи — на землю бросает: так только тем, кого погубить хотят, дают надеть! А ты, ни шиша не зная, орешь, осел, на духовное лицо!.. — да простит тебе Господь за глупость это прегрешение!..

Объяснение, данное не допускающим возражения голосом, заставило пострадавшего сразу умолкнуть; он с сугубым почтением повернул на пальце кольцо, потом осторожно потрогал раздувшийся нос и пошел обмывать лицо.

Марк, наконец, сделал выбор и взял три талисмана: один от всяких болезней, другой — приносящий удачу в поисках и третий — от козней нечистой силы.

— Владей на счастье, сын мой!.. — сказал монах, принимая порядочное количество денег, бережно отсчитанных Марком. — Ты, вижу, хороший человек, а потому дам тебе добрый совет — купи еще вот это! — Он указал на изогнутый плоский медный крючок-пряжку для пояса с изображенными на ней какими-то фигурами и щелкнул языком. — Это, брат, уж такая вещь, что сто дураков поумнеют, пока найдут вторую! Кто ей владеет, тот всех приворожит к себе; богачом в конце концов делается... Дорого, но хорошо! Тебе за треть цены отдам!

Марк преодолел соблазн.

— Мне не нужно!.. — ответил.

К магическому крючку протянулась рука высокого кнехта; в него же вцепился другой, ростом пониже; началась перебранка и первый кнехт, ворча, должен был уступить.

За обедом лагерь шумел, как горный поток: все хвастались покупками; каждому казалось, что он сделался значительней и сильнее, чем был до приобретения талисмана; Марк тоже переживал это радостное, бодрящее чувство.

Монах кончил торг и присоседился к мейстеру Иогансону; из второй сумы появилась большая фляга с вином и монах деятельно стал прикладываться к ней сам и потчевал мейстера; тот угощал его обедом.

Марк проведал своего больного и навесил ему на шнурке на шею талисман от болезней; Ян был уже в сознании и Марк накормил и напоил его.

Не больше как через час раздался сигнал к выступлению: город был недалеко, и мейстер хотел попасть в него засветло.

ГЛАВА VIII.

Зеленые стены леса опять обступили караван; передовые то и дело вспугивали зайцев и шумно взлетающих теремов; на одном из поворотов из большой лужи на середине дороги вдруг поднялся и сел громадный дикий кабан; два желтых клыка словно серпы торчали по бокам его морды. Он хрюкнул утробой, очутился на четырех ногах и метнулся, ломая кусты, в сторону.

Марк несколько раз заговаривал с Яном и узнал, что он ювелирный подмастерье из Богемии и направляется в Орлеан для усовершенствования в своем ремесле.

Спрошенный Яном о цели его путешествия, Марк ответил не сразу.

— Тоже учиться иду: живописец я!... — сказал он, опасаясь посвятить кого-нибудь в свою тайну.

— И тоже во Францию?

— Не знаю... говорят, есть такая страна, Италия; там будто бы лучше всего учиться...

— Слышал и я, путь туда очень трудный!.. — больной умолк.

Дорога начала понемногу подыматься в гору, с перевала открылась всхолмленная равнина, ее мутною полосой пересекала широкая река, середину занимал длинный остров; на нем подымались каменные стены, башни, церкви и красные крыши строений еще далекого города; с острова на оба берега перекидывалось по горбату мосту; вдали в синем тумане теснились горы.

Сперва в оцепенении, затем с глубоким волнением, не отрываясь, смотрел Марк на впервые представившееся ему виденье; освещенный алыми лучами заката город стоял как бы весь в пламени, казался чем-то сказочным, огромным, загадочным. И, находясь на высоте над беспредельным простором и этим виденьем, Марк вдруг осознал свое одиночество и полное ничтожество в мире...

Начался спуск более крутой, чем подъем; животные с трудом пробирались по водным промоинам и рытвинам;

вьюки наезжали им на плечи и кнехтам то и дело приходилось поправлять их и подтягивать подпруги; Марк заботливо оберегал Яна и поддерживал плечом то и дело накрывшуюся повозку.

Караван спустился, наконец, с перевала и зазмеился по ровному приволью лугов. Все повеселели: город делался все ближе, здания его рисовались отчетливей; можно стало распознать скалы, на которых высились стены; доносился звон.

Мост охраняла четырехугольная башня с узкими, черными отверстиями бойниц; верхняя, кирпичная часть ее была, видимо, доделана позже к более древней, сложенной из крупных валунов; такая же вторая башня — высокая и круглая, замыкала мост с стороны острова; на верхних площадках обеих, на брусах с перекладиной, висело по колоколу.

Завидев приближавшийся неизвестный отряд, на передней башне зазвонили тревогу; подъемный мост через ров медленно поднялся на цепях и, как щитом, плотно прикрыл входные ворота; между зубцами башни заблестело железо шлемов и наплечий стражи; в бойницах показались люди с луками и колчанами.

Замостная башня откликнулась тремя басистыми ударами. Караван приблизился на два полета стрелы и остановился; мейстер Йогансон с двумя спутниками подъехали к неширокому рву, отделявшему башню от берега и замахаи пучками травы в знак своих мирных намерений. Загремели, заскрежетали цепи и блоки, и мост стал опускаться на прежнее место; из ворот появились несколько человек для опознания прибывших; разрешения на остановку у города и проезд в него были даны быстро и копыта лошадей мейстера и одного из его спутников гулко застучали по настилу моста. Другой вернулся к каравану, и часть товаров, принадлежавшая местным купцам, потянулась в город; остальной обоз растекся по луку по направлению к трем двухэтажным каменным постоялым дворам, серевшим вразброс неподалеку от предмостной башни; каждый из них являлся крепостцой с небольшим прямоугольным дво-

ром внутри; окна имелись лишь в верхней части стен; нижний этаж служил навесом для грузов, мулов и лошадей. Со стороны двора во втором ярусе тянулись открытые деревянные галереи; ряд невысоких дверей вел из них в общие помещения и отдельные номера для проезжих; галереи опирались на толстые дубовые столбы, отесанные с четырех сторон.

Говор, движенье, шум разом наполнили все закоулки и лестницы. Марку пояснили, что за поздним временем найти приют в городе трудно и переночевать надо в трактире. Тем временем опять завизжали блоки, и мост поднялся снова: с наступлением сумерек в город никто не допускался.

За небольшую плату Марку отвели каморку с двумя некрашеными деревянными кроватями, соломенными тюфяками и такими же подушками; при помощи дорожных товарищей он внес в нее больного и свое и его имущество, потом захватил со стола небольшую масляную лампу — глиняную плошку с ручкой — и отправился в кухню: вход туда вел из проезда ворот. Во дворе распрягали животных и разводили их к общим яслям; в дальние, безопасные углы сносили и складывали вьюки.

Громадную кухню на три четверти занимали тяжелые дубовые столы и скамьи; в ней шла суета — доставали из погреба провизию, спешно готовили ужин для многочисленных прибывших гостей. Почернелый камин был таких обычных в те времена размеров, что люди, носившие дрова, входили в него, не сгибаясь, а зимой по бокам огня в нем ставились стулья и замерзшие путешественники по пятеро и больше человек сразу могли греться, как в гроте у костра.

Кухня заполнилась людом; запылал огонь; над ним висели цепи для котла и крюки для жаркого; слева от каминна, за стойкой, на двух подставках с вырезом, темнел десятиведерный бочонок с деревянным краном; две миловидные служанки в белых чепчиках и зеленых платьях с красными оборками разносили чудовищные глиняные кружки с пенившимся пивом; толстяк-хозяин в синем колпаке, свисавшем ему на ухо, раздув красные пышки-щеки, наде-

вал на крюки цельного барана и четверть телятины.

Марк осведомился о стоимости съестного, зажег угольком свою лампочку и, заказав скромный ужин себе и товарищу, отправился обратно.

Было уже поздно; ворота запирали; на длинном железном пруте над ними, знаменуя гостиницу, замерцал большой слюдяной фонарь; под сводом проезда, освещая часть двора и деревянные ступени лестницы, дымно горел факел. В галерее было темно; словно заплаты на стене светлели двери; густо пахло конским потом, на небе не виднелось ни звездочки.

Марк отыскал свою дверь и вошел в номер; его встретил пристальный взгляд Яна.

— Сейчас поужинаем!.. — сказал Марк. — Ты проголодался?

— Нет... — отозвался больной. — Пить хочется!

— И пить принесут, я заказал пива!

— У меня денег нет!.. — проговорил Ян.

— Ничего, у меня есть!.. — ответил Марк. — Я уже заплатил!

Ян промолчал. Через некоторое время на галерее слышались проворные шаги; в дверь стукнули, и на пороге с полотенцем на плече появилась служанка; в руках она держала деревянный поднос с парой кружек с пивом; между ними на двух оловянных тарелках лежали куски хлеба и дымившегося мяса.

— Кушайте на здоровье!.. — приветливо произнесла девушка, поставила поднос, положила на него же полотенце и поспешила назад.

Марк передвинул стол к изголовью Яна, сел на табурет и достал нож: вилки в те времена были еще неизвестны.

Ян припал губами к кружке.

— Ну-ка, попробуй теперь мяса?.. — предложил Марк и протянул товарищу нож с наткнутым на конце его жирным куском; Ян взял, но руки плохо повиновались ему; Марк заметил это и нарезал мясо на мелкие части.

Ян проглотил несколько кусочков и отстранился.

— Спасибо... — проговорил. — Не в силах больше!..

Марк один принялся за уничтожение ужина.

Лампочка давала слабый желтый свет; от огонька вилась вверх струйка копоти; на одной стене черным бугром рисовалась тень Марка, на другой Яна — длинная, походившая на гроб с мертвецом.

— А кто твои родители? — вдруг спросил Ян.

— Не знаю... А твои кто?

— Отец серебряных дел мастером был, да я его не помню!.. Захудали мы очень, мать меня отцовскому делу учиться отдала!..

— Жива она?

— Нет! Лет пятнадцать мне было, когда померла!

— А сестры и братья есть?

— Нет никого...

Замолчали; Ян задумался.

— Так в Италию пойдешь?.. — вымолвил опять, немного погодя.

— Да!

Марк покончил с мясом, вытер руки о полотенце и взялся за свою кружку.

— Когда идти думаешь?.. — спросил Ян.

Марк понял мысль, беспокоившую его нового приятеля.

— Не бойся, не брошу тебя!.. — ответил он. — Покуда ты не поправишься — не уйду!

В карих глазах больного затеплилась ласка.

— Спасибо!.. — тихо уронил он.

В полночь Марк, как ополоумевший, сорвался с постели: ему приснилось, будто он в дремучем лесу и сотни медведей, встав на дыбы, окружили его. Неистовый, страшный рев продолжал раздаваться и в действительности.

— Что такое?! — в испуге проговорил Марк, не зная, за что схватиться и от кого обороняться впотьмах.

— Да нет ничего!.. — успокоительно отозвался Ян. — мулы это и ослы ревут! Разве ты не слыхивал их?

Марк плюнул в сердцах.

— Вот голоса!.. — сказал. — Страшной медвежьих!.. У нас два маленьких ослика было, они так не кричали!

В комнате было душно: он распахнул дверь и вышел на галерею: охватила свежесть; небо усыпали звезды.

Рев внизу стал стихать и только один из ослов никак не мог кончить рулады и со скрипом и свистом выводил свое отчаянное и-а...

— Да уймите этого сатану!.. — заорал внизу чей-то голос, немногим лучше ослиного. — Потяните его за хвост!!

Совет, очевидно, был исполнен: рев прекратился сразу. Наступила опять тишина: алмазная россыпь на небе сверкала и переливалась разноцветными огнями.

ГЛАВА IX.

Марк проснулся еще до зари; в каморке стояли сумерки; Ян крепко спал, подложив руку под щеку.

Марк вышел наружу. В разных местах двора непрерывной чередой пели заревые петухи; со стороны степи на востоке небо было зеленое и прозрачное; у самой земли его пересекала ярко-желтая полоса. И люди, и животные еще спали; под навесами, между столбами, виднелись лежавшие мулы; некоторые стояли, понурились головы и опустив уши.

Марк захватил полотенце и сошел вниз; в углу за кухней отыскалось несколько пестрых глиняных рукомошников, висевших на веревочках.

Марк умылся, почистил пуком соломы платье и башмаки и, когда он снова появился на галерее, внизу, зевая и потягиваясь, стали показываться и переговариваться люди.

С восходом солнца началось оживление; ворота распахнулись: повели на водопой животных. Марк вышел на луг и опять приковался взглядом к городу.

Острые шпили церквей с медными петухами на них стремились к небу; их обливал румянец; кругом золотом сияли вершины цепи гор, — низы их окутывал густой туман.

Мост был уже опущен.

Желание поскорей попасть в никогда еще не виданный город было так сильно, что Марку не хотелось ни есть, ни пить; тем не менее, он выждал пробуждение Яна, принес ему воды, хлеба и ветчины и лишь тогда зашагал к башне.

День был базарный; к мосту с разных сторон тянулись вереницы крестьян с серыми и черными осликами, исчезающими под огромными корзинами с овощами, дровами, молоком и прочими продуктами.

У ворот, опираясь на длинные алебарды, стояли двое стражей в кольчугах и в черных, круглых шлемах.

Оба обратили внимание на высокого, плечистого Марка, скромно пробиравшегося среди кучек крестьян.

— Эй, молодец?.. — окликнул один. — Куда путь держишь?

Марк оглянулся и остановился.

— В город; работу ищу!..

— Плюнь! Иди лучше к нам, у нас веселее!..

Марк отрицательно качнул головой.

— Нет, у меня свое дело имеется!.. — и он поспешил дальше.

Под мостом бурлила и неслась река; Марк миновал гулкий проход под второй башней и очутился как бы в извилистом ущелье между двумя сплошными рядами двух- и трехэтажных домов; над улицей протягивались веревки с сушившимся бельем; дома были все узкие, с одним, много двумя окнами в каждом этаже; внизу они были заделаны толстыми железными решетками; входы казались черными пещерами.

То с одной, то с другой стороны из них выходили женщины с ведрами помоев или ящиками с мусором и вытряхивали и вываливали содержимое их тут же у стен; над головой Марка беседовали, высунувшись из окон, обыватели; один передавал другому через улицу какой-то предмет.

Марк шел медленно; его то и дело обгоняли ослики, прохожие, торговки с плетушками и лотками на головах; шум, выкрики и движение казались Марку оглушительными. Улица вывела на большую площадь, окруженную с четырех сторон, более высокими и обширными домами; число окон в этажах доходило до трех. Марк завернул за угол и приковался к месту в немом изумлении; глаза его встретили снежно-белую громаду собора; вся она была покрыта каменными кружевами, многочисленными стрельчатыми башенками; с раззолоченного портала, с каждого выступа стен, глядели раскрашенные статуи святых; сверху свисали желоба водосточных труб, имевшие вид разинувших пасти драконов и диковинных зверей. А перед этим чудом гудел и шумел рынок; его заполняли клетки с домашней птицей, груды тетеревов, диких гусей, уток, целых кабанов и оленей; толпа двигалась между ними как бы по узким проулочкам; раздавался немолчный говор, споры, крики.

Марк пробрался к собору и вошел под арки портала; как из-под земли росли ряды многочисленных стройных колонн; в вышине и сумерках на них упирались острые своды; словно сучья от стволов деревьев, разветвлялись жилы граней; между ними голубело небо, золотились звезды; всюду виднелись статуи; окна достигали почти до сводов; их покрывали многоцветные картины, рисованные на стекле.

Храм был еще пуст; Марка охватила торжественная тишина. Он преклонил колени перед алтарем, помолился и, весь проникнутый благоговением, стал рассматривать живопись. Ничего особенного не отыскалось и Марк, вдоволь надивившись гению строителя, вышел на паперть.

Базарный гомон опять охватил его. Марк вдруг приметил среди площади какое-то странное сооружение: над толпой слегка возвышался помост с двумя черными столбами, соединенными перекладиной; снизу в нее были ввинчены три больших крюка. Марк догадался, что то была виселица.

Он стал огибать площадь, и на углу одной из улиц услышал хохот и крики; он протеснился ближе и, благодаря

своему высокому росту, увидел изумившее его зрелище: две разъяренные, растрепанные женские головы в сбитых на сторону чепцах стояли на гладильной доске, показывали друг другу руками носы и неистово ругались и плевались; Марк распознал, что доска раздвижная и лежит на плечах двух женщин; на обоих концах доски висело по замку и имелось по вырезу для шеи; посередине, в четырех меньших отверстиях, были заключены руки у кисти; владелицы их, которым не хватало уже бранных слов и слюны, пытались лягнуть друг друга ногами, но это не удавалось и со стороны казалось, что обе женщины пляшут.

— Что такое?!.. — с удивлением вслух подумал Марк, глядя на бесноватых.

Стоявший рядом с ним, круглый как шар человек в темно-серой куртке и красных чулках до колен счел, что Марк обратился именно к нему.

— Где? — переспросил он тоненьким голоском.

— Да вот эти!.. — Марк указал на колодниц.

Толстяк проводил взглядом его палец, потом уставил подернутые влагой светло-голубые глаза на Марка, визгнул и залился смехом.

— Добрые люди?.. — заверещал он, оборачиваясь в разные стороны и то взмахивая руками, то хватаясь ими за живот. — Смотрите — вот человек, свалившийся с луны!..

Вокруг них сейчас же сдвинулась кучка любопытных.

— Сплетницы это, мой милый!.. — назидательно пояснил толстяк. — Когда люди начинают слишком много ругаться и сплетничать, — у нас их сажают в колодку! Погуляют так вдвоем под открытым небом три денька, да три ночи, — друзьями поделаются! А разве у вас в городе иначе?

— Откуда ты сам-то?.. — осведомился другой из толпы.

Марк смутился, залился густым молодым румянцем и назвал Бремен — первое вспавшее на ум имя города, нередко слышанное им в монастыре от отца Петра. Маленьким и незначительным вдруг вспыхнул на миг перед ним их монастырек; Марк как бы въявь увидел двух старичков, сидящих в келье и беседующих о нем.

— А слышал, слышал!.. это далеко!.. — отозвался толстяк. — А ты кто же такой?

— Я книги списываю, рисунки к ним делаю...

— О-о!!.. слышите?!.. — внушительно воскликнул толстяк и поднял над головой палец. — Высокоученый гость!!.. По этому случаю вам надо выпить с нами нашего пива, — оно знаменитое! И рассказов ваших послушаем!!.. пожалуйте с нами, ваше почтение?..

Кучка человек в десять, переговариваясь вполголоса со встречными и все увеличиваясь в числе, двинулась, окружив Марка; впереди, расталкивая толпу, шаром катился толстяк. А по базару стала расплзаться весть, что в город прибыл с луны необыкновенный человек.

Толстяк со своими спутниками дошел до погребка, над которым издалека виднелось изображение белого скачущего коня с крутой выгнутой шеей и взвещающейся гривой; спереди и сзади него две руки подымали кружки с пивом.

Людской поток стал литься вниз по каменным ступенькам; над ними висел слюдяной фонарь.

Низкие граненые своды погребка опирались на два мощных четырехугольных столба; свет падал сверху в маленькие зарешеченные оконца; в полусумерках различались длинные дубовые столы, окруженные тяжелыми табуретами и маленькими пустыми бочонками; слева темнела стойка с сухарями и жареным с солью горохом в глиняных мисках; за нею всю стену сплошь закрывали бочки разных размеров, накаченные друг на друга в два и в три яруса.

Погребок был еще почти пуст; только в самой глубине его за кружками сидели двое пожилых людей.

Шум от множества входивших привлек внимание хозяев; из-под окна выдвинулся зеленый колпак, затем показался бритый и сутуловатый человек того возраста, когда сразу не разберешь — мужчина перед тобой или женщина; из-за бочек, мелькнув красной и желтой юбкой, как бабочки, вывернулись две служанки в черных корсажах.

Погребок наполнился говором: пришедшие тесно сдвинули табуреты и бочонки и разместились вокруг Марка и

толстяка; множество глаз и разинутых ртов уставились на первого; Марк чувствовал себя как в западне, но уйти, скрыться от общего внимания было совершенно невозможно.

На лестнице, не сходя в погребок, стояла кучка любопытных: за ними из двери торчали еще несколько лупоглазых рож с подстриженными в виде челок волосами на лбах.

— Это который же с луны?.. — громко поинтересовалась одна.

— А вот этот, здоровенный!.. — ответила другая и палец потыкал в воздухе на Марка.

— А в Бога он верует?

— В соборе сейчас был!

Толстяк потребовал пива для себя и своего гостя; служанки забегали среди посетителей.

— Итак, вы из знаменитого города Бремена?.. — начал разговор толстяк и потянулся чокнуться с Марком. — Первый город во всем мире, хотя и наш город может, конечно, кое-чем и кое-кем похвастаться!.. — щеки его раздулись.

— Крепость у нас замечательная, собор... и люди есть умнейшие!.. Что же вы, высокоученый гость, собираетесь у нас делать? На ученые диспуты, быть может, пожаловали?

— Работу ищущу!.., по книжной части... может быть, такие мастерские есть здесь?

Окружавшие Марка переглянулись.

— Таких нет!.. — ответил за всех толстяк. — Зато бочары у нас превосходные; оружейники — у-ух!!.. — он сложил пучком пальцы и сочно почмокал их. — Быть может, вместо картинок вы бы нам автомат сделать не отказались?

Марк никогда не слышал этого слова, спросил, что оно значит.

Этот вопрос заставил толстяка отвесить нижнюю губу и заспесивиться.

— Вы не знаете, что такое автомат?.. — протянул он. — Нам нужен искусственный человек из железа, который бы день и ночь звонил молотком в колокол часов на башне!

— Это колдовство!!.. — с опасением проговорил голос с лестницы.

— Колдовство во славу Божью!.. — важно возразил толстяк. — Пускай и черт служит на пользу церкви!.. Ну, если автомат вы не можете сделать, то поговорите о философии: теперь все лучшие умы заняты ею... например — сколько ангелов может поместиться на кончике ножа... Как вы думаете об этом со своей стороны?

Марк никак не думал: он впервые в жизни услышал о существовании такого вопроса.

— А!.. и этот орех вам не по зубам?.. — пренебрежительно произнес толстяк и окончательно распух от гордости.

— Ну, а как вы полагаете насчет того, — мог ли бы Господь сотворить все лучше, чем он это совершил?

— Я думаю, да!.. — смущенно ответил Марк.

— А почему же тогда он эдак не сделал?

Марк опять ничего не мог ответить.

— Что же из этого явствует? — толстяк с торжеством обвел взглядом раскрытые рты и внимательные глаза. — А то значит, что мы со-вер-шен-ны! — толстяк поднял палец и пожевал губами. — Да, есть кое-кто из умных людей и у нас в Вассербурге!! — добавил он многозначительно.

— Ай да мейстер Вальтер!! — крикнул восхищенный голос. — Вот тебе и ученый с луны из Бремена! В угол забил!!

— Где бременцам?!.. — поддержали еще голоса. — Это им не селедок возить! Разве их с нашими сравнить?!.

— Потише, кум Мартин, потише!.. — сияя, но стараясь принять скромный вид, заявил толстяк. — Один глуп, другой умен. — Не будем гордиться тем, что кому Бог дал!..

На Марка вперебой посыпались разнообразные вопросы; на большинство их ответить он был не в состоянии; его бросало то в пот, то в холод, казалось, вот-вот еще минута и тайна его путешествия будет разоблачена. Многие интересовались, — как живет на луне и как туда попадают; другие спрашивали про торговлю Бремена и о дорожных приключениях.

К счастью Марка, собеседники его не давали ему раскрыть рта и сами вперекрест отвечали за него друг другу,

спорили и кричали. Марк помалкивал и прикрывался кружкой. В погребке делалось все шумнее; упоенный общими похвалами, толстяк принялся разглагольствовать, уже не обращая внимания на Марка; тот улучил минуту и укрылся за столбом, затем смешался со вновь входившими посетителями и выбрался на улицу.

На свежем воздухе Марк почувствовал, что рубашка на нем так мокра, словно побывала под проливным дождем; со лба крупными каплями катился пот. Марк вытер его ладонью и, стараясь быть меньше заметным, пустился к своей гостинице. Душа его была в смятении: он на опыте убедился в полном своем невежестве; казалось, что глупее и негоднее его уже нет никого на свете.

Только что Марк вступил на мост, в нескольких шагах впереди него раздался вопль: трое мирно шедших здоровяков вдруг с бранью набросились на попавшегося им навстречу невысокого, щупленького человечка в длинном черном плаще и таком же колпаке и принялись молотить его увесистыми кулачищами; тот хотел бежать, но его ухватили за ворот; высокий, острый колпак слетел с него на землю, чернявая голова замоталась от ударов из стороны в сторону; он брыкался и отбивался как бешеный, но безуспешно. Двое прохожих, сопровождаемых лохматой, серой собакой, остановились развлечься зрелищем; собака с лаем принялась на скакивать на бойцов и хватала то одного, то другого за штаны и куртки; прохожие хохотали.

Марка будто кто вытолкнул вперед.

— Оставьте! За что вы его бьете?!.. — крикнул он и удержал за руку одного из нападавших.

Тот вырвался.

— Проваливай, болван, к сатане!! — рявкнул он, грозя кулаком нежданному заступнику. — Свою морду береги, смори!!

И без того чувствовавшим себя униженным Марком вдруг овладела ярость. Он схватил ругавшегося за горло и смаху, как куль, шваркнул его об землю; во мгновение ока вслед за первым, как арбузом, кокнулся головой об мост и второй из нападавших; третий оглянулся, увидел товарищей,

в обалдении приподымавшихся с земли, и бросился наутек. За ним, мелькая подошвами, подбитыми гвоздями, пустились струхнувшие зеваки; следом с лаем помчалась собака.

Черномазый метнулся было бежать в обратную сторону, но оглянулся, смекнул, что произошло, молнией подскочил к своим, еще сидевшим, врагам и отвесил каждому по звонкой плюхе; это заставило тех проскакать на четвереньках, затем вскочить и со всех ног понестись обратно в город. Чернявый успел поддать одному из них ногой, затем обернулся к Марку.

— Благодарю вас, синьор!.. — запыхавшись, но торжественно произнес он на плохом немецком языке, держа на отлете правую руку, а левую прижав к сердцу и кланяясь с каким то необыкновенным изгибом. — Славно вы их отделили! — Если бы не вы — не досчитаться бы мне нескольких ребер! Вы вели себя, как рыцарь Роланд!

— За что эти разбойники набросились на вас?.. — спросил Марк; вспышка гнева уже прошла и ему сделалось смешно при воспоминании о людях, бегущих по-собачьи с напряженно-отупелыми лицами.

— Совершенно правильно вы их назвали, — настоящие разбойники! Невинные люди всегда от таких терпят неприятности!.. — черномазый поднял растоптанный колпак, расправил его, почистил и опять водрузил на свою голову. — Одно вам скажу, — не стоит делать добро людям! А как имя синьора и где вы проживаете?

Марк назвал то и другое..

— А меня звать Луиджи!.. — я шарлатан¹ из драгоценнейшей жемчужины мира — из Неаполя!

Марк не знал, что такое шарлатан и Неаполь, но переспросить не решился.

— Еще раз чувствительно благодарю!.. — сказал Луиджи и снова вихнул всем телом, отвешивая вторичный глубокий поклон. — Быть может, и я чем-нибудь услужу синьору?.. — он оцупал себя сзади рукою и любезное выражение на его лице разом превратилось в сердитое.

¹ Так назывались в Италии бродячие доктора.

— Проклятая собака!.. — проговорил. — Штаны почти пополам разорвала! Непременно засвидетельствую свое почтение вам сегодня же!

Новые знакомцы расстались.

ГЛАВА X.

Вскоре после обеда на галерее послышались шаги, затем раздался стук.

— Войдите...—откликнулся Марк.

Дверь отворилась и показалось острое колпака, затем голова и обладатель ее — Луиджи; под левым, совершенно запухшим глазом его красовался обширный синяк; другой глаз блестел и казался крупною черносливиной; на смуглом лице чернели небольшие усики и клинышек бородки.

— Это я!.. добрый день, синьор Марк!!.. — изысканно произнес он, склонив голову к плечу и отставив заднюю часть тела. — Э-э, да здесь больной есть? Это ваш товарищ, синьор Марк?

— Да. Яном его зовут!

— Друг ваш?

— Да!

— А!.. Это уже хуже!!.. — он приблизился к Яну. — Что с вами, синьор?

Ян рассказал, что произошло с ним в горах. Луиджи с важным видом слушал, полузакрыв благополучный глаз и снисходительно поддакивая частыми кивками головы.

— Кости целы?..

— Как будто!..

— Глаза веселые... — продолжал Луиджи. — Покажите язык?.. Ага, превосходно! Вы очень опасно больны, но для вашего друга я вас берусь вылечить! Слушайте внимательно: вот вам уголек!.. — Луиджи полез в карман и достал оттуда черный кусочек. — По виду он простой, а в сути своей чудодейственный: из костра Саламандры! Съешьте его, запейте водой и через три дня встанете!

Ян бережно принял драгоценность.

— Спасибо!.. — проговорил Марк. — Сколько же мы вам должны за лекарство?

— Мне? Ничего!.. Итальянцы, синьор, не любят оставаться в долгу! Видели, по какой оплеухе закатил я этим болванам?

— Да почему они на вас набросились?

— Собаки они, вот почему! Три дня тому назад в ногах у меня валялись, просили вылечить их отца, старому ослу, наверное, сто лет было, ходил, как хромяя лошадь, а я изволь превратить его в юношу?.. Я же не Бог, чудеса творю, но не всегда!

— Что же случилось со стариком?.. — любопытствовал Ян.

— Умер, скотина! Э, не будем больше говорить об этих невеждах; разве могут они понять, что смерть в таком возрасте дело необходимое?

Луиджи так сыпал словами, что руки его едва успевали изображать и подтверждать то, что говорил язык.

— Что синьор Марк намерен здесь делать?.. — перевел он разговор на другое. — Может быть, я вам мог бы на что-нибудь пригодиться?

— Я писец и рисую картины для книг... ищу работы и хочу учиться!

— А, синьор художник? — воскликнул Луиджи. — Так здесь вам, среди этих ходячих пивных кружек, делать нечего: ступайте к нам, в Италию, я сам итальянец и знаю ее как свои пять пальцев!

— Я и подумываю об этом!.. — ответил Марк.

— А когда отправляетесь?

Марк остановил взгляд на Яне.

— Когда он поправится...

— Он?.. — воскликнул Луиджи. — Да я же сказал, что через три дня поставлю его на ноги!

— А синьор Ян тоже художник?

— Ювелир я ... подмастерье!.. — отозвался тот.

— Ну, значит, художник! А вы куда направляетесь?

Ян слегка пожал плечом.

— Думал, в Орлеан, в Париж... там, говорят, замечательные мастера есть!..

— Плюньте им на маковку!.. идите и вы с нами! Чему могут вас научить в каком-то Париже? Жулики там и ничего больше! Единственная страна, где живут самые великие художники — это Италия! Весь мир идет учиться к нам.

— А вы тоже собираетесь в Италию? — спросил Марк.

— А разве мне не все равно, где лечить и торговать? Везде кусок хлеба сыщется! Хочу — в Германии брожу, хочу — в Константинополь уйду! Синьору необходима Италия и я долгом почту проводить его! Берите меня, синьор, в товарищи — я весь свет знаю; полезней меня не найдете человека!

— И я с тобой пойду!.. — проговорил Ян. — Свет велик, найдем, где поучиться!..

Луиджи хлопнул в ладоши.

— Умно сказано, великолепно! — весело воскликнул он. — Все за то, чтобы нам вместе идти. Шесть кулаков — это уже капитал! Что вы имеете возразить против моего предложения, синьор?

— Да я очень рад!... — искренне сознался Марк. — Втроем путешествовать лучше!...

— Совершеннейшая истина!... — согласился Луиджи. — Главное — безопаснее! Значит, по рукам! — Он протянул ладони своим собеседникам и те ударили по ним. — Готово!! договор утвержден! кровью не подписываем, потому что черта между нами нет! Ей-Богу, вы прекрасные люди и оба мне очень нравятся! Я тоже великолепный парень! Теперь вот что, друзья мои: сегодня же перебирайтесь в город!

— Зачем? — спросил Марк.

— Поживете в нем, посмотрите; удобнее так будет! Кстати, я там за эти дни кое-какие дела покончу!... Вам ведь все равно?

— Все равно, конечно!.. — согласился Марк.

— И великолепно! Лошади у вас имеются?

— Нет!

— А ослы?

— Нет!

Луиджи свистнул.

— Небогаты же вы! Ну да ничего, у меня ослик есть, мы на нем перевезем Яна! До скорого свиданья!.. — Он сделал рукой приветственный жест и уже без торжественных расшаркиваний выюркнул в дверь.

Марк проводил его взглядом

— Что ты скажешь о новом товарище? — спросил.

— Да ничего... забавный!.. Пролаз, должно быть, большой! — отозвался Ян.

Тень на больших солнечных часах на стене во дворе показывала четыре, когда Луиджи привел маленького, черного и очень худого ослика с белым брюшком. Вдвоем с Марком они почти на руках снесли вниз Яна и посадили его верхом.

Марк расплатился с трактирщиком и, поддерживая больного, пошел с ним рядом. По другую сторону шествовал Луиджи.

Увидав, что Марк дает деньги, последний неодобрительно мотнул головой.

— Зачем ты деньги зря тратишь? — сказал он за воротами.

Марк удивился.

— А как же иначе? ведь мы жили и ели здесь!

— Вот еще глупости! Разве можно за все платить? На этих крокодилов денег не напасешься, надо платить, когда за горло берут!

Улицы имели теперь другой вид: денная сутолока кончилась, торговцы исчезли, было сравнительно тихо. Почти около каждой двери, на вынесенных наружу табуретах и стульях и на ступеньках, сидели кучки женщин в чепцах: кто вязал, кто шил, в руках у многих сновали веретена; все беседовали друг с другом, кое-кто звонко перекликался, слышался смех, возились и играли дети.

Завидев шествие, все опускали работу на колени, внимательно рассматривали прохожих и громко делились замечаниями на их счет.

Луиджи вел по каким-то закоулкам. Марку кинулось в глаза длинное, четырехугольное здание, окруженное квад-

ратными колоннами; на них опирался второй этаж, образуя крытый проход. Вдоль него, под сводами, темнели железные двери, наглухо запертые висячими замками.

Марк осведомился, что это за дом.

— Лавки... Торговые ряды... — ответил Ян. — И у нас такие же имеются!

— Везде есть они! — добавил Луиджи, — поздно теперь, все заперты!

Дом, где имел пристанище Луиджи, оказался тоже трактиром.

По каменной, витой и темной лестнице Луиджи и Марк вместе с жердеобразным хозяином ввели Яна во второй этаж, в маленькую и низкую комнатку, где стояли две плохие кровати. Единственное окно выходило на площадь.

— Здесь вашим друзьям будет превосходно, — уверял пучеглазый и желтоволосый хозяин. Он необыкновенно походил на мочальную куклу. — Если бы приехал герцог, и он был бы доволен этим помещением!

— Бедны у вас, в Баварии, герцоги! — отозвался Луиджи. — Ну да ничего, сойдет!

Трактирщик ушел, а Марк и Луиджи подошли к окну.

Гостиница тремя этажами выходила на площадь. На опустелом просторе ее несколько человек сгребали в кучи мусор. Жизнь сосредоточилась у домов; обыватели вынесли даже столики и благодушеествовали под открытым небом. Казалось, пестрое ожерелье из живых людей шевелилось кругом площади; окна стояли распахнутыми, в них редко показывался кто-либо — все находились внизу.

— Видишь, как занятно? Тут и без работы можно зарабатывать! — сказал Луиджи. — Ну, устраивайтесь, а у меня дел — до сих пор! — он чиркнул себя пальцем по виску и исчез из комнаты.

Долго, пока совсем не стемнело, сидел Марк у открытого окна, смотрел на город и перемолвливался с Яном. Беседа их приняла задушевный характер и Марк, не привыкший таить в себе что-либо и мучившийся вынужденной ложью, открыл Яну тайну своего путешествия.

Тот выслушал его исповедь.

— Что ж, мы тебе поможем!.. — сказал он и Марк почувствовал, что на слова этого человека действительно можно положиться. — Надо и Луиджи сказать, — он очень пригодится!

ГЛАВА XI.

Ночью певучие звуки трубы ворвались в каморку и разбудили обоих. Марк соскочил с постели и бросился к окну.

С темной сини неба прямо на него глядел полный месяц. Шпили и башни собора и высокие крыши домов, имевшие вид шатров, испускали сияние; в углах всюду прятались черные тени.

Звуки лились с башни собора. Словно серебро билось о каждую пядь стены... играли «Ave Maria».

Через несколько минут все стихло... ничто не шелохнулось кругом... город казался оцепеневшим в волшебном сне; ни единой души не показывалось и за слюдой окон.

Прошло еще немного времени и на площади засветились две красные фигуры. В руках у них блестело по длинной фанfare. Шаги четко раздавались по камням среди мертвой тишины... неведомые люди скрылись в одной из улиц.

Что это было за виденье, Марк и Ян узнали только утром: тридцать лет тому назад умер богатый горожанин и завещал некоторую сумму на то, чтобы до тех пор, пока будет стоять город, каждую полночь двое трубачей играли на колокольне во славу Божию «Ave Maria».

Утром Марк отправился к обедне в собор. Изю всех улиц туда же тянулись вереницы горожан; священники и причетники в коротких белых кружевных одеяниях, сквозь которые краснели длинные сутаны, с почетом встречали у паперти какого-то важного, рыжеусого, толстого рыцаря, сидевшего на сером в яблоках коне; лиловая мантия рыцаря свешивалась почти до земли, с синего берета на спине спадало несколько белых и алых страусовых перьев; на крас-

ных башмаках сверкали драгоценные камни пряжек и такие громадные шпоры, что ими можно было пропороть брюхо коня до самых внутренностей.

Рыцаря окружала большая свита из богато и ярко одетых всадников.

Как только он остановился у ступеней паперти, все духовенство склонило головы, сложило на груди руки и двинулось к нему. К изумлению Марка, рыцарь поднял грузную, всю залитую перстнями руку и благословил преклонившихся священников, затем толпу мирян и, поддерживаемый десятком людей, слез с седла, отделанного серебром.

Это был епископ.

Вслед за его свитой в собор проник и Марк. Прислонясь у одной из колонн, он прослушал всю мессу, но, несмотря на большой и недурной хор, молитвенного настроения у Марка не являлось: после церковки их скромного монастыря и однообразных и темных одежд братии он был ослеплен роскошью зрелища, яркостью и богатством красок. Собор казался садом, наполненным ожившими необычайными цветами. Еще более удивило Марка то, что когда у алтаря с епископа сняли мантию, под нею оказалась не ряса, а синяя бархатная куртка с золотым шитьем и белые обтяжные штаны из лосины.

Причетники накинули на епископа кружевное короткое облачение и, когда раскрывали и держали перед ним евангелие, он делал вид, что читал его про себя. Левая рука его лежала на рукоятке меча, другая крутила рыжий ус, затем он отходил, гремя шпорами на весь собор, и разваливался в резном кресле с высокою спинкой.

По окончании службы Марк вернулся в свою гостиницу.

Луиджи и Ян беседовали в это время между собою. Ян чувствовал себя много крепче и поведал итальянцу прошлое Марка и его задачу.

— Так он в монастыре рос?.. — глубокомысленно отозвался Луиджи. — То-то он такой чудной! Ну, да мы его просветим! Эх, меня в погребке не было, я бы им отваял диспут!

Он захохотал и блеснул белыми зубами.

В это время появился Марк.

— Все мне рассказано! — заявил Луиджи. — Краски твои найдем, будь покоен; я тебе ручаюсь!

— Смотри, не проговорись никому! — сказал Марк.

— Я?! — воскликнул Луиджи и ткнул себя пальцем в грудь: они были у него необыкновенно длинные. — Я могла, а не человек! А что от меня не потаились, хорошо сделали — теперь зорко буду посматривать, где надо! От меня ничто не скроется! Пиза, Флоренция, Рим, Неаполь — вот куда надо нам идти! Ну-с, а теперь решим, что мы будем делать дорогой? Ведь ни чеканить, ни книг писать в пути не станете? Сколько денег у вас?

Ян отрицательно качнул головой. Марк развязал свой кошелек. Луиджи заглянул в него и сделал гримасу.

— На это и полпути не сделаем! — заявил он. — В немецких Альпах трудно придется... дальше у нас сплошное блаженство пойдет!.. Чья это лютия из мешка торчит?

— Моя, — отозвался Марк.

— Играешь на ней? И голос есть?

— Есть...

— А ты?.. — Луиджи повернулся к Яну.

— Пою немного! — ответил тот.

— Вот и славно!.. — воскликнул Луиджи. — Вот вам и пропитание готово в дороге.

— А ты будешь лечить? — спросил Ян.

Луиджи засмеялся.

— Там увидим!.. — загадочно ответил. — Нас везде с почетом примут, только смотрите, сами дураками не будьте!.. Ах, братцы, и страна же наша Италия! Чего только в ней нет: женщины какие, вино... не чета здешней бурде, — пиву!

Луиджи с увлечением пустился посвящать приятелей в итальянские дела и порядки. Выступление в дальнейший путь он назначил через три дня.

В полночь опять разбудили их звуки труб, снова, отсвечивая красным, прошли по безмолвной площади двое людей; отливавшие опалом слюдяные глаза домов были закрыты.

Путь предстоял далекий и накануне отъезда все трое приятелей отслушали в таинственных сумерках собора мессу. Яна довели под руки. Особенно горячо молился и падал крестом на землю Луиджи. Затем по очереди начали подходить на исповедь к толстому священнику. Тот сидел в кресле в нише одной из стен: будки с густой решеткой стали устраиваться позднее. Синий свет из окна падал на шапку с шариком священника и он казался изваянием из свещающегося мрамора.

Первым — стоя на коленях — отисповедовался Луиджи. Получив отпущение грехов, он встал и с низким поклоном положил на оловянную тарелку священника какую-то крупную, тяжело звякнувшую монету, — тот довольно улыбнулся, благосклонно потрепал щедрого дателя по щеке и опять застыл в ожидании следующей смены. Марк монетку положил маленькую и, сунув такую же Яну, отошел к ожидавшему Луиджи.

— Сколько дал? — шепотом осведомился тот.

— Два кватрони! — тихо ответил Марк.

Луиджи самодовольно улыбнулся:

— Я целых пять солидов отвалил!

— Почему так много?

— Фальшивый у меня завалился! Настоящих разве на них наготовишься?

— Как фальшивый? — с недоумением выговорил Марк.

— Ты его обманул, значит?!

— Никогда в жизни! Где же обман? Разве мы условились с ним, какую монету я ему дам, фальшивую или настоящую?

— Ты Бога обманул, а не его!.. — промолвил Марк.

Луиджи прыснул как кот и прикрыл лицо шапкой.

— Да разве Богу не все равно, — зашептал, — что в этой бочке кружкой пива меньше или больше будет сегодня?!

В кухне гостиницы, в углу, за дубовым столом, Луиджи повел с хозяином и бородатым монахом какие-то секретные разговоры. Что-то он доставал из своей сумы, что-то у него брали, рассматривали, спорили и в конце концов дали ему деньги и стали запивать сделку.

Марк рассказал Яну про проделку итальянца.

Ян усмехнулся.

— Жулик!.. — добродушно сказал он. — Это ничего, парень он все-таки хороший!

Ночью в гостинице произошла суматоха: внизу раздался женский визг, потом крики, звук оплеух, послышался топот людей. Марк сорвался с постели и распахнул свою дверь. Впотьмах на него налетело что-то белое, чуть не сшибло с ног и ворвалось в их комнату. При свете месяца привидение оказалось Луиджи. Он был босиком, в одном белье и с ночным колпаком на голове.

— Что случилось? — спросил встревоженный Марк, но Луиджи зашипел — тссс!! — и быстро запер дверь на крючок. Внизу продолжался шум. Кто-то с огнем подымался по лестнице, несколько постояльцев осматривали площадки и тесные коридоры. Не найдя никого, люди спустились вниз. Все утихло.

— Что ты натворил? — проговорил Ян.

— Да разве я?! — воскликнул Луиджи. — Бабы всю кухню устроили: я по ошибке в комнату к беленькой служанке попал!

Он вдруг закатился смехом, потом перестал хохотать и потрогал собственные щеки.

— Дуры эти баварки! — заявил. — Совершенно не понимают хорошего обращения! В этой паршивой стране никогда глаза не подживут!

Он послушал у двери, утрем выскользнул за нее и исчез впотьмах.

Утром Марк и Ян поднялись вместе с солнцем и разбудили Луиджи, спавшего в комнате этажом ниже. Он долго потягивался и не мог открыть сонных глаз, затем вскочил и стал собираться.

Часа через полтора, провожаемые хозяином, из ворот гостиницы показались трое приятелей. Ян сидел верхом на ослике, ноги его доставали почти до земли; по бокам ослика покачивались две переметные сумы. Необычайной вышины колпак и черная мантия Луиджи отсутствовали — он был облачен в серую куртку и красную неаполитанку с кисточкой на конце. Дул ветер, над воротами качало фонарь. Мочала-волосы на голове хозяина трепались во все стороны.

— Прощайте, счастливого пути! — говорил он, махая рукой. — Товар будет, опять привози, нас не минуй!

— Твой постоялец! — важно ответил Луиджи. — Будь здоров, старина!

Гостиница скрылась за углом. Город пробуждался. В верхнем этаже одного из домов кто-то зевнул на всю улицу, затем дебелие женские руки вознесли над нею ведро с помоями и вылили его. Луиджи чуть не попал под этот душ.

— Э-эй, ослица тупоголовая?! — заорал он и на крик его выставились несколько любопытных лиц.

— В суп себе помои выливай, а не на головы людям, которые лучше тебя!!

Скоро башня, мост и вторая башня остались за спинами спутников. Зеленое приволье лугов опять раскинулось перед ними; впереди, будто облака, грудились горы.

Луиджи указал на них рукою:

— Баварские Альпы... — сказал он. — Как доберемся до торной дороги — прямо в рай попадем! С королями пойдем, с лучшим обществом! Там уж тебе мужичье глаз не подобьет! А ну-ка, ребятки, давайте споем что-нибудь для начала?

Он пропел несколько итальянских песенок. Голос у него был красивый, чувствовалось врожденное умение петь.

Марк и Ян вторили ему без слов, так как не понимали их. Выходило недурно: оба они оказались владельцами хо-

роших голосов.

Опыт вполне удовлетворил Луиджи и он опять пустился в рассказы о своей Италии: трещать он мог без умолку и о чем угодно.

Ветер, между тем, усиливался, на небе начали собираться сизые облака. Из-под ног ослика и пешеходов белыми клубами стала выноситься вперед белая пыль. Довольно часто попадались встречные — все больше крестьяне, везшие на осликах кто дрова, кто уголь. Марк несколько раз оглядывался, опасаясь дождя, но Луиджи заявил, что до места ночлега они доберутся сухими.

Дорога то подымалась на взгорки, то падала с них. Скоро начался и настоящий подъем. К полдню путники взойшли на первую горную цепь и остановились на отдых в седловине, укрытой от ветра красными скалами; из-под одной из них выбивался холодный ручеек.

Ослика расседлали и пустили пастись, а трое путников достали запасенную в городе провизию и расположились на траве обедать.

— А велик город Рим? — продолжая дорожный разговор, спросил Марк.

Луиджи махнул рукой:

— Сто таких взять, как Вассербург! да что там сто — в тысячу раз больше! Вот там уж ухо остро держи: разбойник народ! Здесь телята по сравнению с нашими! По вечерам иначе, как кучей, из домов не выходят! И везде черти, боги языческие, храмы их запустелые... под землей ходы бесконечные! На одном из перекрестков, если встанешь в полночь, всех умерших можешь увидеть, хотя бы они за пятьсот лет тому назад скончались! Так вереницами и идут без конца мимо тебя! А на форуме что однажды случилось? — статуя там стоит мраморная, богиня какая-то! Раз под вечер мимо нее компания шла; все подвыпившие, понятно, были! Один молодец снял с пальца кольцо, остановился да и говорит: — вот моя невеста! обручаюсь с тобой! Теперь ты жена моя!.. — И кольцо ей на палец надел. И вдруг статуя наклонила голову — согласилась, значит! Струсили все, куда и хмель соскочил! Этот жених ее за руку ух-

ватил, хочет стащить кольцо, ан нельзя: палец она согнула! Все с форуму бежать!.. И что бы вы думали? с той поры каждую полночь к нему в дом являлась!.. Чуть с ума не спятил человек! Только после нескольких заклятий, через колдунов, удалось кольцо получить назад: едва отдала статуя!..

— А что такое форум? — осведомился Марк.

— Площадь рыночная древняя, а кругом нее храмы, дворцы, сенат!.. Полуразвалилось все это, конечно, теперь — пустынно там: город в стороны от нее раздался. Колонны высоченные стоят, арки всякие, статуй не перечесть!..

— И никто не живет там??

— Никто!.. коровы да свиньи пасутся. Вообще, в Риме народа немного стало... целые кварталы вымерли!

— Отчего?

— Да оттого, что режутся постоянно... войны да распри идут вечные!..

— А где теперь их нет?.. — задумчиво проговорил Ян. — Герцоги с баронами дерутся, папа с императором, а платимся за все мы, беднота! Городам хорошо... ишь они, какими крепостями обгородились!

Долго отдыхать своим товарищам Луиджи не дал и скоро все они прежним порядком пустились в путь. Дорога была плохая; местами она превращалась в тропу и вилась над обрывом по кручам.

ГЛАВА XII.

Было уже почти совсем темно, когда путники завидели мигающий огонек впереди. Недолгое время спустя смутно забелели очертания небольшого двухэтажного строения — постоянного двора. Ворота были уже закрыты. На стене качался и скрипел тускло светивший фонарь.

Луиджи постучал молотком, прикованным на цепочке, в ворота и удары гулко отозвались во дворе. Через некоторое время наверху открылось небольшое окошко и выставилась неясно различавшаяся человеческая голова.

— Кто там?.. — спросил хриплый мужской голос.

— Певцы мы странствующие! — отозвался Луиджи. — Переночевать пустите, трое нас!

Выглянувший убедился, что пришедших всего трое и исчез. Через минуту загредел железный крюк и ворота отворились.

Ян чувствовал себя очень усталым и был уже не в силах взойти на крутую лестницу. Он попросил, чтобы его оставили на дворе при ослике — свободного места было много. Работник принес охапку соломы и разостлал ее у стены; Ян с наслаждением растянулся на привольном ложе. От еды он отказался.

— Не холодно ли тебе тут будет? — озаботился Марк. — Ишь, ветер как воет!

— Нет, здесь тепло! — дал ответ Ян. — Идите, ужинайте...

Луиджи и Марк отправились в кухню. Она была обычного вида, но наполовину меньше вассербургской. Не было в ней и такого количества бочек. За двумя столами сидели, освещенные огнем очага, проезжие; четверо из них азартно играли в кости и с шумом выбрасывали из деревянного стаканчика пару белых костяных кубиков. Трое остальных беседовали и потягивали пиво.

Луиджи и Марк поздоровались и только успели сесть на лавку, как на пороге показался пожилой, высокий человек в желтой куртке и с длинными светлыми волосами почти до плеч. На лбу они были подстрижены челкой.

— Хозяин? — встревоженно проговорил он. — Выйди-ка на двор!

Трактирщик, ведший с Луиджи переговоры об ужине, оглянулся.

— Чего я там не видал? — прохрипел он в ответ.

— Да поди же, говорю: не зря зову!

Грузный, плечистый хозяин направился к двери. За ним последовал и остановился на пороге, словно лиса, вынюхивающая, в чем дело, любопытный Луиджи.

— Гляди-ка! — сказал высокий и поднял руку.

Луиджи сделал еще пару шагов и за выступом стены увидал зарево: высоко, очевидно, на горе, словно открывшийся кровавый глаз, алел пожар.

— Святые угодники!!.. Да где же это горит?!.. — воскликнул хозяин. — Уж не замок ли герцога?

— Нет! — отозвался из глубины двора совсем невидимый человек. — Замок правее!.. не нечистая ли сила свой шабаш справляет?

Хозяин и Луиджи перекрестились. Заслышав разговор о пожаре, вышел и Марк, а за ним и остальные.

— Не замок горит! — уверенно произнес один из них. — Это напротив его, на горе, где копи серебряные заброшенные!

— А чему там гореть?.. — возразил хозяин. — Камни да сосенник, живой души не встретишь!..

— Гномы что-нибудь делают! — убежденно сказал третий. — Они это, больше некому!

Пожар был очень далеко. Приезжие и хозяин постояли во дворе, поглядели на зарево и возвратились в кухню. Все уселись за одним столом — об игре и не вспоминали.

— Я так полагаю, нечисть это там собралась, шабаш справляет! — заметил один из проезжих, человек угрюмого вида с густыми бровями.

— Сказал тоже!.. — возразил другой, косоглазый. — Шабаш только на Брокене бывает, под Вальпургиев день!..

Угрюмый отрицательно потряс головою.

— Вальпургиева ночь — это у них как наш светлый праздник, главный шабаш, а маленькие по разным местам бывают: они вроде воскресений! Я сам видал, как ведьмы летели на них над лесом!

Все примолкли; в трубе над очагом гудел ветер; нет-нет и камин как будто глубоко вздыхал и тогда из него вырывался густой клуб дыма; под потолком синела пелена его.

Служанка подала нарезанный хлеб, затем доску с грудой вареного мяса; каждый клал себе кусок прямо на стол и резал его собственным ножом. Все жадно принялись за еду и, за исключением Марка, кроме пива потребовали вод-

ки; мало-помалу опять начались разговоры и, конечно, о нечистой силе.

Хозяин сидел в своем зеленом переднике на пустом бочонке у прилавка и, зажав руки между коленями, то клевал носом, то просыпался на миг, прислушивался к речам и к посвистыванию ветра и опять задремывал.

— Шел я раз под вечер по дороге... — рассказывал косой. — Вдруг вижу — белое что-то, будто шар, навстречу мне катится! Правду скажу — человек я смелый, но тут струхнул и шарахнулся в сторону, в кусты; за ними на лужайке дерево большое дуплистое стояло — я в него как белка вскочил! Прошло немного времени, выглянул я — нет никого кругом — ни шара белого, ни души живой! Хотел уже вылезать, да вдруг голоса различил и опять спрятался. Слышу — две женщины встретились чуть в стороне от моего дерева и говорят, а о чем — не могу разобрать. Другой бы струсил, как мертвый лежал бы, а я из-за краешка дупла выглянул. Вижу, две старухи растрепанные с лопатами в руках стоят; у одной через плечо сума висит; старуха полезла в нее да голову человеческую отрезанную из нее и вытаскивает: суп хороший будет, заявила! Батюшки мои — ведьмы! Сомлел я, назад откинулся, а ведьмы как захохотут! Потом улетели на лопатах на своих... без памяти я домой добрался!..

— Везде нечисти много!.. — заметил угрюмый. — И вот еще что знающие люди говорят — если где убийство произошло — там она больше всего держится! Не к ночи бы сказывать, а помните, может, Иоганна рыжего, которого здесь зарезали, так вот...

Хозяин икнул и проснулся окончательно.

— Не мели чуши-то... — сердито вмешался он. — Мало ли что болтают люди? Разве сыщется хоть один постоянный двор на свете, где кого-нибудь не убили бы? Сами всегда драки заводите, а потом на чертей все валите! Не кочан ли капусты ты со страху за голову принял?

— Ну вот тебе здравствуй!.. — возразил косой. — Как тебя сейчас все видел!

— А где этого Иоганна убили?.. — спросил Луиджи; ночь ли, страшные ли рассказы подействовали на него, только он сидел притихший.

— А на галерее, где номера, у самой лестницы...

Все умолкли. Ветер жаловался и стонал; казалось, не один, а несколько человек припали к крыше и то плачут, то угрожают тем, что сидели в тепле и при свете. — Вод близко носится... — вполголоса проговорил кто-то. Опять наступило настороженное молчание.

— Пойдем-ка мы спать?... — заявил косой и поднялся; встали и остальные.

Все кучей вышли на двор и задержались у лестницы, на которой совершилось убийство; на нижние ступени ее падала из кухни полоса света; казалось, на них натекала лужа крови; выше густилась тьма; ночь стояла облачная, беззвездная; багровая полоса пожара напоминала разверзшийся вход в ад. Косой держался позади всех.

— Душновато будет, я думаю, в номере?.. — заявил Луиджи. — Я пойду, около Яна в стойле пустом лягу: его без надзора еще никак нельзя оставить!..

— Ну что ж, и я с тобой!.. — простодушно согласился Марк. Он и не подозревал, что страх охватил не только его приятеля, но и всех остальных мужчин.

— А ведь верно?.. — произнес голос из их кучки. — Холодно наверху нынче — небось, насквозь продувает?.. Идем к мулам, там вот как тепло — лучше, чем на кухне!..

Ян крепко спал, пригревшись в соломе. Марк и Луиджи устроились около него; Луиджи долго, с разных сторон, закрепивал свое место, потом лег и покрылся с головой; через несколько минут он вскочил и опять принялся за то же самое; Марк слышал, что он бормотал какие-то латинские заклятья. Затем Луиджи снова завернулся в попону, лег и уже не шевелился.

Марк долго не смыкал глаз и смотрел на зарево: оно казалось ему предвестием ожидающих его испытаний.

ГЛАВА XIII.

Солнце осветило путешественников уже за воротами гостиницы. Ветер утих; шагалось легко, было свежо и приятно. Дорога вилась по самому гребню хребта и то спадала в седловины, то подымалась и огибала вершины; вид открывался неизмеримый. Позади, в долине реки, словно грибки-подосиновики в корзине, виднелся краснокровельный город; мир заполняли сине-сизые тучи гор; впереди, словно белые облака, сверкали снеговые шапки; за пропастью увенчивал скалу замок; левее его, за вторым ущельем, тлело обширное пожарище; будто окутанные дымом великаны, то появлялись, то исчезали обнаженные, красноватые скалы.

— Лес горел!.. — сказал, всматриваясь, Луиджи. — Ишь, до сих пор еще дымится! И шут их знает, чего это дурачье вчера перетрусило! Да я один на десятерых чертей пойду!

— А нам мимо замка придется проходить?.. — обеспокоился Ян.

— Нет, он в стороне останется, дорога внизу! — отозвался Луиджи.

— И не опасны эти места?..

— Здесь? — Луиджи засмеялся. — Это кому как! Таким, как мы, отсюда самое приволье начнется! Пилигримов и кающихся теперь в Рим отовсюду реки текут!

— Какие кающиеся?.. — любопытствовал Марк.

— Да ты, брат, и впрямь с луны свалился?! — воскликнул Луиджи. — Иль ты полагаешь, что люди, как херувимы, безгрешные живут? Помирать-то ведь всякому надо и страшно! А кто поцелует ногу у папы и получит его благословение — конец: сразу как ангел, чистым делается! Какие бы не накопил грехи — все сразу к сатане! Вот оно каждому и лестно в Рим сходить: чмокнул у папы туфлю, тебе — это что, наплевать, — ан за это местечко в раю для тебя уже веником подметают!.. — Луиджи подмигнул. — Были бы, брат, деньги, а с ними куда хочешь попадешь!..

— Ну, это ты что-то уж очень хватил!.. — возразил Ян.

— Сильны деньги, да не перед Богом!.. — вымолвил Марк.

— А ведь вы еретики! — воскликнул Луиджи. — Да у кого ключи-то от рая, знаете вы это?

— У апостола Петра!

— А папа чей наместник?

— Христа... ну так что же?

— А то, что, значит, папа все может сделать! Потолкуй с ним как след — даже целое поместье в раю приобретешь. Главное — нажиться надо! потом целую латифундию себе на том свете обеспечу!

В разговорах время текло незаметно; отдохнув и подкрепившись раза два едой, путники часам к пяти вечера достигли до перекрестка, на котором высился большой черный крест; несколько поодаль подымалось большое бурое здание монастырской гостиницы; орден цистерцианцев много их возвел на путях в Рим. Над воротами имелась башенка, в ней висел колокол. Всю площадь между широкой дорогой и строением заливал пестрый табор; разносился говор и шум. А на голубом небе, как виденье фата-морганы, белели стены и башни герцогского замка.

— Э, народа-то сколько собралось?! — воскликнул Луиджи.

Устроиться в битком набитом дворе гостиницы нечего было и думать; сообразительный неаполитанец приметил с краю поляны развесистый старый дуб и через несколько минут трое товарищей уже расположились под ним, как под навесом; пахло конским навозом и жареным мясом; Марк и Ян сразу обратили внимание на странный вид табора: половина его состояла из калек и больших.

Луиджи всей грудью втянул в себя воздух и зажмурился от удовольствия.

— Баранину жарят! — сказал. — Сейчас расследуем все обстоятельства!.. — и он собрался уже нырнуть среди палаток и шалашей, но его окликнул Ян.

— А ослика расседлывать?

— Черт с ним; не сдохнет, постоит и так! — и Луиджи исчез среди народа.

Ян недовольно мотнул головой, с трудом сам снял вьюки, привязал ослика на длинную веревку и пустил пастись на траве. Марк сбегал по откосу к лесу набрать для костра сучьев и, когда вернулся с большой охапкой их на спине, одновременно появился и Луиджи.

— Переправы нет, река бурлит!.. — заявил он. — Третий день люди ждут! Придется и нам дневку здесь сделать!

Луиджи принес с собой большой каравай хлеба, и заднюю жареную ногу баранины, и живого, только что начавшего оперяться вороненка, выпавшего из гнезда.

— Зачем он тебе? — удивился Ян.

— Не пропадать же такому носачу! — весело ответил неаполитанец. — Выкормлю — товарищ нам будет! — и он, позабыв о себе, принялся совать куски баранины в жадно разевавшийся рот птенца.

Ян сорвал несколько широких листов лопуха, постелил их на бугорке вместо скатерти и приятели сели обедать.

— Посмотри?.. — вдруг с глубоким изумлением произнес Марк и указал головой за спину Луиджи.

Тот оглянулся: высокий, мрачный человек с бровями, сросшимися на переносице, пробирался между палатками; на спине и груди его белели укрепленные доски с крупными черными надписями: «Убийца».

Луиджи мельком посмотрел на него и опять принялся за баранину.

— Ну так что же?.. — равнодушно проговорил. — И отцеубийц встретим и святотатцев... кого угодно! Все идут каяться!..

— Да ведь таких вешают?.. — сказал Марк.

— Если поймают!.. — пояснил Луиджи. — А раз человек в другой город ушел — кто же его станет трогать?

Марк ел и продолжал внимательно рассматривать табор. У многих шалашей стояли прислоненные костыли и даже носилки; виднелись забинтованные головы, руки, подвязанные щеки; иные не владели согнутой ногой и ходили, опираясь коленом на деревянную култышку. Странное дело — весь этот оборванный, бедный и больной люд не имел изможденного вида и явно обладал достатком: на кострах

в изобилии жарилось мясо; из торб и шалашей появлялись большие глиняные сулеи с водкой; разговоры шли оживленные; то здесь, то там раздавались взрывы хохота либо ругань; о благочестии или даже о простой сдержанности не было и помина.

— Надо и нам на ночь шалаш поставить, иначе подохнем от холода! — сказал Луиджи. — Река здесь близко — сейчас под горой за гостиницей!

— Ах, вот туда бы попасть? — с завистью добавил он и кивнул головой на замок. — Там, говорят, нынче рыцарями и дамами полным полно!

— Тоже каяться идут? — удивился Марк.

— А то как же? У них-то, брат, грехов побольше нашего! Вот там бы угостили нас!.. жаль, свидетельства нет!

— Какого свидетельства?

— А о том, что и мы убили кого-нибудь, ну, тетку свою, что ли! Епископы их выдают тем, что идут каяться! Это, брат, лучше всякой охранной грамоты! С ними везде принимают в замках, даром кормят!..

— Почему?

— Богоугодное дело: милосердием оно называется; ну и дубы же вы, если этого не понимаете!..

— Бог с ним, с кормом!.. — возразил Марк. — Лучше одни желуди есть, чем такую доску надеть!..

Луиджи залился смехом.

— А ты думаешь, что и вправду они все злодеи? Да девяносто девять человек из ста такие же убийцы, как и мы с вами: жрать хотят, вот и притворяются!

Шум и звяк железа, раздавшиеся со стороны дороги, заставили беседовавших умолкнуть.

Медленно приближалась новая орда босоногих паломников, душ в тридцать; часть их шла в длинных черных и грязных серых и белых балахонах; в глаза бросались доски с надписями на груди у некоторых; шеи других охватывали широкие железные ошейники, с которых накрест спускались к железным же поясам тяжелые цепи; на третьих висели целые плиты; между тяжело ступавшими, согбенными кающимися пестрели лохмотья всклокоченных лю-

дей. Они большею частью шли в обнимку и, видимо, были пьяны.

— Друг?!.. — орал один, колотя левой рукой себя в грудь, а правой обхватив шею товарища. — Что ж, что мы пьяны?.. Недолго уж теперь мы свиньями будем: в Риме ангелами сделаемся!..

Вновь прибывшие частью разбрелись по табору, частью расселись между кустами опушки.

Не прошло и получаса — пестрый ковер стал развеваться на дороге; показалось семеро рыцарей, шедших босиком с простыми посохами в руках, с обнаженными головами и в скромных темных одеждах; пышно разодетые слуги вели позади них коней; длинные яркие попоны были расшиты шелками и золотом, высокие луки седел сверкали серебром обивки и камнями; на особых вьючных лошадах блестели доспехи и торчали к небу копья.

Рыцарей сопровождала пешая и тоже босая свита человек до ста; над всеми возвышались два конных странствующих рыцаря, возложивших на себя охрану дорог и защиту всех несправедливо обиженных — эти ехали молчаливые, в полном боевом вооружении; в поднятые забра-ла их шлемов виднелись носы и темные усы.

Среди рыцарей замечалась молодая девушка в серо-голубом платье с черными полосками; рядом с нею шагал грузный пожилой рыцарь с начавшей сесть черною бородою, по-видимому, отец ее.

Людской поток обтек угол гостиницы и стал исчезать за перевалом; там начиналась дорога к замку.

Один из рыцарей, весь бритый, с темными колючими глазами, окинул презрительным взглядом табор богомольцев и обратился к своему утрюмому, высокому соседу:

— Противно иметь одного Бога с такой сволочью!.. — процедил он сквозь зубы.

Длинный молча кивнул головой.

Тем временем Луиджи достал из сумы топор и вместе с Марком пустился в лес, чтобы нарубить кольев и веток; к наступлению сумерек поспел и шалаш; сделалось так свежо, что Ян и Марк забрались в него, улеглись головами ко

входу и стали следить за происходившим перед ними.

Луиджи вынул из мешка какой-то ящичек, повесил его себе на шею и отправился потолкаться среди народа — это было его излюбленное занятие.

— Надписи делаю?.. — выкрикивал он время от времени. — Господа убийцы и кровосмесители, доски поправлять не хотите ли?.. Дорога с ними легка, всюду пройдете без кошелька!

Какой-то лохматый оборванец, заросший по глаза темной бородою, поднялся с земли и подошел к Луиджи. Марк и Ян видели, что они переговорили о чем-то, ударили по рукам и оба исчезли в одной из палаток.

Площадь делалась все шумнее. Во многих местах загорланили песни, везде пили прямо из кувшинов в изобилии появившуюся водку. Загудела волынка, ей завторил деревянный рожок, засвистала флейта. От протяжных напевов музыканты стали переходить к плясовым. Один из людей в цепях вскинул вверх руки, вскрикнул и затоптался на месте; цепи зазвякали; будто ворон вылетел из тьмы на свет и замахал черными крыльями.

За ним выскочили и загикали еще несколько человек. Раздался резкий подсвист; один из мнимых калек под общий хохот и поощрения отстегнул от ноги деревяшку и пустился вывертывать такие колена, какие не снились и здоровым. Неподалеку от плясунов началась драка.

— В аду мы с тобой или нет?!.. — проговорил изумленный Марк. — Бесы кругом нас!!.. — Он торопливо наложил на себя крестное знамение, затем принялся осенять им прыгающую и орущую толпу, но действия это никакого не оказывало.

— Брось!.. — равнодушно сказал Ян. — Такие же они люди, как и мы... по-разному все хлеб себе зарабатывают!.. А хороша дочка у чернородого рыцаря?.. — добавил он как бы вскользь. — Какие ножки беленькие!

К полуночи площадь угомонилась. Будто на поле сражения, в разных позах всюду валялись человеческие тела; догоравшие костры освещали их, палатки и опушку леса; басистый голос еще пытался что-то запеть, но ничего не

выходило и умолк и он; приторно пахло спиртом.

А под черным изломом горного гребня, будто кучка больших звезд, ярко светились окна замка: там шло пиршество с прибывшими гостями.

ГЛАВА XIV.

Солнечные часы над воротами гостиницы показывали пять, когда Марк вышел из шалаша.

Кругом царил всеобщий мертвый сон; в лесу чирикали и перекликались птички. За безмолвным зданием гостиницы, все повышаясь, темнела горная грива; в конце ее к скале приткнулось заночевавшее облачко; на нем, словно игрушка на белом блюде, пылал в пурпуре первых солнечных лучей замок.

Марк обогнул площадь и, пройдя немного лесом, завидел в просвете синий клочок реки; дорога пологими петлями спадала в обрыв.

Марк спустился к самой воде. Перейти вброд на другой берег было уже возможно; глубина доходила всего до колена и речка быстро неслась между известковыми скалами; за нею тянулись холмы, заросшие густым лиственным лесом; солнца снизу видно не было; небо еще казалось серым и только на середине его начало синеть и шириться небольшое пятно.

Марк выкупался, несмотря на холод, и направился обратно.

Когда он показался на горе, табор уже шевелился; вид у большинства подымавшихся был сердитый и заспанный; все поеживались, откашливались и неизвестно кого поругивали.

Весть о том, что река вошла в свои обычные пределы, обрадовала Луиджи.

— Если так, мы послезавтра в Италии будем!... — сказал он. — Надо, братцы, поторапливаться, чтобы раньше всех уйти!... Первыми быть всегда выгодно!

Путники закусили и, оседлав и навьючив ослика, тронулись в путь. На середине площади им навстречу попался бородатый лохмач, с которым накануне беседовал Луиджи. Знакомцы весело покивали друг другу головами; лохмач при этом не без гордости указал пальцем на свою грудь: на ней чернела небольшая доска с белой надписью.

Марк глянул на него и на простодушном лице его написалось изумление.

— Это ты сделал ему надпись?... — спросил он, когда обладатель чудодейственной доски-кормилицы разминулся с ними.

— Я!... — самодовольно ответил Луиджи. — А что, хороша?...

— Да ты что же ему написал то?

— Что следовало: «Сукин сын и жулик». Я, брат, человек справедливый: за десять кватрони подкупить себя не дам! За полсотни — дело другое — иная надпись была бы!

— А если кто-нибудь прочтет и ему скажет, тогда что?

— Да кому прочесть-то? Я сам видал, как герцоги и епископы письма вверх ногами держали и «читали». Да еще головами помахивали, глубокомысленные лошади! Дурачье крутом!.. А мы свет разливаем, понимаешь?..

Марк не отозвался. Все слышанное и виденное им за такой короткий промежуток времени — такое простое и понятное для Луиджи и Яна — никак не могло уместиться в голове его.

Минуло еще два дня пути и после нескольких, почти подоблачных, крутых и каменистых перевалов перед путниками засинели мягко очерченные горы, все спадавшие по направлению к горизонту.

— Италия!!.. — восторженно воскликнул Луиджи и остановился. — Смотрите — вот она... — совсем другой вид, другие леса! И небо особенное — видите, какая синева?

Марк и Ян обвели его взглядом, но разницы в немецком и итальянском небе не нашли.

— А вон внизу река изгибается!.. — продолжал Луиджи. — Там чудеснейшая долина и среди нее знаменитый монастырь стоит: «Живоносным источником» называется. Какое там вино!! — Он как бы в истоме зажмурил глаза и покрутил головой. — Воистину живоносное!

Начался спуск. Радостное возбуждение, охватившее Луиджи, передалось и его спутникам; они принялись так быстро шагать, что маленький ростом неаполитанец, подгнавшийся к тому же ослика, наконец взмолился.

— Да тише идите вы, нечистые духи?!.. — закричал он. — Что вас как ветром подхватило?.. На свиданье, что ли, спешите?

Марк и Ян опомнились и все пошли позади ослика.

С каждым поворотом дороги простор долины развевывался все более и более; показались возделанные поля, зачернели полосы пашни; с полугоры открылся монастырь, — целый городок, защищенный стенами и башнями. С трех сторон его обтекала круто изогнувшаяся, широкая река; из-за зубцов стены устремлялся к небу острый и длинный шпиль большой церкви и крутая кровля из серых плит; все строения были белого цвета.

Первым обратил на это внимание Марк.

— Немцы строят здания из кирпича... — пояснил Луиджи, — а мы из известняка; у нас его везде много!.. Говорят, будто здесь Святая Дева явилась кому-то из немецких королей — этих имен и вдвоем не выговоришь — и запретила ему идти с войсками на Рим! А на месте ее появления из под земли забил целебный источник!..

Близ входа в монастырь, как бы мост, тянулись в два ряда гостиницы, тоже походившие на крепостцы; обитателей в них было множество — чуть не изо всех окон выглядывали головы.

Наши путники заняли коморку под самой крышей, пообедали и отправились в монастырь.

Тяжелые, окованные железом, ворота стояли распахнутыми; двумя тесными кучами сидели около них оборван-

ные нищие и калеки.

Чуть не весь обширный, вымощенный плитняком двор закрывал, как навес, необычайно раскидистый и узластый, но невысокий дуб, обхватов пяти. Близ приземистого черного ствола его с груди бульжников белым видением смотрела статуя Божьей матери с младенцем Христом на руках. Из-под ног ее выбивался родник. Ниже ее, у воды, на широкой деревянной скамье сидел, олицетворяя землю при небе, толстенный, пучеглазый, бритый монах, необыкновенно походивший на черноглазую, дебелиую кормилицу; в жирной руке он держал колокольчик и нет-нет встряхивал его и серебристый звон сыпался по всему двору.

— Прикладывайтесь к следу Богородицы!.. — подшлепывая пухлыми губами, нараспев возглашал толстяк. — Жертвуйте для Матери Божьей... Ах ты свинья, свинья... — огорченно добавил он, закачав круглой головой и обращаясь к одному из богомольцев, очень походившему на него размерами, — намусолил святыню на солид, а даешь кватрони?.. э-эх, совесть-то у тебя собаки сели!..

Получивший замечание опасливо оглянулся и поспешил скрыться.

Трое наших путников приложились к углублению в булыжине — «следу Богородицы», по объяснению монаха, напились святой воды из источника — холодной и вкусной — и только что направились в церковь — в воротах появилось несколько носилок с лежавшими на них больными; за ними валом валил большею частью простой люд; часть его была с обвязанными головами и руками, иные елбтели с помощью костылей или товарищей. Несколько обнаженных до пояса человек с ожесточением хлестали себя через плечо ремнями; спины их были исполосованы багровыми рубцами. Все направлялись к статуе; и больные и здоровые расprostирались на земле крестами; из церкви вынесли накрытый полотняной скатертью небольшой столик-алтарь; появились в белых кружевных ризах двое низеньких старичков-патеров и зазвучали слова мессы. Среди сплошь устлавших землю тел стали слышаться выкрики; они усиливались, делались возбужденнее; патеры взя-

ли по кропилу и, сопровождаемые мальчишками в красных одеждах, несшими миски с водой из родника, стали обходить и кропить лежавших.

— Смотрите, «исцелился»!!.. — раздались выкрики.

На одних носилках вдруг поднялся на руках и затем встал расслабленный. Рядом, шатаясь, как бы выросли двое других; спотыкаясь, плача и размахивая руками, они неловко заспешили к статуе; многие побросали костыли и, стоя на месте, ощупывали себя, как бы проверяя, не случилось ли чего и с ними; толпа задвигалась, заахала, загудела, кто-то истерично рыдал.

Марк глядел на происходившее, взволнованный и растроганный; Ян часто крестился, на глазах его блстели слезы; Луиджи оставался равнодушным, и как всегда, был переполнен всяческими деловыми соображениями. Он пробрался к одному исцеленному, к другому и вернулся к приятелям.

— Сейчас их угощать поведут!!.. — сказал он. — Выгодное это дело — исцеляться!

Марк перевел на него недоумевающие глаза.

— Ну да!!.. — подтвердил Луиджи. — Парочку молодцов я хорошо знаю; круглый год по разным местам исцеляются!

— Да не может быть?!.. — воскликнул Марк; Ян невольно всплеснул руками.

— Да чего вы обалдели!!.. — удивился в свою очередь Луиджи. — Ведь за это везде подарки и деньги дают! Есть и такие, которые впрямь исцеляются!

Брови Марка сдвинулись; он покачал головой и пошел прочь от источника; Луиджи взял Яна под руку и последовал за ним.

— И телята же вы, как я погляжу!!.. — сказал Луиджи. — Что бы вы без меня делали, всякий бы вас околпачил!

— А нет ли здесь мастерской иконописной?.. — спросил Марк и приостановился.

— Сейчас узнаем!!.. отозвался Луиджи. — Бери левой, за угол!

Приятели обогнули два-три низеньких, длинных здания и очутились на тесном внутреннем дворике; весь его, словно зеленый зонт, покрывал другой дуб, тоже невысокий и мощный. Под ним темнел стол и две скамьи; друг против друга за большими кружками с вином сидели и беседовали двое людей; один был грузный и краснолицый монах; круглая черная шапочка, прикрывавшая тонзуру, держалась у него на самом затылке; бритое лицо украшал будто отполированный фиолетовый нос; другого облекали коричневый камзол и высокие сапоги; широкополая черная шляпа и такой же плащ лежали на скамье рядом с ним; лицо у незнакомца было смуглое, с клинышком бороды, казавшимся заостренным углом; длинные усы были закручены в две прямые, острые стрелки; черные глаза были полны достоинства, спокойствия и внимания.

Трое приятелей приблизились и сняли шляпы; сидевшие ответили наклоном голов.

— Что скажете, дети мои? — спросил толстяк, белки глаз его были как сеткой покрыты красными жилками. — Если желаете мессу, то вам придется вернуться назад!

Луиджи сделал шаг вперед и низко поклонился, коснувшись краем шляпы земли — так требовал хороший тон.

— Нам уже отслужили ее... — ответил он. — Мы идем в Рим и хотим вашего святого благословения.

Жирный монах расплылся от удовольствия.

— Прекрасно... прекрасно... благословляю!.. — прохрипел он и сделал что-то похожее на крестное знамение и затем сунул руки для поцелуев пришельцам.

Путники приложились к ним.

— Мы хотели бы немного поучиться у вас в монастыре... — заявил Луиджи.

— Чему? — с недоумением спросил монах.

— Святой жизни... и мастерству, кроме того: мы иконописцы-художники!.. Не имеется ли у вас хороших мастеров?

— Вот что! — на толстых щеках монаха появилась улыбка. — Можете и учиться! А я уж думал, что вы грамотой хотите заняться: это мирянам воспрещено!.. — строго до-

бавил он, подняв вверх палец. — Иконных мастеров у нас тоже не имеется, но выпить по случаю хорошего знакомства всегда возможно! — Он оперся руками на стол и поднялся.

— Синьор Карнаро?.. — обратился он к продолжавшему молча сидеть компаньону. — И вы, молодые господа, вы люди достойные... прошу вас к нам... отдохнуть!..

Монах сделал тяжелой перевалкой несколько шагов и пошатнулся; его подхватили с одной стороны Луиджи, с другой Ян и бережно стали спускать по указанной им каменной лестнице; Карнаро и Марк последовали за ними. На лице монаха было написано блаженство.

— Почитайте меня, детишки, почитайте... и счастливы будете!.. — бормотал он своим помощникам.

Все вступили в обширный подвал; сумерки и густой запах вина охватили их; из пары крохотных, заделанных железными прутьями окошек, пробитых почти под самым сводом, брезжил свет; вдоль стен тянулись ряды бочек; из первого подвала пришедшие попали во второй и наконец в третий, более светлый. Там вдоль одной из стен вытягивался дубовый стол; кругом в беспорядке были распаханы деревянные кресла и табуреты; часть их занимала компания монахов, человек из пяти; все были сильно подвыпивши.

— Отче Антоний?! — возопили они. — И синьор-философ с тобой?!

— Мы это, детишки, мы... — ответил, ухмыляясь, Антоний. — А это молодые художники... в Рим идут... и желают иметь от нас поучение!

Вновь прибывших усадили за стол; против каждого сейчас же появилось по кружке с вином, нацеженным из ближайшей бочки. Для общего пользования подали миску с жареным и посоленным горохом.

Начался шумный разговор; Марк и Ян в него почти не вступали: за них обоих отвечал и вдохновенно и самоуверенно врал Луиджи; у Марка даже вспотел лоб от его неожиданных и самых беззастенчивых выдумок.

Монахи слушали со вниманием и интересом — в те времена на веру принималось решительно все и хороший болтун мог рассчитывать на самое широкое гостеприимство.

Карнаро отхлебывал вино и, усмехаясь одними глазами, поглядывал на рассказчика. Разговор коснулся ученья.

Багроволицый Антоний вдруг сделался синим и застучал волосатым кулачищем по столу.

— Не нужно его, пропади оно пропадом! От злого духа оно!.. — захрипел он. — Сами их святейшества папы запрещали ученье! Мы, духовенство, уже знаем все и довольно, ваши души в надежных руках, они нам препоручены, а не вам!.. Только не мешайте нам, а уж мы проведем вас в царство небесное!.. Всех! Сколько угодно!

— Да, да!.. — поддержали другие монахи. — Надеемся на нас!.. — Один встал и, протянув руки к о. Антонию, хотел направиться к нему, но повалился грудью на стол и опрокинул кувшин и пару кружек; красное вино лужей крови расплылось по столу и потекло на колени соседей.

— Надеемся, надеемся!.. — заплетая языком, бормотал упавший; щекой он угодил в самую лужу и выкрасился в багрец; потерпевшего крушение подняли и повели, вернее, потащили, к двери, черневшей в глубине подземелья; там скрывалось уединенное помещение, густо устланное соломой; на ней в разных положениях спали несколько насмерть пьяных монахов.

— Усыпальница наша! — икая, пояснил Яну монах, с которым тот доволоч в нее нового обитателя.

— Хорошо жить мирянам!.. — разглагольствовал в это время за столом третий монах. — Ни хлопот у них, ни забот — дыши, ешь, пей и веселись! — а мы работай, молись!.. думаете, легко проводить всякого дурака в рай?

— А если дурак не хочет рая?.. — осведомился Карнаро.

— За шиворот поведем!.. — грозно закричал кто-то и треснул кулаком по столу.

— Мы знаем, что делаем!.. А упираться будет — на костер! Сожжем тело, а душу спасем!..

— Главное — библию не читайте!.. — совсем расслабев, уговаривал гостей о. Антоний. — Зло в мир идет через гра-

моту — дьявол ее изобрел!..

— Две девчонки чернобровые!

— Пошли в горы погулять!.. — запел сосед Антония; два-три голоса нестройно подхватили; кулаки забарабанили по столу.

— Ну, мне пора в путь!.. — произнес Карнаро и поднялся с табурета; за ним встали с мест и наши паломники.

— Куда?.. Куда?!.. — завопили монахи; ближайшие ухватили собравшихся уходить за руки.

— Нам еще чудотворной статуе поклониться надо!.. — заявил Луиджи.

— Не нужно!.. — дружно ответили несколько человек. — Посидите с нами, а все остальное само собой делается!

Карнаро и Луиджи едва смогли убедить хозяев отпустить их. Все же гостей заставили выпить «на дорожку» по огромной кружке. Монахи сочно перецеловали всех и, напутствуя благочестивыми наставлениями, как вести себя, проводили их до двери.

Луиджи выбрался из погребца и сплюнул.

— Вот слюнявые черти!.. — произнес он, утираясь рукавом. — А ведь я обалдел, ей Богу?..

— И я!.. — сказал Ян. — Ничего; монастырь обстоятельный!

Марк молчал: он лишь пригубливал вино и выпил только одну заключительную кружку.

— А в действительности, без вранья, — куда вы идете?.. — неожиданно спросил у Марка Карнаро.

— В Рим!.. — ответил тот. — Мы художники, учиться хотим!

— И он тоже художник? — Карнаро указал на Луиджи.

— Н-нет...

— Я уже ученый!.. — важно вмешался Луиджи. — Я неаполитанец и руковожу ими!..

— Неаполитанцы всегда были всезнайками!.. — ответил Карнаро. — Теперь послушайте моего совета: забудьте то, что болтали эти пьяницы и идите сперва в Болонью, поучитесь в университете, а там с Богом, куда глаза глядят!

— А чему учат в университете? — заинтересовался Марк.

— Многому: выйдете оттуда развитыми людьми, и тогда делайтесь художниками или чем хотите..

— Зачем художникам ученье?!.. — вскинув плечами, спросил Луиджи.

— Чтобы стать человеком! Сперва надо приобрести знания, а уж потом браться за какое-нибудь дело!

— Я бы хотел изучить составы красок?.. — нерешительно выговорил Марк.

— Пройдете семь свободных искусств, потом узнаете и эти пустяки!.. — сказал Карнаро.

— Слушайте?.. — вдруг вырвалось порывом у Марка. — Неужели же все на свете один обман и нет ничего чистого?!

Карнаро внимательно поглядел на побледневшее лицо его.

— Есть!.. — твердо и ласково произнес он. — Нужно искать! Попомните слова мои: знание — свет и прежде всего о приобретении его заботьтесь!.. Не всегда будет тьма; бдите, как евангельская дева в ожидании жениха! А пока — до свиданья!... — он протянул руку Марку и кивнул Яну и Луиджи.

— А вам разве не по пути с нами, синьор? — спросил последний. — Быть может, вместе бы отправились — было бы безопаснее?

— Я еду в обратную сторону! — Карнаро сделал всем приветственный жест рукой. — До встречи в Болонье!

Карнаро скрылся в дверях соседнего дома, а путешественники вернулись к первому дубу. Двор по-прежнему пестрел народом; около чудотворной статуи шла суета; здоровенные детины бережно подымали ее, ставили на длинные, прочные носилки и укрепляли вызолоченными распорками: статую ежедневно обносили кругом монастыря.

Наши путники вышли в ворота, чтобы со стороны посмотреть на шествие и только что остановились на облюбованном буторке, как вдруг вся толпа калек, жавшаяся у ворот, шарахнулась прочь и что горох врассыпную покати-лась по полю; впереди бежали люди с обвязанными голо-

вами и руками, за ними ковыляли хромые, позади всех, извиваясь, ползли совсем безногие.

— В чем дело?.. — спросил Ян поравнявшегося с ним сухорукого беглеца.

Тот остановился перевести дух и кивнул головой на ворота: из них показались склоненные черные кресты на длинных древках, зачервонили красные одежды духовенства; в темном пролете над головами людского потока, словно живая, чуть поколыхивалась статуя Богоматери.

— От нее надо подальше!.. — выговорил остановленный.

— Это почему?! — изумился Ян.

— А вдруг исцелишься? Тогда что делать? кто тебя даром кормить станет?

И калека, помахивая черной сведенной рукой, как птица подстреленным крылом, пустился дальше.

ГЛАВА XV.

Ночью не спалось Марку — слишком уж много дум и впечатлений собралось за недолгое время его странствований. Делиться ими с товарищами не хотелось: Луиджи не понял бы его и только посмеялся бы, а Ян — хоть и добрый малый — жил своим особым миром.

Марк приподнял с подушки голову.

Луиджи подхрапывал и что-то невразумительно болтал; Ян дышал ровно. В окно глядел полный месяц, доносился звон к полунощнице.

Марк свесил ноги с постели и встал.

— Ты куда?.. — неожиданно спросил Ян.

— Не спится; в церковь пройти хочу... — отозвался Марк.

— Что там делать?

— Как что — молиться!

— И я с тобой!.. — Ян зашевелился и через минуту оба они тихо, чтобы не разбудить товарища, выбрались на лестницу; в руках Марк нес лютню; во дворе их охватило

запахом конского пота; под черными навесами слышался хруст; чуть проржала какая-то лошадь.

Ворота и калитка были заперты; в углу около них, на соломе, спал сторож, закутанный в одеяло.

Ян толкнул его.

Сторож зашевелился и открыл лицо.

— Кто такие?.. Что надо?.. — пробормотал он, садясь.

— Свои... в церковь хотим пройти!.. — ответил Марк.

— Куда?!.. — изумился сторож.

— В церковь...

— Да вы в уме, или нет? Кто же вас пустит туда ночью?

— Звонят к полунощнице: значит, зовут; церковь должна быть открыта!..

Сторож pokrutyл головой и отпер калитку.

— Как же, ждут вас там!.. Помолитесь, помолитесь... — насмешливо произнес он, выпуская приятелей.

Луг, река и монастырь серебрились; по сине-пепельному небу плыл яркий месяц... мягкий звон колокола нарушал безмолвие.

Марк и Ян подошли к башне и толкнулись в калитку — она была заперта; Марк постучал в нее, но отзвона не было; он подождал и опять ударил железным молотком.

Кто-то наверху зевнул и выглянул в бойницу.

— Какой дьявол стучит?.. — спросил грубый голос.

— Богомольцы!.. — отозвался Марк.

— Ступайте спать, дурачье!.. — был ответ со стены. — Завтра намолитесь!

— Мы хотим сейчас!.. — настойчиво возразил Марк. — Звонят к полунощнице!

— Мало бы что звонят!.. звонят, а службы нет!

— Служба должна быть!..

— Учи еще, осел! День и ночь вам служи — обалдеешь! Все теперь отдыхают — пьяные лежат!

— Зачем же звонят тогда?

— А чтоб ты знал, болван, что время молиться вам! Встань к стеночке и помолись. А ты беспокоить людей лезешь, дубина!

— Да ты больно не лайся! — вскипел Ян. — Ишь, пьяная морда, даже сюда с башни вином разит.

— Проваливайте, проваливайте, пока бока вам не наломали, идиоты несчастные!

Ян схватил камень и запустил им в сторожа. Наверху послышался хруст, посыпались черепки и раздалась отчаянная ругань: гостинец угодил в глиняный кувшин, стоявший в бойнице, и расшиб его; вино потекло по стене, оставляя на ней черный след.

Ян хотел еще раз повторить свое приветствие, но Марк удержал его.

— Оставь!.. — сказал он. — И впрямь лучше у стенки помолиться!..

Провожаемые неистовыми проклятиями, друзья дошли до следующей башни и завернули за угол: темный шатер дуба над стеной указал место, где стояла чудотворная статуя. Звон стих.

— Отслужим полунощницу?.. — предложил Марк.

— Я не умею... — отозвался Ян.

— Ничего, вторь мне без слов!..

Пальцы Марка коснулись струн; звуки, будто серебряные жучки, взобрались по неровной стене и стекли к подножию дуба; во дворе прозвенело чуткое эхо. Сдерживая голос, Марк запел молитву; баритон его рос и звучел, Ян вторил бархатным басом, обоих охватило вдохновение...

Певцы кончили и, еще полные возвышенного настроения, медленно направились к гостинице; тишина настала зачарованная; серебряный монастырь спал среди черных и серебряных гор.

На другое утро, когда трое наших путников уже шагали за осликом, Марк обернулся к неаполитанцу.

— Луиджи?.. — проговорил он. — Я в эту ночь много передумал и решил идти в Болонью...

— Вот как?.. — протянул Луиджи. — Что, слова синьора Карнаро так на тебя подействовали?

— Он прав: надо сперва поучиться, а потом заниматься искусством! Я как в лесу — ничего не знаю и не понимаю!

— Да плюнь! Мало ли что набрешет тебе всякое дурачье?

Марк отрицательно и упрямо мотнул головой.

— И ты, Ян, собираешься в университет поступать? — сердито осведомился Луиджи.

— Я?.. нет... — отозвался тот. — Где мне! Я только своему мастерству подучиться хочу!

— Значит — расставаться нам надо?

Марк молчал.

— А почему вместе не идти? — спросил Ян.

— Да черт же вас всех раздери с проклятым Карнаро! — закричал взбешенный Луиджи. Он сорвал с себя шляпу и швырнул ее об землю. — Сегодня в Неаполь идем, завтра в Болонью, послезавтра в Париж, провались они с вами в тартарары к дьяволу! Убирайтесь одни куда хотите, а я назад ухожу!

Он бросился к ослику и стал заворачивать его обратно.

— Да постой, ну чего обозлился?.. — остановил его Ян. — Ведь ты же сам говорил, что тебе все равно, куда ни идти?

— Говорил!

— Ну, вот видишь?.. и пойдем опять все вместе, если ему понадобится!

Луиджи стих.

— Черти эдакие! зарезал бы вас, так огорчили! Ну, да пожалуй... Э!!.. — Луиджи махнул рукой. — Валим в Болонью, когда так! Мастера и дураки имеются всюду!

Лицо Марка прояснилось. Он с благодарностью взглянул на своих товарищей.

— Только путь на Болонью другой!.. — уже совсем весело продолжал Луиджи. — Скоро будет развилка!.. Сами на себя пеняйте — Болонья ваша прескучная! Одно в ней хорошо — сосиски из ослиного мяса. Объеденье! — Луиджи щелкнул языком.

Выступ скал скрыл от путников монастырь и долину реки. Местность потянулась суровая и пустынная; к полуд-

ню они завидели справа на бугре полуразрушенную четырехугольную башню; ее окружали остатки стен. На одной из осей неподвижно стоял одетый в серую рясу человек с большой темной бородой; Марк первый завидел его.

— Смотрите?.. — сказал он. — Монах, что ли, какой-то?

— Это отшельник... — равнодушно отозвался Луиджи.

— Здесь много будет их попадаться!..

— Кто же они такие?

— Да всякие... Больше всего нобили, есть даже герцоги и комтуры... напраказят — и марш спасаться: здесь безопасно!

— Где же они живут?

— Да в пещерах, в развалинах. Эта дорога полна ими! Как влюбится кто неудачно — тоже в отшельники идет; проболтается сколько-нибудь времени — рясу долой и опять за прежнее! Иные из-за дуэлей и драк с убийством отсиживаются, ждут, когда позабудется...

— И здесь, значит, обман?.. — проронил Марк.

— Какой же обман?.. — удивился Луиджи. — Власть живут люди — так и надо! Век им, что ли, в самом деле хныкать? Жить-то один раз! Наплевать на все и кончено!

— А чем они питаются?.. — любопытствовал Ян.

— Друзья им привозят и присылают; другие сами покупают где-нибудь... с голоду не умирают!

Луиджи направил ослика к башне; отшельник завидел, что к нему идут гости, сошел с каменного бугра и стал ждать у входа.

Он был высокого роста, представительный; сразу было видно, что этот человек не из простого звания.

Луиджи вполголоса высказал это предположение.

— Почему ты так думаешь?.. — усомнился Ян.

— А поди, дай ему в морду — узнаешь, благородный он или нет!

Путники поравнялись с пещерой и маленький караван остановился.

Луиджи снял шляпу и поклонился пустынноку.

— Мы певцы!.. — сказал Луиджи. — Если угодно, мы споем вашей святости что-нибудь из божественного?

— Добро пожаловать!.. — был ответ. — Заходите в мою обитель!..

Ян расседлал и пустил на траву ослика, Марк достал лютню, и трое путников вошли вслед за хозяином в полутемную башню. Она была довольно обширна; свет в нее падал из двери и четырех узких, как щели, окон, находившихся очень высоко. Посреди земляного пола белел простой стол; около него размещались три табурета; у задней стены на козлах были настланы доски, заменявшие постель.

— Рад вас послушать!.. — продолжал хозяин. — Садитесь, а я поищу, не найдется ли у бедного отшельника, чем промочить вам горло!

Яну и Марку показалось, будто он скрылся прямо в стену; Луиджи заметил, что в том месте имелся замаскированный ход в подземное помещение. Неаполитанец приподнял крышку с кастрюльки, стоявшей на другом конце стола, и подмигнул товарищам.

— Постник!.. — шепнул он. — Курочка тут у него жареная!..—И сейчас же откашлялся и принял строгий вид: возвратился отшельник; в руках он держал глиняный кувшин, несколько ломтей хлеба и четыре кружки. Он поставил принесенное на стол, налил вина и сел на чинаровый толстый чурбан.

— Теперь слушаем!.. — произнес он, отхлебывая вино. — Божественное хорошо для души!

Луиджи запел церковный гимн; Марк и Ян вторили; после третьего песнопения отшельник снова наполнил им кружки

— Славно поете!.. — сказал он. — Но я очень впечатлителен и боюсь растрогаться, поэтому нет ли у вас чего-либо повеселее?

— Есть все, что угодно!.. — ответил Луиджи. — Но да извинит нас святой синьор — мы еще не обедали, а на голодный желудок мирские высокие ноты брать трудно!

— К прискорбью, моя кладовая совсем пуста и могу предложить вам только хлеб: друзья, что снабжают меня скудную пищу, что-то запоздали и, пожалуй, приедут

лишь завтра!..

— Ваша святость, если бы захотела, могла бы сотворить чудо!.. — опустив блестящие лукавые глаза, смиренно произнес Луиджи.

— Я? чудо?! — удивился отшельник.

— Да. Скажите одно слово и в этой пустой кастрюльке очутится курица!..

Хозяин запрокинулся назад и захохотал.

— Ах, каналья! — задыхаясь от смеха, выговорил он. — Скажите, вы из Неаполя?

— Синьор угадал — я из этого дивного города!

— Это и видно! Ну, мой милый, если вас скоро не повесят, вы пойдете далеко! А что касается чуда, я его, конечно, сделаю!.. — Он снял крышку с кастрюльки и придвинул ее к Луиджи. — Приступайте!

Неаполитанец рассыпался в похвалах и благодарностях, вынул курицу, разрезал ее тут же на столе на четыре части и подал галантно каждому по куску на острие ножа.

— В честь вашей святости!.. — сказал он, подняв свою кружку, наполненную вином.

Все чокнулись.

Луиджи, покончив с обедом, спел, под хохот отшельника, несколько игривых песен и странники простились с хозяином.

Фигура его долго виднелась им — он стоял на выступе горы близ башни.

— Должно быть, друзей своих ждет?.. то-то попирует сегодня! — А вон и они! — заметил Луиджи и указал на пыль, густым облаком быстро несшуюся навстречу; в ней мелькали трое всадников в черных плащах.

Ян быстро своротил ослика с пути их и только успел сделать это, мимо проскакали трое молодых, богато одетых людей; за ними следовали четверо всадников-слуг; позади седел были перекинуты кожаные сумы; пешеходы успели заметить, что из одной торчали горлышки бутылок, а из другой вылезал еле вмещавшийся огромный запеченный окорок.

— Мессу отслужат сейчас славную! — проронил Луиджи, с завистью проводив взглядом встречных: курица не утолила, а только раздражила его аппетит.

ГЛАВА XVI.

Вечер застал наших путников в поле; начинало смеркаться, а строений нигде видно не было; на горах кругом, то здесь, то там, желтыми звездочками зажигались огни.

Марк обратил на них внимание.

— Это все норы пустынников!.. — пояснил Луиджи.

— И все таких же? — спросил Ян.

— Всякие есть!.. А. пора бы и о ночлеге позаботиться?..

Куда свернуть?.. — вслух подумал Луиджи.

Долго затруднять себя решением этого вопроса ему не пришлось: из-за скалы выехал всадник и перегородил лошадью дорогу.

— Добрый вечер! — проговорил он, приподняв шляпу. — Синьоры не пилигримы ли?

— Вы обладаете даром всеведения, сударь!.. — ответил Луиджи и проделал то же движение со своей шляпой. — Мы кающиеся!.. Но можем и спеть, если вам это угодно!

— Тогда идите за мной: ночлег вам готов!.. — с этими словами всадник повернул коня и поехал в сторону от торной дороги; трое приятелей последовали за ним.

Местность началась неприветливая, угрюмая; четко цокали по камням подковы; над головами путников бесшумно и часто стали проноситься ночные птицы; иногда стаи их садились совсем близко на самой дороге и тогда она казалась посыпанной фосфорическими огоньками. Проступили искры звезд; месяца видно не было.

Луиджи отвернулся и незаметно для других положил на себя крестное знамение.

— Я убежден, сударь... — сказал он, — что вы ведете нас в превосходное место, но все же мне хотелось бы знать, как оно называется?

— Замок эччеленцы синьора Паоло ди Прато!.. — не без высокомерия произнес вожатый.

— А!.. — с почтением протянул Луиджи. — Ваш господин не из последних в Ломбардии!..

— И даже во всей Италии! — поправил всадник. — Видите впереди огни — это уже замок!..

Дорога круто сорвалась в обрыв; узкое лесистое ущелье перегораживал замок, обнесенный крепостными стенами и башнями; с горы виден был двор, его освещали два больших факела, укрепленных по сторонам входа, имевшего вид церковного портала; на въездной башне горели другие факелы; подъемный мост был поднят, красные зыблящиеся струи змеились на черной воде во рвах.

Вожатый вынул из-под плаща кривой рог, и глухие грудные переливы покатались в горную даль; в лесу, как бы все удаляясь, многократно пропело тот же зов эхо... Словно падающая стена, отделился от башни мост и медленно стал наклоняться вперед; из бойниц глядели несколько голов в шлемах; огонь золотил их и концы копий.

Путники вошли в ворота, залязгали и застонали цепи и мост поднялся. На дворе находились несколько слуг.

— Господин ждет!.. — произнес один, учтиво поклонившись прибывшим.

— А нельзя ли пообчиститься?.. — спросил Луиджи: он явно начал потрухивать, но бодрился. — Пыли на нас сегодня насело достаточно!

Пожелание его было исполнено немедленно; Марк вынул из сумы лютню, и трое друзей вступили в высокую переднюю; ее освещали пять желто-синих фаянсовых плашек с салом, дымно горевших на железном ободе, висевшем на трех цепях.

Слуги провели гостей в довольно большой зал; он знойно блистал от множества восковых свечей, зажженных на стенах; диковинными зверями выступали пузатые шкапы и сундуки из резного дуба.

Следующая комната была невелика; середину ее занимал круглый стол, накрытый на двенадцать приборов; вокруг него темнело столько же пустых кресел с высокими

спинками; у стены слева, между двумя дверями, не шевелясь, как изваянный, стоял высокий рыцарь, весь закованный в железо и со шлемом на голове; забрало его было опущено; руки закрывали чешуйчатые перчатки; в огромном камине пылала гряда пней и корней и будто отсвет пожара наполнял столовую и играл на доспехах рыцаря. Слуга предложил путникам обождать и исчез в маленькую боковую дверь.

Марк и Ян вежливо отвесили рыцарю по поклону, но тот не удостоил их даже мановения пальцем.

Луиджи, наблюдавший за этой сценой, вдруг прикрыл ладонью рот и тихо фыркнул. Товарищи покосились на него.

— Это же не живой человек, а манекен, простая подставка для доспехов — посмотрите на его ноги — они чугунные! — зашептал Луиджи; он подошел к рыцарю и пощелкал его по бедру; раздался металлический звук; рыцарь не шевельнулся.

— Вы сюда лучше взгляните! — добавил Луиджи и кивнул на серебряные приборы и кувшины, заполнявшие стол; все обратили внимание и на медный колокол, висевший на крюке над камином.

Дверь отворилась и появился невысокий, худощавый человек неопределенных лет; черные волосы на голове и острой бородке его казались посыпанными инеем; в сухощавом лице и крупных глазах было что-то властное, сразу заставившее пришедших угадать в нем владельца замка; на плечах его, поверх камзола вишневого цвета, был накинут черный плащ с маленьким меховым воротником.

— Добро пожаловать... — произнес он в ответ на низкий почтительный поклон трех друзей и обвел их испытующим взглядом; пришельцы ему, видимо, понравились.

— Вижу, что соловьи залетели в мой дом?..

— Мы художники, синьор!.. — ответил за всех Луиджи.

— Но можем и спеть, если нас захотят слушать!

Ди Прато хлопнул в ладоши и одновременно из двух дверей показались несколько слуг.

— Три прибора!.. — приказал он.

Слуги бесшумно отодвинули от стены маленький столик, оставили его тяжелым серебром и исчезли.

Ди Прато опустился в самое высокое и изукрашенное кресло и указал рукой на столик.

— Садитесь!.. — пригласил он. — Не подумайте, что я не сажаю вас с собой из гордости! Делаю это потому, что все места за большим столом заняты!

— Синьор... — возразил, опять кланяясь, Луиджи, — для нас честь находиться хотя бы где-нибудь при вас!

Гости сели и почти тотчас же двое слуг внесли на толстых деревянных подносах небольшого кабана и целую горю жареных тетерек и куропаток; высокие стеклянные стаканы наполнились красным вином.

Ди Прато ел мало и все кутался в свой плащ; он сидел спиною к огню и лицо его казалось больным и бледным.

Ужин прошел и кончился почти в безмолвии; Марк и Ян чувствовали себя подавленными еще никогда не виданным ими великолепием; Луиджи, наоборот, оправился и был готов ко всякой случайности. Он подмигнул Марку и легким кивком головы указал на лежавшую неподалеку лютню.

Ди Прато заметил это.

— Пением мы займемся завтра!.. — проговорил он. — Эта ночь — ночь дурная и музыка к ней не подходит! Мы ее скоротаем у камина...

Он, не вставая, повернул свое кресло боком к огню и орлиный профиль его осветился и сделался еще чеканнее.

Слуги снова наполнили вином стаканы и удалились.

— Нас было двенадцать друзей... — начал Ди Прато, взяв в руку стакан. — И мы дали друг другу клятву каждый год, до самой смерти, в этот вечер собираться здесь у меня в замке. Ни бури, ни расстояние, ни нападения не останавливали нас. Весело прошло пять лет, затем с каждым годом число нас стало все уменьшаться. В позапрошлый год эту ночь мы встретили только вдвоем; в прошлом году я проводил ее один с одиннадцатью мертвецами... видите их окровавленные тени кругом стола?

Луиджи с испугом озирнулся влево: Марк и Ян повернули в ту же сторону головы. Там никого не было; свет от камина падал на спинки кресел и то темные, то алые пятна передвигались по ним; стеклянные венецианские чаши и стаканы играли переливами алмазов и радуги.

Путники перекрестились; ди Прато откинулся назад и вытянул вперед ноги.

— Гости все в сборе!.. — проговорил он. — Приступим к рассказам!

— Что же угодно услышать от нас синьорам?.. — спросил струхнувший Луиджи.

— Начнем с прорицателей, они интересуют меня!.. один старик предсказал заранее все, что постигнет каждого из моих друзей. И все сбылось!...

— Я боюсь, понравится ли мой рассказ?..

— Говорите, мы слушаем...

Луиджи покосился на кресла и ему почудилось, что на двух из них что-то пошевелилось; пот выступил на лбу его; он разом отвел глаза в сторону, на камин, и залпом осушил стакан — это его подбодрило.

— Синьоры слышали, конечно, о свирепом императоре Каракалле, правившем древним Римом?.. — словно охрипнув, спросил Луиджи.

— Да!.. — был ответ ди Прато.

— В Неаполе можно услышать необыкновенные вещи!.. Вот что когда-то давно говорили мне... Жил в те далекие времена некто Опилий Макрин, богатый и знатный человек, друг императора. Однажды Каракалле вздумалось съездить в Сирию и Макрин, перед отправлением вместе с ним в это путешествие, зашел к гадалке узнать — что ожидает его. Старуха велела ему показать руку, взглянула на его ладонь и говорит: «Ты рожден под счастливой звездой! Будешь на волосок от лютейшей смерти и останешься жив; уедешь в далекий путь простым человеком, вернешься цезарем». И шепотом добавила: «Каракалла будет тобою убит!».

Макрин обомлел — даже тень мысли о таких словах могла стоять ему головы!

— «Ты лжешь, ведьма!!» — воскликнул он. — «Я обожаю императора и сами боги не смогут заставить меня поднять на его священную особу руку!..»

— «И все таки подынешь!..» — повторила колдунья. — Не свою, но это все равно! Здравствуй, император!».

Он бежать! Понятное дело, ни душе о своем гадании не заикнулся и несколько дней спустя отплыл вместе с цезарем в Сирию. Проходит еще некоторое время, и вдруг в Африке появляется какой-то косматый прорицатель и начинает возглашать на торжищах, что конец Каракаллы близок и что императором станет Макрин.

Колдуна-звездочета схватили, заковали в цепи и прислали в Рим. Префект допросил его, и тот, не запираясь, повторил слова свои. Его заперли в темницу до распоряжения императора и префект сейчас же отправил донесение в Сирию.

Каракалла, как всему свету известно, страстно любил конские ристалища. И вот, в самый разгар гонки колесниц, в цирке появляется гонец и подает окруженному пышной свитой императору письмо префекта. Каракалла взял, взглянул на надпись — «весьма спешное» и сунул его стоявшему рядом с ним Макрину. — «Сейчас самое важное — бега!!» — заявил он. — «Доложишь мне после них!»...

Макрин принял письмо — их через его руки ежедневно проходили десятки — и вдруг почему-то взволновался: почувствовал, что должен немедленно вскрыть именно этот пакет. Макрин смешался с толпой придворных, незаметно отошел в укромный уголок, распечатал и быстро прочел донесение о себе.

В ту минуту он пережил вечность — он понял, что исхода нет, должен погибнуть либо он, либо Каракалла! И ровно через час Каракалла лежал с кинжалом наемного убийцы в сердце, а легионы подымали на щите нового императора — Макрина...

— Такова власть богов над человеком, синьоры!.. Я хотел сказать — Божья власть!

— На все судьба!.. — проронил ди Прато. — Следующий?..

Луиджи толкнул локтем Марка и тот поднялся.

— Я вырос в монастыре, синьоры, и мало знаю... — сказал он и приятный, бархатистый голос его заставил ди Пра-то устремить на него глаза; они неестественно светились.

— Но вот что — рассказывал мне старец Антуан, — случилось на его памяти. Жил в моей стране, в Германии, великий мудрец, Адальберт. Все знатные господа оказывали ему чрезвычайное почтение, а особенную дружбу к нему изъяснял наш герцог. Однажды в замок к нему приехал Адальберт и герцог заметил, что гость его какой-то рассеянный, задумчивый. Он спросил о причине и мудрец ответил, что звезды возвестили ему близкую смерть императора.

— Хотел бы я сделаться императором!.. — сказал герцог. — Весь свет перевернул бы я, кажется!..

— А были бы ли вы тогда так же милостивы, государь, как теперь? — спросил Адальберт.

— О, да! А вы были бы мне дороже родных, если бы могли мне: вас все слушают!.. — горячо воскликнул герцог.

— Хорошо... — отозвался мудрец. — Я сделаю по-вашему...

Он исполнил свое обещание и герцог был избран в императоры.

Прошло три года. Адальберт уединенно жил в своем замке, никуда не показывался, но от людей слышал, что новый император сделался чрезвычайно надменным и жестоким, и решил проверить слухи о нем.

Однажды, во время большого празднества, во дворце в рубище нищего появился Адальберт.

— Я обеднел, меня отовсюду гонят... — сказал он своему высокому другу. — Помнишь ли ты, государь, меня и свое обещание?

Император с презрением посмотрел на его лохмотья.

— Выбросить его вон... — приказал он страже; Адальберта схватили и вдруг все окружавшее великолепие и все множество людей исчезло и император в одежде герцога очутился стоящим у окна своего прежнего замка. Около него находился Адальберт в обычном наряде.

— Что это значит?!.. где мой дворец, где свита?!.. — закричал, озираясь, герцог.

— Ваше высочество изволили вздремнуть... — ответил мудрец. — Ваш сон длился всего три минуты...

Так оно и оказалось в действительности... Великий Адальберт с тех пор у герцога не показывался!..

— Славный рассказ!.. — проговорил ди Прато. — Многим нужно было бы его послушать. Что сообщит нам следующий?

Встал Ян.

— В подземелье замка сидел пленный рыцарь!..—начал Ян. — Еще в молодости он слышал от певцов о даме необыкновенной красоты, томящейся в плену у злого волшебника, и дал себе клятву освободить ее. Он ездил из страны в страну по кручам гор, по темным лесам, заглядывал за облака, но нигде не находил следов ее. В честь своей дамы он сложил множество песен, победил великанов и разбойников, сражался с волшебниками и всюду прославлял ее имя. Но вот однажды его захватили враги в плен и посадили в глубокий подвал под башней.

Потекли годы, сменилась стража при тюрьме, и один из тюремщиков, узнав его историю, открыл ему, что дама, о которой он все поет и тоскует, заключена чародеем в подземелье рядом с ним и обещал передать ей о нем. Рыцарь воспрянул духом, ночью разбил кувшин, в котором носили ему воду, и осколком его стал подкапывать стену.

Когда уставал от работы, начинал петь и ободрял свою соседку, обещая ей скорое освобождение. В ответ до него стал доноситься чуть слышный слабый и нежный голос ее. Она верила и ждала. Дни и ночи помчались для рыцаря быстро — он рыл и пел, забыв о сне и усталости, и в одно прекрасное утро, — когда стража вошла в тюрьму, — пленника нашли мертвым: он умер от истощения!

Ян умолк.

— Это все?.. — с недоумением спросил ди Прато. — Что же случилось с прекрасной дамой?..

— Ее совсем не было, синьор!.. — ответил Ян. — Добрый сторож видел, что пленник угасает и, чтобы порадо-

вать его, повесил над окном подземелья эолову арфу: рыцарь умер счастливым!

Ди Прато задумался.

— Все мы на земле пленники!.. — проронил он минуту спустя. — Все чего-то добиваемся, ищем и все в конце концов — прекрасная дама, которой нет!..

Чугунный рыцарь, стоявший между дверями, вдруг стронулся с места; мертво брязгая огромными шпорами, он медленно и гулко двинулся по каменным плитам пола к камину.

На лицах всех трех путников написался ужас; Луиджи почти сполз под стол, уцепился за край его концами пальцев и вытаращил глаза; Ян откинулся на стену, словно желая вдавиться в нее; Марк, шепча молитву, навалился на него. Ди Прато сидел, как бы ничего не замечая.

Чугунный автомат проследовал мимо камина и остановился сбоку его; закованная в железную перчатку правая рука рыцаря поднялась, взялась за конец веревки от колокола и дернула; раздался густой, звучный удар, другой, третий... пробило двенадцать. Звонивший отпустил веревку, рука его повисла вдоль ноги, он повернулся на пятке, тяжело прошагал на свое место и застыл снова.

Гул, наполнивший комнату, замирал и делался все нежнее.

— Полночь... — проговорил ди Прато. — Время взглянуть на звезды!..

Еще не совсем опомнившиеся от испуга путники встали с мест и направились вслед за хозяином; проходя мимо страшного автомата, они гуськом старались обойти его как можно дальше и затем быстро нырнули в соседнюю комнату.

По пустым коридорам и переходам, освещенным висячими стенными плашками, ди Прато и его спутники дошли до каменной лестницы и поднялись по ней. Мелькавший впереди слуга отворил низкую дверь; черным занавесом, усеянным звездами, открылся квадрат неба; потянул свежий воздух; пришедшие очутились на верхней площадке главной башни. Двор и низы строений были по-прежнему

озарены дымно горевшими факелами; выше в полусумерках на стенах каменели вооруженные сторожевые.

— В эту ночь все бодрствуют до утра! — проговорил ди Прато. — Только в эту ночь враги мои могут захватить замок — так сказали астрологи!

Он закутался плотнее в плащ и устремил взгляд на лес, затем перевел его ввысь.

— Марс охраняет мою звезду!.. — проговорил он через некоторое время. — Смотрите, как он бодрствует и шлет мне добрые знаки то зелеными, то синими огнями! А вокруг него все в тумане — у врагов смущение и неудачи!..

Марку почудился стон — исходил он как будто из-под башни. Заслышал его и Ян и оба наклонились, чтобы проверить себя.

Ди Прато оглянулся на них.

Отдаленный стон повторился.

— Там мой пленный рыцарь!.. — с усмешкой пояснил ди Прато. — Завтра я прикажу повесить ему золую арфу... Однако, холодно, идемте вниз!

Марк шел последним и, когда он собирался нагнуться перед дверью — по лесу раскатился яростный хохот, подхваченный в разных местах. Марк перекрестился, проскочил на лестницу, захлопнул и закрестил ход за собой.

В столовой все разместились на прежних местах; в камин за время их отсутствия были навалены дрова и они пылали, наполняя комнату приятным теплом. Чугунный рыцарь стоял недвижно; вокруг большого стола никого не было.

— Рассказывайте!.. — почти приказал ди Прато, придвинувшись еще ближе к огню и совсем погрузясь в кресло...

Рассказы длились всю ночь. Бледный свет глядел в узкие окна, когда безмолвно слушавший хозяин зашевелился.

— Уже утро?.. — сказал он, как бы очнувшись. Он ударил в ладоши; у двери немедленно вырос слуга.

— Гости устали... проведи их отдохнуть!.. — приказал, подымаясь, ди Прато.

Путники встали; лицо хозяина, казавшееся страшным ночью, теперь было обыкновенно и даже приятно, но измучено и бескровно.

— Спасибо вам!.. — обратился он к гостям. — С вашей помощью я нескучно провел время. Когда уйдете отсюда, в своих сумах найдете воспоминание об минувшей ночи! Овидий говорит, что вещие сны видятся всегда на рассвете: желаю вам добрых снов!

Движением руки он отпустил их.

С облегчением в душе Луиджи и его товарищи отвели поклон и слуга повел их в нижний этаж. Марк, уходя оглянулся; ди Прато в комнате уже не было, а на подоконнике сидела и чирикала среди глубокой тишины серенькая, как раннее утро, птичка.

ГЛАВА XVII.

Замок был еще погружен в сон, когда из ворот его выступили ослик, Луиджи и трое наших путников.

Сторожевой указал им ближайшую дорогу, блестящую в узкой долине, и скоро зелень кустов и деревьев окутала и скрыла стены и башни.

Луиджи снял шапку и помахал ею, как веером, себе на лицо.

— Ф-у-у-х!! — проговорил он. — Слава Богу, выбрались благополучно из этого чертова гнезда! Что ни шаг — все колдовство было!

Ян хотел заглянуть в сумы, чтобы узнать, что в них положили в замке, но Луиджи беспокоился и воспротивился.

— Наше от нас не убежит!.. — заявил он. — Остановимся на обед, тогда и увидим. Теперь надо поскорей отсюда ноги уносить!

Вброд перешли они через небольшую речонку, а к полдню наметили особенно глухое место в окружавшем их вековом лесу, забрались в чашу и расположились под платаном на обед и отдых.

Сумы на ослике оказались набитыми всякою всячиной и, по мере того, как из широких листов лопуха, заменявших бумагу, появлялись жареные тетерки и куры, лицо Луиджи все прояснялось; открытие целого жареного козленка и кувшина с вином заставило неаполитанца окончательно развеселиться.

— Колдуны понимают толк в еде!.. — заметил он. — После ночи с привидениями надо подкрепиться как следует!

Он приложился к кувшину и закрыл глаза; в горле у него забубляло; кувшин пошел вкруговую.

После обеда и долгого отдыха трое друзей снова выбрались на дорогу и пустились дальше.

Минуло трое суток; после многих встреч с рыцарями, монахами и пилигримами, с невысокой горы перед нашими странниками развернулась необозримая зеленая равнина; в мареве дали белело что-то, напоминавшее город.

Луиджи остановился и протянул руку.

— Вон она, ваша обетованная земля — Болонья!.. — сказал он. — Я, как Иисус Навин, вывел вас из пустыни! Прикладывайтесь!..— и он поднес обе руки к губам своих спутников, как бы для поцелуя.

Марк долго не отводил взгляд от далекого виденья.

Через несколько часов, совсем вблизи от города, предусмотрительный Луиджи свернул с дороги в небольшой овражек и, укрывшись там от солнцепека и прохожих, снял с ослика сумы, и все расположились на густой траве.

— Ну, друзья мои!.. — заявил Луиджи, покончив с едой и запив ее вином. — Теперь надо решить, что каждый из нас будет делать дальше! В городе нам придется расстаться...

— Почему?.. — удивился Марк.

— Да потому, что подмастерья живут у своих хозяев... А при университете имеются квартиры для студентов; жить ни с кем из вас мне нельзя! Ой, Марк, в последний раз говорю тебе — иди лучше, ищи свои краски! Наголодаешься ты в своем университете, а ни черта он тебе не даст, помня мое слово! Студенты — ведь это чума, оборванцы, разбойники; кроме драк да пьянства, ничего не увидишь!..

Ян лежал на животе, подняв вверх подошвы ног и pokušивал какую-то травку.

— А ты что будешь делать?.. — спросил он Луиджи.

— Я человек вольный!.. — ответил тот. — Пока что мне здесь быть не особенно безопасно... Ну, да там увидим, что дальше будет! Вот вам мой сказ: часто видется нам теперь уже не придется, потому сделаем такое условие: среди города стоит собор большой, будем на нем, в укромном уголке свои пометки делать: я стану обозначаться одним кружком, ты, Марк — двумя, а ты, Ян — тремя. Если все благополучно — значки будем делать мелом, если худо — углем. Коли помощь нужна — кружки подчеркивать надо; при большой беде — две черты под ними ставьте. Это будет значить — бросай все и спеш на помощь! А главное условие — не оповестив товарищей, из города порознь не уходить!..

Сообщив еще несколько условных знаков и надавав товарищам разных советов, Луиджи поднялся с травы; Марк и Ян навьючили ослика и все вернулись на дорогу.

Город раскидывался широко; серой лентой ползла кругом него по холмам стена с высокими четверугольными башнями; такие же башни смотрели и изнутри города; местами между ними виднелись церкви; всех их превышала одна — очень длинная, с синим куполом.

— Собор!.. — произнес Луиджи, указывая на него пальцем.

У низких, походивших на пещеру, городских ворот сидели несколько вооруженных стражей в шлемах с черными гребнями и широкими полями.

Наших путников пропустили безо всяких опросов вместе с кучкой крестьян, везших разные овощи.

Тесные, полутемные и кривые улицы, словно ущелья, разбегались в разные стороны; везде висело сушившееся белье, и местами казалось, будто над головами прохожих был натянут сплошной навес из рубах и простынь; в маленьких клеточках под окнами пулькали перепела.

Сразу охватило тяжелым запахом и, несмотря на знойный день, прохладой.

Чем ближе подвигались путники к середине города, тем все оживленнее он делался; стали попадаться лавки перукареров (парикмахерские), около них на улице стригли и брили людей; в распахнутые двери таверн (погребков) виднелись груды бочек и столики. Попалось несколько ювелирных мастерских, и Ян с любопытством и вниманием поглядывал на них; доносилось постукивание по серебру маленьких молоточков. Кто-то пел о Венеции. Парикмахерские и мастерские ювелиров служили в те времена своего рода клубами, и в них встречались молодежь и праздничный зажиточный люд, интересовавшиеся новостями.

Иногда к домам примыкали башни с бойницами вместо окон; внизу их, в стенах, чернели вделанные огромные железные крюки: на них ночью, а в случае тревоги и днем, надевались цепи и кварталы запирались.

Улица вывела путников на простор рыночной площади; кругом подымалось несколько башен.

— Отчего их так много внутри города?.. — полюбопытствовал Марк; Луиджи пояснил, что они принадлежат разным знатым фамилиям, часто враждующим между собой, и служат крепостцами и надежным убежищем в случае распрей.

Ослик сам свернул в ворота, над которыми красовалась зеленая вывеска с изображением белого коня, распутившего по ветру пышный хвост, и зашпешил к, видимо, хорошо известному ему стойлу; Луиджи предоставил товарищам расседлывать его, а сам отправился для переговоров к хозяину; усатое и смуглое лицо его виднелось в глубине трактира (трактира).

Через несколько минут он вышел и позвал товарищей.

В длинной и почти совсем темной комнате все столы были свободны; Луиджи выбрал местечко, укрытое с двух сторон бочками, и приятели расположились за ними.

— Дух-то какой?.. — сказал Луиджи, втягивая всей грудью густой запах вина. — Как в раю, ей Богу!.. Ну, братцы, с благополучным окончанием пути поздравляю вас.

Все чокнулись поданными прислужницей глиняными кружками с вином и осушили их.

— Запомните — если меня кому-нибудь из вас надо будет найти, обращайтесь к здешнему хозяину. Если он не будет знать ничего — я вам покажу на краю города совсем маленькую трактирию; называется она «Два льва»: очень удобное место в случае недоразумений! Там я синьор Мальвио — затвердите это покрепче!

Друзья покончили с вином и отправились знакомиться с городом; Луиджи хотел показать лучших ювелиров, университет и, наконец, укромный уголок стены собора, которым предстояло заменять им почту.

К вечеру Марк и Ян несколько ознакомились с городом; Ян нашел место подмастерья у самого известного в Болонье ювелира — Пиетро Бонавентури, а Марк осмотрел живописную мастерскую в местном монастыре и так увлекся ею, что в университет решил идти только на следующий день. Луиджи кратко и туманно упомянул о каких-то важных делах, которыми он должен заняться.

Последний вечер перед расставаньем друзья решили провести за кружкой вина и, развязавшись с делами, забрались в одну из двух таверн, находившихся на площади; часть столиков из нее была вынесена на улицу и вокруг некоторых сидели люди.

Друзья расположились в укромном уголке и им хорошо было видно все, что делалось на засумеречившей площади; она все более погружалась во тьму; в окнах кое-где зажигались огни.

Луиджи потребовал кувшин кианти.

— За ваши успехи!.. — возгласил он, поднимая кружку.

— За всех нас!.. — сказал Ян.

Не успели они выпить — ближайший к ним дом озарился огнем и из-за угла улицы показались двое вооруженных всадников с наклоненными длинными факелами в руках. За ними ехали верхами какой-то важный, полный синьор

и молодая девушка в длинном полосатом платье; поезд замыкали четверо слуг.

— А ведь это наш рыцарь с дочкой?.. — вдруг проговорил Ян.

— Какой наш рыцарь?.. — удивился Луиджи.

— Да тот, что пешком шел в замок!.. мы еще под дубом, в таборе тогда ночевали?

— Верно!.. — вспомнил Луиджи. — Да ты, брат, того — уж не влюбился ли?

Ян покраснел.

— Глупости какие!.. — отозвался он, глядя в сторону.

— Ладно, ладно, знаем мы вас, тихонь!.. — продолжал Луиджи. — А ты, Марк, как — тоже слаб по этой части?

Марк сидел задумавшись и очнулся от вопроса.

— Я? по какой?.. — произнес он с недоумением.

— О чем ты думал?

— О завтрашнем дне, об университете..

Разговор вязался плохо — Марк и Ян были полны ожиданием этого загадочного дня и их настроению поддался и беспечный Луиджи.

С Соборной башни прогудел и поплыл над городом густой удар колокола: то был приказ всем тушить огни; окна везде погасли...

Наши друзья допили вино и среди полной темноты, чуть не ощупью, направились к гостинице «Белый конь»; фонарь над ее воротами мерцал далекою, желтою звездочкой; на перекрестках гремели цепи — улицы замыкались на ночь.

ГЛАВА XVIII.

Утром товарищи простились и разошлись каждый в свою сторону. Марк накануне хорошо приметил дорогу, и, не опрашивая встречных, стал пробираться по узеньким улочкам к окраине города, где находился университет.

Будничная жизнь уже началась, у многих домов стояли ослики с грузом дров и хвороста по бокам седел; на других висело по паре огромных, суживавшихся книзу корзин, из-за которых торчали только тоненькие ножки да длинные уши; на лотках серебрилась рыба, грудились оливковые головки артишоков, краснели помидоры; выкрики продавцов неслись со всех сторон; с третьих и четвертых этажей домов то и дело спускались на веревках небольшие корзинки: продавцы клали в них требовавшуюся провизию, и они проворно уезжали наверх. Слышались шутки и споры из-за цены.

Раза два чуть не попав под душ из помойных ведер, Марк добрался до второй, меньшей по размерам пустынной площади; она была усеяна народом и шумела не хуже базарной; по другую сторону ее тянулся длинный и низкий серый амбар для склада товаров, о чем свидетельствовали подъемные крюки с блоками и рычаги, выставившиеся с крыш из больших слуховых окон; внизу, у самой земли, выглядывали из травы маленькие оконца, зарешеченные железными заржавленными брусками.

Это и был университет, помещавшийся за неимением лучшего места в подвалах городского амбара.

У стены черной лентой сидели, а частью лежали на земле или прогуливались множество молодых и пожилых людей; черные бороды у иных достигали до груди, из-под колпаков и широкополых шляп свисали на плечи длинные волосы; одежды преобладали черного цвета; у большинства они были достаточно потрепанные, а зачастую и рваные.

Встречные с любопытством разглядывали Марка, опустившего глаза и скромно пробиравшегося ко входу в аудитории; он по крайней мере на голову превышал всех ростом.

Находившаяся под серединой амбара неширокая каменная лестница вела довольно глубоко вниз. Тяжелая, облупленная железная дверь, находившаяся в конце ее, стояла распахнутой.

Марк обогнул кучку студентов, игравших в орлянку, затем кружок игроков в кости и быстро сбежал вниз; там он

очутился в пустой и полутемной комнате с несколькими дверями; и слева и справа слышались невнятные одиночные голоса, произносившие речи.

Марк постоял немного, затем осторожно приоткрыл одну из дверей и заглянул в нее; представившаяся картина поразила его.

Громадное, где-то в бесконечности и мгле тонувшее помещение было наполнено черными тенями людей; окошки слева пронизывали прозрачные, золотистые столбы солнечного света и то здесь, то там пылали выхваченные из сумерек отдельные фигуры и группы студентов; все они полужаляли либо сидели в разных позах на полу, на соломе, а кое-где и на деревянных скамьях и чурбанах. В ближайшем конце аудитории возвышалась кафедра, имевшая вид рюмки с широкой приступкой кругом ножки; в ней, будто в купели, сидел профессор, видный только до половины; его облекала черная мантия с кистями на плечах; на голове торчала какая-то необыкновенная не то корона, не то колокол с длинною рукояткой.

Студенты морем заполняли все остальное помещение. У окон, с необделанными аспидными досками и грифелями в, руках, будущие ученые усердно записывали лекцию. Ближайший из писавших сразу привлек к себе внимание Марка: он работал, высунув и прикусив кончик языка; лохматая голова его была склонена набок, длинные волосы лежали на доске и обметали ее.

Марк прижался к стене и напряженно стал слушать; глаза его освоились с полутьмой и он хорошо разглядел профессора — лицо у того было горбоносое, обритое, худое и казалось монетой, на которую смотрят со стороны ребра. Говорил он медленно, громко и важно. Речь шла об астрологии в связи с медициной.

— Если вы видите, что Юпитер и Марс начинают сближаться друг с другом, — знайте, — это предвестие плохое: встреча этих планет влечет за собой появление на земле мора, болезней и всяких бедствий; встреча Венеры и Марса знаменует сильные дожди; Юпитера с Меркурием — обещает бури и грозы, а самое страшное — это сближение Сатурна

и Юпитера — оно чревато бедами, сулит чуму и всякие моры. Соединение трех планет в знаке Рыб вызывает смуты и распри!

— Как я вам уже объяснял, планет, не считая солнца и луны, имеется всего пять: это Юпитер, Марс, Сатурн, Меркурий и Венера. Они управляют всею жизнью на земле и потому истинно ученый медик прежде всего должен знать их действие на человека и на природу; призываемый к больному, он обязан в серьезных случаях прежде всего осмотреть небо и определить отношение планет к звезде больного — если он, конечно, из знатного рода. Если будете иметь дело с незнатными, то вместо этого прописывайте касторку; простому люду она заменяет гороскопы!

Луна оказывает чрезвычайное влияние на человеческий организм: кровь, мозги и жидкие части тела всецело находятся в зависимости от силы ее действия, поэтому полнолуние имеет особенное значение в критические дни болезни.

Твердо запомните, что самое мощное воздействие на сердце производит — солнце; на мозг и кровь — луна; на печень — Юпитер; на селезенку — Сатурн — он вызывает черную желчь и меланхолию; на легкие — Меркурий...

Гулкий удар в подвешенную на улице бронзовую плиту прервал лекцию; аудитория зашевелилась и разом наполнилась говором; профессор сошел с кафедры и затерялся в окружившей его толпе студентов. Несколько десятков человек обступили Марка и принялось расспрашивать — кто он и откуда.

Марк знал, что главный предмет преподавания в Болонье — юридические науки, но новые товарищи сообщили, что в университете проходятся, кроме того, и семь свободных искусств — тривиум и квадриум; видя недоумение Марка, они пояснили, что тривиум состоит из трех наук — грамматики, риторики и диалектики, а квадриум — из арифметики, геометрии, астрономии и музыки.

— Законы мне не надобны!.. — проговорил Марк.

— Самое хлебное дело!.. — отозвались голоса. — Посмотри, как хорошо живут все судейские?

— Поступай на тривиум!.. — сказал кто-то. — Будешь фило-софом!

— Лучше всего иди в оруженосцы к богатому рыцарю и займись джострами!..¹ — насмешливо посоветовал четвер-тый. — Ишь ты какой здорovenный!

Несколько человек засмеялись: Марк, плохо разбирав-шийся в словах новых товарищей, смутился и стал огля-дываться, как бы выискивая лазейку для выхода из кольца окруживших его зубоскалов.

— Нет уж, я в тривиум!.. — произнес он. — Только вот как же с грамматикой быть: ведь она запрещена папами?..

Раздался хохот.

— Э, брат, да ты сто лет тому назад родился, должно быть?.. — заговорили кругом. — Откуда этот чужак взялся...

Двое рослых, рыжих, как огонь, студентов, стоявших чуть поодаль и прислушивавшихся к разговору с новичком, вме-шались в толпу товарищей.

— Ты из Германии?.. — спросил по-немецки один из них, плотный молодец с веснушчатым лицом и бело-жел-тыми жгутами висячих усов, имевшими вид моржовых клы-ков; брови его были такого же цвета.

Лицо Марка просияло.

— Да, я из Баварии!.. — ответил он на родном языке.

— Ступай за нами; мы тебе все объясним и расскажем!..

И три отметных головы словно поплыли к выходу над морем черных и смуглых итальянцев.

— Меня зовут Мартин!.. — сообщил усач. — А это Адольф из Швабии.

Мартин расспросил Марка о его намерениях и одобрил его выбор факультета; Марк узнал, что о помещении ему беспокоиться нечего, так как чуть не сплошь все обитатели окрестных домов сдают у себя комнаты и целые квартиры студентам и что такие помещения именуются коллегиями.

Прежде всего надо было выбрать профессоров и запи-саться к ним; Мартин, сопровождаемый как тенью безмол-вствовавшим Адольфом, провел Марка в небольшую камор-

¹ Турниры.

ку, ютившуюся в том же подвале. Под единственным окном ее сидел, склонившись над толстою книгой, невысокий монах, облаченный в серую рясу; услышав шаги, он поднял черные глаза и кивнул вошедшим в ответ на поклон их.

— Записаться? — спросил он.

— Да!.. — ответил за Марка Мартин.

Монах взял лежавший на столе калам и обмакнул его в глиняную баночку с чернилами.

— Как фамилия? — спросил он, приготовясь писать.

Марк смутился: фамилии у него не было.

— Как же это могло так случиться?.. — удивился монах.

Марк, запинаясь, рассказал свою историю.

— Вот оно что?.. — проговорил монах и задумался. — Ты говоришь, монастырь ваш высоко в горах стоит?

— Да.

— Так будь же ты Хохбергом! Аминь! — монах стукнул рукой по столу и принялся за запись в книге.

Марк обомлел, когда монах назвал ему цифру платы за право ученья — таких денег он не имел и трети.

— Что, капиталов не хватает?.. — произнес монах, заметив смущение молодого человека. — Да, брат, наука что яблоня, приносящая золотые плоды... Возращение ее стоит трудов и денег. Но ничего, я тебе дам отсрочку на три месяца: за это время оглядишься и достанешь все — товарищи тебе помогут и укажут, как и что делать!

Он пометил что-то в книге, и трое студентов вышли на площадь. Яркий солнечный свет заставил Марка зажмуриться; шум и говор поразили его после тишины канцелярии; поблизости от себя он увидел тесный круг из людей. Среди него, как бы на арене, находились двое студентов; крича, они наступали друг на друга; толпа вокруг них то хохотала, то разражалась рукоплесканиями.

— Это диалектики диспут ведут! — пояснил Мартин. — А где твои вещи?

— В траттории...

— Так ты перенеси их к нам в коллегию — в нашей все немцы! Тебе найдется местечко.

Он указал свою квартиру и, будто окрыленный, Марк поспешил в трапезную.

Не больше как через час он уже стоял у входа в свое новое жилище и оглядывался, не зная, куда идти дальше. Перед ним впадиной темнел коридор; в глубине виднелась закрытая дверь, слева вела вверх, полная вечной ночи, каменная винтовая лестница; будто ребра скелета, белели сточенные посередине ступеньки; Марк поднялся по ней и попал в лабиринт коротких закоулков и извилин, обычных в те времена... За одной из дверей он услышал голос и постучал в нее; выглянула рыжая голова Мартина.

— Входи, входи, ждем!..—произнес он.

Марк перешагнул через порог и очутился в низкой длинной комнате, освещавшейся только одним окошком. Несмотря на яркий день, половина его тонула в сумерках — солнечные лучи не проникали в глубину уличных ущелий. Вдоль стен, прямо на каменном полу, лежали набитые соломой, сплюснутые и рваные тюфяки; поверх каждого валялась либо куртка, либо плащ, заменявшие простыни и одеяла; подушками служили узелки и походные сумы. У окна боком стоял простой дубовый стол; на нем чернели грифеля и стопка тонких, с изломами по краям, аспидных плит, служивших вместо драгоценной бумаги. По обе стороны стола имелись коротенькие лавки, но разместиться на них могли не свыше четырех человек. Никакой другой мебели в комнате не было, между тем обитателей в ней, кроме Адольфа и Мартина, находилось еще пять человек, все на подбор рослых молодцов.

Марк познакомился со всеми, и Мартин указал ему на один из тюфяков у стены.

— Вот твоя постель — восьмая! — сказал он. — У нас артель, и мы все дела ем сообща; каждый вносит свой пай... — А старшим выбран я, со мной и будешь вести все счета!

Марк покраснел.

— У меня сейчас очень мало денег,— ответил он.

— А у нас, думаешь, их много? — возразил Мартин. — Богатых-то разве десятка два на весь университет, а все остальные сами себе хлеб добывают! Когда есть что жевать — мы

учимся; нет — по монастырям идем петь, прелаты и монахи нас любят!¹ А кто не может — предсказаниями занимаются, сказки рассказывают, книги списывают; есть и такие, что милостыней питаются: всячески перебиваются люди!..

— А как же с лекциями? — недоуменно спросил Марк.

— Потом наверстываем; от товарищей узнаем!.. Конечно, год-другой лишний приходится из-за этого поучиться... торопиться некуда!

В коридоре раздался шум и смех; дверь отворилась, и вошла кучка студентов.

Жизнь втянула Марка в колею.

¹ Особенно резко выработался тип странствующего студента в XII веке. Бедняки-схоластики платили монастырям и др. латинскими песнями; некоторые превратили их в свое ремесло и получили прозвище вагантов или же голиардов. Они бродили поодиночке и целыми обществами от одного епископа и монастыря к другим; языком они стеснены не были, т. к. все говорили по-латыни; епископы, ведшие веселую жизнь, любили их и призывали даже записывать их песни наряду с разными занимательными рассказами в сборники.

Некоторые из таких застольных песен до сих пор поются студентами. Очень интересны и ядовиты сатирические песни голиардов, часто направленные против духовенства и Рима.

Шутка их: «Если звательный падеж вызвал тебя в Рим и винительный хочет низложить тебя, привлеки к делу дательный и тогда отпустит тебя творительный».

Была у них и шуточно-сатирическая проза-пародии на буллы, мессы, евангелия, заповеди и т. д.; постоянно упоминается в них Бахус.

Развитие этого рода сочинений вызвало разрыв их с церковным обществом и студенты получили новое прозвище «рибальди» (негодяй); в конце XIII в. они уже были в полном упадке, а в XV в. голиарды превратились в нищенствующих студентов, занимавшихся плутнями и чернокнижием.

ГЛАВА XIX.

Ян с тонким бронзовым обручем на лбу и волосах сидел на толстейшем чурбане у самого окна полутемной мастерской и усердно постукивал молоточком по чекану, кончая заданную ему пробную работу; в ряд с ним за тем же занятием размещались четверо молодых людей.

В мастерскую то и дело заглядывали и входили посетители, рассматривали вещи, спорили, но Ян только мельком кидал на них взгляд и опять погружался в свое дело. Полный, благодушного вида, седовласый хозяин — Пиетро Бонавентури — стоял у дубового прилавка, навалиясь на него, как обвал горы, и что-то объяснял несколькими синьорам.

Яну вдруг почудился свежий и звучный женский голос; он оглянулся и увидел, что хозяин показывает какие-то серебряные вещи молоденькой девушке и пожилой даме. Ян чуть не выронил молоток — девушка была та самая, что вместе с отцом уже дважды встречалась ему. Кровь начала приливать к щекам Яна; чтобы скрыть это, он еще ниже склонил над работой голову, молоток его застучал усерднее.

— Уж не знаю, что еще показать синьорите?.. — разведя руками, сказал Бонавентури. — Вам труднее угодить, чем святому Петру! Разве взглянем на то, что делает мой новый помощник... Вещь еще не готова, я говорю про замысел!..

Он подошел к Яну и взял у него из рук небольшой серебряный стакан с округленными боками и уже покрытый с одной стороны вычеканенными изображениями.

— А ведь хорошо!! — от души вырвалось у старого ювелира. Он приподнял в руке стакан и, видимо, стал любоваться им. — Есть талант!.. Эта вещь украсит любой стол!..

— Да... очень недурно!.. — согласились обе дамы, и Ян, негодуя на себя, почувствовал, что опять краснеет.

— Этот стакан я возьму!.. — заявила девушка. — Когда он будет готов?

— Я думаю, послезавтра, не раньше... — ответил Бонавентури, взглянув на Яна.

— Завтра!.. — вырвалось у того.

Хозяин опять посмотрел на него.

— Завтра так завтра!.. — согласился он. — Если так, то он же и принесет его вам.

Гости простились и ушли, сопровождаемый слугами, ожидавшими их на улице.

Бонавентури проводил их до порога и обратился к Яну:

— Не хотел я говорить при синьорите Габриэлле... — заявил он, — а теперь скажу — тише, брат, едешь — дальше будешь!.. А рука у тебя верная и чутье есть, но в рисунке имеются промахи — видно, и тут торопился! Смотри, например, на эту руку, она чуть длинна; больше всматривайся в пропорции людей! А в общем, я доволен: оставляю тебя у себя в мастерской! Будешь усерден — станешь настоящим мастером... Ну, посмотрите и вы все, — продолжал Бонавентури, передавая стакан товарищам Яна.

Один из них — неприветливого вида, со сросшимися на переносье черными тонкими бровями — мельком взглянул на стакан и с недовольной гримасой отстранил его от себя рукою; трое остальных отнеслись к работе новичка с горячим одобрением.

К сумеркам работа в мастерской прекратилась; толстую наружную дверь заперли железным засовом; Ян, закрывавший ставнем окно, на минуту задержался у него. Улица уже опустела; в двух-трех местах на ней, будто выходцы из ада, куда-то спешили темные человеческие фигуры; лица их, озаренные раскаленными углями, лежавшими в глиняных чашках, казались огненными: обыватели, не подбросившие вовремя дров на очаг, бегали за огоньком к соседям.

С закрытием ставень домашняя жизнь резко отмежевалась от уличной, становившейся совсем чуждой и даже враждебной.

По обычаю тех времен, подмастерья и хозяева обедали и ужинали вместе в кухне — самой обширной комнате в доме; освещалась она очагом, а иногда по вечерам и саль-

ною свечкой, горевшей в огромном, как блюдо, медном подсвечнике. На темных стенах красовались ряды полок, тесно уставленных всевозможной посудой; прислуживала хорошенькая, румяная и черноглазая Моника, приходившаяся дальней родственницей бездетной хозяйской чете.

Старый Бонавентури любил поговорить и, если был в духе, то после ужина, за стаканом вина, часто заводил рассказы о разных интересных делах и приключениях и о чертовщине. Эти последние бывали так страшны, что подмастерья сидели с побледневшими вытянутыми лицами, а хорошенькая Моника застывала, где пришлось, с раскрытым ртом и побелевшими, как от инея, щеками.

Тогда вмешивалась жена Бонавентури — полная, седовласая приветливая старушка.,

— Полно тебе людей пугать... спать пора!! — заявляла она, подымаясь со стула. — Ишь, до чего доболтались — лиц ни на ком нет!

Все приходили в себя, старались улыбаться и казаться молодцами, но никто не решился бы один сделать хоть шаг в соседнюю темную комнату.

Спать подмастерья отправлялись всюю гурьбой — обиталище их находилось на чердаке, где были расставлены деревянные кровати.

Долго не мог заснуть Ян в эту ночь. Его постель помещалась прямо против слухового окна и с густой синевы неба ему мигали и переливались небесные сигнальные огни. Глубокая тишина на улице однажды нарушилась топотом бежавших ног; через некоторое время мерно прошагали несколько человек и по карнизу противоположного дома красною мышью скользнул луч света: проходили с фонарем сбирь¹.

Что-то особенное и непонятное творилось в душе Яна. Он лежал, закинув руки за голову, что-то видел перед собою, чему-то улыбался. И мысль его вертелась на том, что завтра он увидит Габриэллу...

¹ Полицейские.

Бонавентури еще в постели слышал стуки одиночного чекана и сперва удивился, затем улыбка забралась к нему под густые усы: новый помощник ему нравился.

К полудню стакан был готов; Ян наскоро похватал кое-чего из обеда, бережно завернул свою работу в чистую тряпочку и устремился по указанному ему пути.

На углу улицы он чуть не столкнулся с двумя богато одетыми молодыми людьми в маленьких черных шапочках; в каждую было воткнуто по орлиному перу; на боках висели длинные шпаги.

— Эй!.. — пустил ему вслед один из щеголей. — Если ты на виселицу торопишься, то еще успеешь — она свободна!

Ян, не ответив, пустился дальше. Несколько поворотов и перед ним открылась цель его стремлений — узкий, высокий дом, примыкавший к еще более высокой башне, несколько выдвинутой на улицу для обстрела ее по всему протяжению.

Дубовая дверь была закрыта.

Ян постучал молотком и услышал гул, раскатившийся по комнатам: в приоткрывшуюся щелку выглянуло лицо молодого слуги.

— Что надо? — спросил последний.

— От Пьеро Бонавентури... — ответил Ян. — Нужно видеть синьориту Габриэлу Готье.

Слуга шире отворил дверь и Ян попал в полутемную обширную прихожую; из нее вела вверх деревянная коленчатая лестница; потолок опирался на четыре тонкие витые колонны; за ними у стен виднелись длинные сундуки; всюду висели шлемы, шпаги и арбалеты; в те времена оружие всегда держалось под рукою.

Яна повели по лестнице; за поворотом ее на него уставились узкие бойницы, черневшие за простором зала; у стен чередами высились тяжелые резные шкафы, обитые тисненой кожей диваны и кресла; все свободные места занимало отборное, дорогое оружие — зоркий глаз Яна сразу выделил два вороненых шлема, покрытых художественной чеканкой и вышедших из рук знаменитых миланских мастеров. Слева разевал огромную черную пасть камин. В

стене с бойницами багровела низенькая дверь из толстого железа, ведшая в башню: попасть в третий этаж можно было только через нее.

Из соседней комнаты слева слышался разговор; Ян узнал голоса обеих синьор, бывших вчера в мастерской Бонавентури; к ним примешивался густой бархатистый баритон.

Слуга доложил о приходе ювелира и позвал Яна.

С сильно забившимся сердцем молодой художник переступил через порог и увидел приветливо улыбавшееся лицо Габриэлы; она сидела за пяльцами; как в тумане различил он помещавшуюся за прялкой около нее пожилую даму и представительного человека в лиловой щегольской сутане епископа. Ян отвесил низкий поклон вставшей ему навстречу девушке и подал ей свое произведение.

— Какая прелесть!.. — громко воскликнула она. — Посмотрите, тетя!..

— Очень хорошо... отлично!.. — произнесла дама, мельком взглянув на стакан.

— Ничего... недурно!.. — снисходительно согласился епископ. Тут только Ян заметил, что епископ был бы красив, если бы его не портил нос таких размеров, что казался приставленным.

— Это твоя работа?.. — осведомился епископ.

— Моя... — ответил Ян.

— Так зайди ко мне на днях со своим хозяином; у меня есть работа для тебя!..

Епископ стал расспрашивать Яна, кто он и откуда; тем временем Габриэль выскользнула в боковую дверь со своим стаканом и через несколько минут вернулась уже без него.

Ян удовлетворил любопытство своего собеседника и откланялся. Пожилая дама и епископ ответили легкими кивками; молодая девушка проводила его в зал.

— А кольцо и деньги я занесу вашему хозяину завтра около полудня... — сказала она и вдруг быстро оглянулась и прижала палец к губам; лицо ее сразу изменилось и приняло умоляющее выражение.

Не успел Ян сообразить в чем дело, в руке его очутился сложенный маленьким квадратиком кусок тончайшего папируса.

— Пожалуйста, передайте!.. ответ завтра!.. — едва слышно шепнула она и громко добавила: «До свиданья!»

— До свиданья!.. — пробормотал ошеломленный Ян. Он зажал записку в кулаке, чуть не скатился с лестницы и очутился на улице. Что означало это внезапное письмо? К кому оно? Прочсть его было невозможно — кругом мелькали люди; надо было найти укромный угол и без свидетелей взглянуть на имя.

Он метнулся за угол, потом за другой — везде либо глазели из окон, либо шли прохожие. Ян сделал наугад еще несколько поворотов и очутился перед громадой собора.

На широких каменных ступенях, восходивших на паперть, сидели и лежали кучки баратиери — босых людей разного возраста в длинных белых рубахах и с ничем не покрытыми лохматыми головами; все были подпоясаны ремнями, на которых висели небольшие кожаные сумки.

Несколько голов повернулось в сторону Яна. Двое или трое запустили руки в сумы и вытащили оттуда игральные кости.

— Есть кости, кости! — воскликнул один, подкидывая на ладони черные кубики.

— Ох, сегодня удачный день для тебя!.. — возгласил другой. — Попробуй счастье!

— Не беги сам — дай я за тебя это сделаю?.. — предложил третий.

Яну было не до игры. Он качнул отрицательно головою, почти бегом взлетел по ступенькам и скрылся в соборе.

Сидевший поодаль статный и еще молодой черноусый человек с бронзовым, смелым лицом и с курчавой, как у негра, головою проводил его внимательным взглядом.

— Куда бы это он так спешил?.. — проронил он.

— Да в церковь!.. — наивно отозвался ближайший, глуповатого вида человек.

— Как же... помолиться приспичило! — насмешливо сказал курчавый. — Нет, брат, молиться так не бегают! Не

пахнет ли здесь чем вкусным? Эй, Беппо?!.. — крикнул он.

На зов его с противоположной стороны поднялся невысокий, щуплый человек с вострой, как бы хорьковой мордочкой.

— Что тебе?.. — спросил он, подойдя.

— Проследи-ка пойдя за этим молодцом!.. — приказал курчавый, видимо, бывший начальством. — Нет ли свиданья у него в соборе? Рожа-то еще незнакомая... добычкой попахивает!..

Беппо юркой, быстрой походкой затыркался по лестнице, мелькнул в портале и исчез.

Собор был пуст; на заполнявших его скамьях в полусумерках рисовались всего две-три поникших черных фигуры. Ян торопливо преклонил перед средним главным алтарем колена, выбрал местечко у колонны поближе к окну, из которого врвался свет, оглянулся кругом и разжал кулак.

Записка была запечатана большой восковой печатью; на другой стороне было выведено чернилами: «Помпео Маркони, у Флорентийских ворот».

В первую минуту Ян ничего не понял.

— «Какой такой Маркони?.. почему эта записка сунута мне?» — пронеслись мысли. Он сделал было движение, чтобы распечатать ее, но удержался и стал приходить в себя. Письмо, несомненно, заключало в себе какую-то тайну синьориты. Она доверилась ему, значит, надеется на него и желание ее надо выполнить во что бы то ни стало.

Ян тщательно запрятал записочку за пазуху, склонился головой на спинку скамьи, находившейся впереди, и несколько минут просидел среди глубокой тишины в этой благочестивой позе. Он не видал, что позади него в то время, когда он бережно засовывал письмо во внутренний карман, на ближайшей колонне обрисовалось смуглое настороженное лицо.

Ян поднялся и вышел на паперть; за ним поодаль следовал Беппо. Яна сейчас же окружили с разными предложениями несколько назойливых пройдох, а Беппо в это время шепотом сообщил пославшему его, что видел.

Курчавый кивнул головою, сделал незаметный знак и кучка пристававших к Яну людей сразу отстала от него.

Ян сошел с лестницы и остановился.

— А вот не скажете ли вы мне, где Флорентийские ворота? — спросил он, обращаясь ко всем.

— О, это далеко!.. — отозвался ближайший баратиери. — Молодому синьору нужно, конечно, передать любовное письмо, так давайте его нам: это наша специальность! Все будет шито-крыто...

— И обойдется всего в какие-нибудь два десятка кватрони!.. — подхватил другой.

Ян почувствовал, что краснеет.

— Вовсе не письмо!.. — проговорил он. — Там у меня знакомый живет... приятель!.. — Ян повернулся и быстро зашагал прочь. Вслед ему раздался смех и остроты.

Курчавый баратиери опять подал знак головой и следом за Яном, стараясь быть незамеченным и не потерять его из виду, пустился тот же Беппо.

ГЛАВА XX.

Ян шел озабоченный. Еще впервые в жизни он попал в такую историю, да еще осложненную полным незнанием города и его жителей. Спросить у первого встречного, кто такой и где живет Помпео Маркони, Яну казалось невозможным — выдачей тайны Габриэллы всему городу. И вдруг лицо его просветлело — он вспомнил о всезнающем Луиджи и решил сейчас же зайти к нему.

Трактир «Белого Коня» был как раз по пути и Ян заглянул в него, но Луиджи там не оказалось; хозяин сообщил, что его не видно уже несколько дней. Предстояло идти в «Два Льва», но это было далеко и сперва было не-

обходимо зайти в мастерскую и отпроситься у Бонавентури.

Старик задержал его недолго и когда Ян, потупив глаза, сказал, что отлучиться ему необходимо для того, чтобы проститься с уезжающим приятелем, Бонавентури подмигнул жене и воскликнул:

— Доброе дело! Только смотри — не в юбке ли твой приятель, а то, пожалуй, до самого утра дороги домой не найдешь?

Вся мастерская захохотала; Ян покраснел, что-то пробормотал и выскочил на улицу.

Быстро и не оглядываясь пустился он в путь и минут через двадцать уже стоял перед двухэтажным серым домом, над въездом в который висела вывеска, изображавшая двух огненных львов, любезно положивших лапы друг другу на плечи.

Ян вошел в тесный двор и под навесом нашел хозяина, отпуславшего ячмень для лошадей приезжих. Ян приподнял берет и осведомился, здесь ли синьор Мальвио.

Кривой на один глаз и весь заросший черными волосами трактирщик неприветливо глянул на него.

— А вы кто такой?.. — спросил он.

Ян назвал себя.

Кривой пожевал губами, подумал, потом ткнул пальцем на угол, откуда начиналась каменная лестница. — Туда!.. — коротко добавил он.

Ян поднялся на крыльцо, отворил левую из двух дверей и попал в погреб; охватило густым винным духом; с противоположной стены тускло, словно луна из-за тумана, глядело круглое, высоко пробитое и затянутое паутиной окно; в сумерках выявлялись ряды бочек, накаченных друг на друга; между ними были устроены проходы и кое-где размещались столики и скамейки. Людей никого не было и Ян, оглядываясь по сторонам, медленно пошел среди бочек. Справа открылся более широкий и светлый проход, оттуда слышался говор; Ян свернул туда и попал в кухню трактирии. Несколько столиков были заняты пестрым, обедавшим и пившим вино людом. В глубине имелся другой, прия-

мой, выход на двор; Ян приостановился, выискивая глазами нужного ему человека; несколько черных голов оглянулись на нового пришельца и Ян почувствовал легкий удар по своему плечу: позади него, словно выросший из каменных плит пола, стоял и улыбался Луиджи.

— Здорово, дружище!.. — произнес неаполитанец. — Откуда Бог послал?

— Дело к тебе!.. — вполголоса сказал Ян.

Луиджи мигнул ему, взял под локоть и повел в только что пройденное царство бочек.

— А ну-ка нам кувшинчик?.. — обратился он к проходившей мимо служанке. — Тут поукромнее!.. — шепнул он Яну.

Погреб, видимо, был известен Луиджи прекрасно. Он выбрал совершенно укрытый от сторонних глаз и ушей уголок и расположился в нем со своим гостем.

— Говори тихо!.. — предупредил он. — Что-нибудь стряслось?

— Да особенного ничего... откуда ты взял? — удивился Ян.

— Да по твоей физике вижу!.. — В чем история?

Ян медленно полез в карман, вытащил записку и, не выпуская ее из рук, не без смущенья рассказал все происшедшее.

Луиджи слушал насторожась, затем молча взял письмо и поднес близко к глазам.

— Не вижу, темно!.. — проговорил он. — Я пойду, прочту, — и он сделал движение, чтобы встать, но Ян удержал его.

— Оно Помпео Маркони, у Флорентийских ворот...

— Помпео Маркони?.. — раздумчиво повторил Луиджи. — Что-то знакомое имя... А, вспомнил!!! важный сеньор... Так в чем же загвоздка? Ступай и отнеси!

Ян молчал: глаза его были недвижно устремлены в одну точку.

— Чего ты уперся?..

— А если оно любовное?.. — неожиданно для себя самого выговорил Ян, мысль зародившуюся у него в душе.

— Да тебе-то что за печаль? — Луиджи откинулся на бочку и вдруг залился тончайшим фальцетным смешком.

— О, король идиотов!!.. — воскликнул он. — Да ты что, уж не влюбился ли?!.. когда же ты успел? Ах, проворный малый!!..

Ян не отвечал.

— Нет, брат, ошибаешься!.. — прервал сам себя Луиджи. — Голову прозакладываю, что здесь что-то другое!..

— Что же такое?

— Любовных записок не пишут!.. — продолжал неаполитанец. — Приглашения на свидания передаются на словах служанкой или баратиери — это их хлеб... тут что-нибудь много важнее, раз она решилась на такой риск и не доверилась своим окружающим.

— Ведь и меня она не знает!.. — заявил Ян.

— Это-то и примечательно... значит, ты рожей своей ей понравился, веру в себя внушил!..

— Ты так думаешь?

Луиджи кивнул головой.

— Именно так. Мой нюх издалека суп чует! Смотри, будь осторожен, не отдавай письма при людях! Хорошо можешь заработать на этом деле!.. — Он возвратил записку Яну.

— Зарботка я не хочу! — буркнул тот.

— Ну, конечно!.. — иронически согласился Луиджи. — Вы все, северяне, только по виду люди, а на самом деле болваны! Ей-Богу, чего же ты хочешь? Чтобы родовитая синьорита да еще француженка, Габриэль Готье, бросилась тебе на шею или вышла за тебя замуж?.. Это вот видал ты? — Он поднес к самому носу Яна кукиш.

— Ничего мне не надо... я так!.. — упрямо повторил Ян.

— Она, значит, француженка, а я не знал!

Приятели осушили по кружке вина и Луиджи налил по второй.

— Надеюсь, своему хозяину ты ничего не сказал о письме? — осведомился он.

— Ничего.

— Умно!.. Итак, тебе надо знать, где живет Помпео Маркони?

— Да... у других спросить я боялся!

— Э, да ты умней, чем я думал!.. — усмехнувшись, ответил Луиджи. — Из тебя выйдет толк! Ладно, я провожу. Только наверно ты никому не проболтался, куда собираешься идти?

— Никому!.. впрочем, на паперти собора я спросил, где Флорентийские ворота.

— У кого? У босоногих прохвостов?

— Да.

Луиджи неодобрительно мотнул головою.

— Худо!..— Это же разбойники, шпионы и все что хочешь! А когда сюда шел — никого из них позади тебя не было?

— Я не оборачивался...

Луиджи подумал с минуту и протянул руку.

— Давай сюда письмо. Вместе пойдем, а будет оно у меня!.. — пояснил он. — Так безопаснее!..

Он спрятал отданную Яном записку и велел приятелю не трогаться с места, а сам встал и начал осторожно пробираться между стеной и бочками к кухне. Там сидели все прежние посетители, но в самом дальнем углу зоркий глаз неаполитанца сразу заметил белое пятно и признал в нем баратиери. Бешпо что-то ел и все поглядывал на ход в погреб.

Луиджи быстро вернулся в свое убежище.

— Есть!.. Видишь, что значит распускать язык?.. — прошептал он.— Справа в углу сидит. Это такие черти, я тебе скажу!..

Он наспех объяснил Яну, по каким приметам и куда надо идти.

— Только не оглядывайся; на перекрестках улиц обращай внимание на все четыре стороны, будто не знаешь дорогу, и примечай, где мы. Ты ступай первым, за баратиери я пойду — он меня в лицо не знает! Дом Маркони сразу определишь — он там единственный, красный, кирпичный; над входом белый щит с синим шлемом висит. Как заметишь

его — вправо сейчас же забирай. Я к Помпео прошмыгну, а ты заведи жулика подальше, посиди где-нибудь в тратторий и домой ступай — к закрытию мастерской я с ответом подойду!.. Ну, с Богом... вали, как будто ничего не знаешь!.. — Он слегка подтолкнул Яна, а сам опять исчез между стеной и бочками.

Ян обдернул на себе куртку и направился в тратторию. Человек в белом увидал его и Яну показалось, будто он съежился и глубже втиснулся в угол.

Ян вышел на двор, затем на улицу; Луиджи наблюдал из своей засады и убедился, что он не ошибся: баратиери быстро допил вино, бросил на стол звякнувшую монету и поспешил уйти. За ним издали последовал неаполитанец.

Ян точно исполнял все, что было ему сказано и в свою очередь увидал, что за ним следили. Душа его вдруг исполнилась какой-то радости — ему захотелось смеяться и показать нос шпиону, которого они сейчас так ловко одурачат. Он летел как на крыльях.

После множества поворотов и изгибов улица, сделавшаяся совсем глухой и безлюдной, уперлась в башню и обтекла ее справа и слева. Ян заметил неподалеку красный дом и, как было условлено, взял в обратную от него сторону.

Луиджи задержался за углом, убедился, что Ян и его преследователь скрылись из вида, подошел к входу под белым щитом и синим шлемом, еще раз огляделся и ударил о скобу железным молотком, имевшим вид руки в боевой перчатке.

Дверь отворилась и впустила Луиджи в полутемную прихожую обычного типа тех времен. Рядом с деревянной лестницей имелся совсем узкий коридор, выводивший на двор.

— Синьор Помпео дома?.. — спросил Луиджи.

— Дома!.. — коротко отрезал пожилой коренастый слуга с густыми бровями, мрачно сросшимися на переносье.

— Порученье имею к нему...

— От кого?..

— А это я уж лично доложу вашему господину!.. — ответил Луиджи. — Будьте любезны подняться к нему наверх, мой дорогой друг. И несколько поторопитесь — меня ждет герцог!

— Пожалуйте за мной!.. — проговорил опешивший слуга.

Оба они взошли по лестнице и слуга, оставив Луиджи в небольшом зале, скрылся за пурпурным ковром, заменявшим дверь.

Луиджи obeжал все внимательным взглядом.

У стен и в углах размещались несколько статуй из белого мрамора, превосходной работы, но частью поломанные. Старинная, тяжелая и прочная, была и мебель.

Не успел Луиджи рассмотреть все как следует — из-за ковра показался человек средних лет в полосатом малиново-голубом платье. Располагающее к себе лицо его с небольшой бородкой было несколько озабочено.

Луиджи отвесил почтительный и в то же время свободный поклон. Маркони ответил легким наклоном головы.

— В чем дело?.. — спросил он.

— Синьор... — ответил, опять кланяясь, неаполитанец, — я не имею права говорить при посторонних!.. — Он указал глазами на слугу, недвижно стоявшего у лестницы.

— Это свой, верный человек!.. — сказал Маркони. — А впрочем.. — он сделал легкий знак рукой и слуга исчез под полом.

Луиджи достал записку Габриэллы и подал ее Маркони. Тот посмотрел на почерк, потом на печать и выхоленные, белые пальцы его заторопились распечатывать письмо. Оно было длинное, с какими-то рисунками и, как молча соображал Луиджи, значит, было заготовлено синьоритой заранее и выжидало случая к отправке.

Лицо Маркони по мере чтения делалось оживленнее, на губах появилась улыбка.

— Добрые вести — добрая и плата!.. — произнес он, складывая письмо.

Он открыл висевшую у него на бедре вышитую бисером сумочку, достал оттуда золотую монету и протянул ее Луиджи. Тот принял ее и раскланялся еще ниже.

— Подожди здесь, я сейчас напишу ответ!.. — приказал Маркони и край ковра опустился за ним.

Луиджи развалился в кресле с высокою спинкой и с довольным видом, свысока, стал посматривать на окружающих. его мраморных богинь и богов. Рядом с ним оказался сидевший на камне фавн; он обнял обеими руками приподнятое колено и с загадочной усмешкой смотрел на неаполитанца. Тот вдруг ухватил его за козлиную бородку и сжал ее, затем от избытка удовольствия покровительственно потрепал по щеке.

— Так-то, дурачок!.. — проговорил он вполголоса.

Синьор Маркони писал долго. Наконец, ковер зашевелился и Луиджи вскочил со своего места.

— Вот мой ответ!.. — проговорил Маркони, отдавая ему письмо. — До завтрашнего вечера! Ты ведь с нами пойдешь, конечно?..

— Всенепременно, синьор... но куда именно?

— Мы знаем теперь потайной ход в его тюрьму... — ответил Маркони. — Остальное, конечно, тебе известно!

— Все знаю, синьор! Но где сбор?

— У падающих башен. Пароль будет «сокол». До свиданья!..

Луиджи выбрался на улицу и направился к таверне, указанной им Яну. Голова неаполитанца усиленно работала, сиюсь проникнуть в тайну, продолжавшую все запутываться. Вспомнилось ему только одно — что фамилия Маркони числилась в партии Гибеллинов, ярых врагов папы. Но при чем же тут француженка Габриэль Готье и тюрьма?

В раздумьи добрался Луиджи до назначенной таверны, но там Яна не оказалось; Луиджи заглянул еще в несколько окрестных кабачков — приятеля его нигде не было. Он подождал за кружкой вина в одном месте, потом в другом, в третьем — Ян не появлялся; дело, между тем, шло уже к вечеру и улицы должны были скоро начать замыкаться.

Луиджи поспешил к мастерской Бонавентури и, не заходя в нее, заглянул в окно и облегченно вздохнул — он увидал белокурую голову приятеля, низко склоненную над работой.

Заходить в мастерскую и передавать письмо при всех было неудобно и Луиджи решил прогуляться и медленно обогнул пару кварталов; как раз к закрытию мастерской он был опять около нее; Ян запирали наружные ставни и вдруг почувствовал на своем плече чью-то руку; он быстро оглянулся.

— А это ты?! — прошептал он, обрадовавшись. — Сделал?

Луиджи молча кивнул головой и неприметно сунул ему ответное письмо.

Еще неплотно прижатая ставня приотворилась и луч света упал на лицо Яна. Луиджи ахнул: левый глаз Яна совершенно запух и под ним чернел синяк; лоб украшала громадная сизо-багровая шишка.

— Что такое?!.. — чуть не вскрикнул неаполитанец.

— Напали!.. — тихо поведал Ян. — Еще двое меня поджидали. Накинули на голову мешок, сразу свалили, обшарили всего и исчезли; когда я выпутался — их и след простыл. О камни лицом пришелся!

— Та-а-к!.. — протянул Луиджи. — Ну, это не беда, не мы в дураках!.. Смотри же!.. — озабоченно добавил он. — завтра ни на шаг из дома, пока не сдашь!.. Понял?

— Понял... спасибо тебе!.. — ответил Ян.

— Я-а-н?.. — раздался в эту минуту голос Бонавентури. — Где ты-ы?!.. Кого еще провожаешь?

Из мастерской донесся дружный взрыв смеха.

— Прощай!.. — шепнул Ян. — В воскресенье приду! — и он исчез в дверях.

ГЛАВА XXI.

Чем ближе к полудню подходило на другой день время, тем все возбужденнее становился Ян. Он то и дело

взглядывал на синий клочок неба, чтобы определить положение невидного ему солнца, и прислушивался к шагам и голосам на улице. Письмо Маркони было еще с раннего утра сложено в самый малый размер и так засунуто за борт куртки, что в любую секунду одним незаметным движением его можно было извлечь оттуда.

Звякнули подковы коней и Ян вздрогнул. Лошади остановились около двери мастерской и на пороге показались, одетые в длинные голубое и вишневое платья, Габриэль и пожилая дама, уже известная Яну.

Бонавентури встретил их глубоким поклоном. Ян почувствовал, что он весь заливаётся заревом, и потупил глаза; записка мгновенно очутилась у него в руке. Гости поздоровались и Габриэль обвела взглядом работавших.

— А где же ваш помощник?.. — спросила она. — Тот, что принес вчера стакан — я хотела еще раз поблагодарить его за чудесную работу!

Ян поднял голову и увидел, что пухло-белое лицо Бонавентури совсем расплылось от улыбки, а толстый палец с изумрудным перстнем устремлен на него.

— Как, это вы?!.. — с неподдельным участием воскликнула и даже всплеснула руками девушка. — Что с вами случилось?!..

— Это у него от излишней чувствительности, синьорита!.. — ответил за него Бонавентури. — Очень растрогался вчера на проводах товарища!

Подмастерья тихо зафыркали.

— Надеюсь, что ничего более худого с вами не произошло?.. — сказала Габриэль. — Я принесла кольцо, которое хочу переделать... — она обратилась к хозяину и взяла сумочку, висевшую у нее сбоку. — Рассмотрите, пожалуйста, где бы можно было укрепить на нем наш герб?

Бонавентури подошел к самому окну и погрузился в соображения; Габриэль стала между ним и Яном, и Ян почувствовал напоминательный толчок; не поворачивая головы, он метнул глазами влево и вправо, и записка мгновенно переместилась в руку Габриэль.

Ювелир с увлечением принялся объяснять, что возможно сделать с драгоценностью; Габриэль согласилась со всеми его предложениями, оставила кольцо и расплатилась.

— Мерси!.. — с особым чувством произнесла она, прошившись с Бонавентури и уходя из мастерской; Ян перехватил ее признательный взгляд, устремившийся на мгновение на него, и понял, что это слово относилось исключительно к нему. Опять краска покрыла его щеки.

— Слышал, что я говорил? — обратился к нему Бонавентури, вернувшись с улицы, куда он проводил обеих дам.

— Слышал... — отозвался Ян.

— Так вот, держи — поручаю кольцо тебе!.. Смотри, не ударь лицом в грязь, да сделай мне сперва рисунок!

День прошел для молодого подмастерья, как в тумане: в душе его пели соловьи и в ушах все время звучало «мерси».

Падающих башен в Болонье было две. Они стояли на небольшой площади и были никем не обитаемы; на верхах их росла трава и кусты. Ходило предание, что за триста лет до описываемого времени черт выстроил их в одну ночь для заложившего ему душу рыцаря. Рыцарь в конце концов покаялся и, когда в условленное время черт явился за ним — обе башни оказались наполненными канониками, служившими мессы и сатана не мог проникнуть вовнутрь. Разыгралась страшная гроза и буря, и черт, видя, что добыча его ускользает, ухватил при блеске молнии башню за угол и хотел опрокинуть ее; она накренилась и черт заметил, что его жертвы в ней нет; он в бешенстве кинулся на другую; к счастью, в эту минуту запел петух и нечистая сила стремглав бросилась врассыпную. Рыцарь поступил в монастырь, а дьявольские постройки остались заброшенными и по ночам, случалось, люди видели в них огонь и слышали хохот и пение.

Около башен стояла городская виселица и понятно, что ни одна живая душа не показывалась ночью на этом страшном пустыре, поросшем бурьяном.

Как чуть не сплошь все в те времена, Луиджи хорохорился днем и трусил ночью; поэтому, чем ближе надвигались сумерки, тем все беспокойнее становилось у него на душе и он несколько раз выругал себя самым забористым образом за то, что ввязался в совершенно непонятную историю, могшую помимо страхов еще неблагоприятно отозваться и на его шее. Вечер наступил темный и бурный; барабанил дождь, время было пускаться в путь. Луиджи ощупал, на месте ли амулет, всегда висевший у него на шее, прицепил к боку стилет, набожно перекрестился несколько раз и вышел на улицу; сразу охватило дождем и ветром.

Луиджи закутался плотнее в плащ и зашагал в глубь города. Два раза впереди показывался движущийся свет и Луиджи прижимался к стене и застывал или же прятался за угол — проходили с фонарями сбиры или запоздавшие гуляки: встреча с теми и с другими была небезопасна.

На краю площади с падающими башнями Луиджи остановился; по спине его потек холодок.

— Ну куда ты, свинья, полез?!.. — тоскливо думал он; перед глазами у него встала трактория, полная тепла и света, с компанией собутыльников у камина. Он хотел повернуть назад, но преодолел себя, стиснул зубы и пустился по проклятому месту. Через десяток-другой шагов он наткнулся на какой-то столб — перед ним была виселица; он шархнулся в сторону и завидел едва распознававшуюся во тьме склоненную башню.

— Кто идет?.. — негромко окликнул оттуда голос.

— Свой!.. — отозвался Луиджи.

— Кто свой?..

— Сокол!..

Около неаполитанца выросла черная фигура.

— Во вторую башню!.. — шепнула она.

Вид живого существа подбодрил Луиджи; у входа в башню у него опять спросили пароль; дверь отворилась и снова захлопнулась за ним.

Странная картина представилась глазам Луиджи: тесное помещение было наполнено людьми в черных плащах, но ни лиц, ни фигур их нельзя было различить в темноте; видны были только ноги да пол, выстланный неровными плитами; у стены стояли несколько лопат, лом и два фонаря с закутанными в тряпки верхними половинами; благодаря этому свет, словно туман, стлался только понизу.

Появились еще несколько человек; высокий, с бархатной полумаской на лице, пересчитал собравшихся и двое людей взялись за лопаты и быстро раскопали небольшую грудку мусора у левой стены. Обнажилась каменная плита с ржавым железным кольцом: ее подняли и Луиджи увидел лестницу, ведущую куда то в глубину земли.

— Вы на всякий случай здесь останьтесь!.. — распорядился высокий и отделил четырех человек со шпагами. — Двое наружи караульте и двое здесь.

— За дело, друзья!

Голос его показался неаполитанцу знакомым.

Под плащами у некоторых оказались еще фонари и свет сразу наполнил древнюю башню; ломы и лопаты были разобраны и черное шествие стало исчезать под землю.

Луиджи, на всякий случай пристроившийся к самому концу его, очутился в узком коридоре с низко нависшим сводом; несколько дальше проход расширялся; справа и слева стали зиять впадины; их освещали фонарями и открывались пустыни комнат разных размеров; в некоторых находились изъеденные временем столы и лавки. У одной из камер шедшие столпились и остановились; несколько фонарей сразу осветили ее: у стен сидели и лежали в разных позах восемь скелетов, прикованных цепями за шею либо за пояс. Один стоял с высоко над головой подтянутыми руками. В обширной могиле царила тишина.

Луиджи и его спутники перекрестились и заспешили дальше, уже не засматривая в тайны земли.

Отставать от товарищей и оказаться одному среди мертвецов, вот-вот могущих выглянуть из своих нор, было страшней, чем иметь какое угодно дело с живыми, и Луиджи,

подгоняемый страхом, очутился впереди всех, рядом с высоким человеком в маске.

— Что, руки уже чешутся?.. — снисходительно-ласково проговорил последний.

Луиджи угадал в нем Маркони.

— Люблю быть впереди, синьор!.. — стараясь не очень лязгать зубами, ответил неаполитанец.

Маркони жестом руки остановил своих сообщников: путь им преградила кирпичная стена.

— Епископская тюрьма!.. — вполголоса проговорил он, указывая на стену. — Над нами дворец его!

— Да неужели?!.. — воскликнул кто-то. — Значит, мы прошли под землей полгорода?

— Совершенно верно!.. — ответил Маркони. — Я получил старинный план этих подземелий... — он вынул листок папируса из-за борта куртки и Луиджи сейчас же узнал переданную им записку.

Маркони предложил перейти в находившуюся рядом камеру и там разложил на столе папирус для ознакомления желающих.

— Кирпичная стена... — заговорил он, — возведена всего пятьдесят лет назад; подземелье в этой части обрушилось и его замуровали. Стену мы сейчас проломим — и попадем в винные подвалы епископа; пройдя их, пробьем вторую стену и очутимся в самой тюрьме. Останется сбить замки с дверей камер и наши товарищи будут на свободе!

Слова Маркони встретили общее одобрение.

— А шум не услышат?.. — напомнил голос.

— Нет!.. — уверенно отозвался Маркони. — До конца погребов полная безопасность. А там, в тюрьме — там, может быть, придется поработать шпагами.

Дружно и глухо застучали кирки и ломы; посыпались осколки кирпича; коридор наполнился, как дымом, пылью; фонари горели будто за желтой занавеской. Стена оказалась не особенно толстой и вскоре один из ломов проскользнул в сквозную пробоину. Удары участились, зачернело отверстие, вполне достаточное для прохода.

Памятуя слова, что погреб самое безопасное место, Луиджи первым прошмыгнул в него и высоко поднял чей-то фонарь, попавшийся ему под руку.

Обрисовались ярусы больших бочек, уходившие во мрак; не слышалось ни звука и соучастники Маркони один за другим пролезли в подвал.

— Вот это погреб!.. — умилился неаполитанец.

И вдруг ему показалось, будто он наткнулся на острие шпаги и из груди его хлынула кровь; он отшатнулся в ужасе и повалился навзничь на бочку; страшного ничего не оказалось: перед ним с поднятым фонарем в одной руке и длинным жестяным ливером¹ в другой стоял, выпуча глаза, монах; из ливера лилось на Луиджи красное вино.

Несколько рук мгновенно схватили монаха и, не дав даже пикнуть, скрутили веревкой, завернули голову полкой его рысы и оставили лежать в проходе.

— Он пьян!.. — проговорил один из вязавших.

— Вряд ли он один здесь пил!.. — заявил, оглядываясь, Маркони. — Нет ли еще кого-нибудь?... осматривайте погреб!

Огоньки разбежались по подвалу и скоро сошлись в отдалении.

Маркони и Луиджи заспешили туда и увидели большую и глубокую нишу, едва освещенную висевшею на стене масляной лампой; струйка дыма спиралькой вилась над ней; на полу, кругом поставленного стоймя бочонка, на ворохе соломы располагались трое людей; один из них был монах — он спал будто убитый, уткнувшись лбом в стенку бочонка; двое других, одетые один в красный, другой в пестрый жилеты и в короткие коричневые штаны, сидели, оба пьяные как бочки, и что-то пытались растолковать друг другу. Появление множества огней и незнакомцев изумило их; оба сделали бесплодную попытку встать, но не смогли и остались сидеть, почмокивая и будто кланаясь. На бо-

¹ Длинная жестяная трубка, при помощи которой вытягивают пробы вина из бочек.

чонке лежал пустой кувшин и какие-то недоеденные закуски.

— Кто вы такие?.. — сурово спросил Маркони.

— Мы здешние!.. — жалобной фистулой выговорил тот, что был в красном жилете.

— Тюремщики они, я знаю их!.. — резко вмешался сосед Луиджи. — Давайте ключи сейчас!..

Испуганный окриком пьяный попытался вынуть из-за пояса забренчавшую связку, но не смог; это быстро выполнили за него чужие руки.

— Задача облегчается!.. — проронил Маркони. — Один кто-нибудь останься здесь, караулить этих пьянчуг... Вперед, господа!..

Железная дверь уже виднелась; она оказалась только притворенной.

Маркони осторожно приоткрыл ее: ни слышно, ни видно ничего не было и толпа людей с обнаженными блестящими шпагами и с фонарями в руках хлынула в новое, просторное подземелье; высоко на верх, вероятно, во двор, вела лестница из серых плит; справа и впереди длинным строем тянулись тяжелые двери с прорезанными крохотными отверстиями: в них появились бледные лица заключенных, взволнованных отсветами огня и шумом в необычное время.

Часть освободителей бросилась вверх по лестнице для охраны входа, но это оказалось излишним — обитая толстенным железом дверь была заперта на внутренний замок и никакой опасности со стороны двора не угрожало. Другие принялись отворять камеры и выпускать оттуда узников — исхудалых, обросших волосами и еще не понимавших совершавшегося перед их глазами чуда; слышались вскрики радости, некоторые узники обнимались со своими избавителями; семеро исхудалых и заросших длинными бородами человек сбились особой кучкой и недоуменно озирались, не зная, что делать; одежда на них висела в лохмотьях.

К Маркони подошел один из его товарищей.

— Здесь есть и чужие!.. — сообщил он, указывая кивком головы на стоявших отдельно.

— Их счастье!.. — весело отозвался тот. — Всех выпустим! Друзья епископа здесь вряд ли отыщутся. А я не вижу Бастиано Паллавичини... где он?

— Здесь, здесь!!.. — посыпались отклики.

Маркони снял маску, быстро вошел в одну из камер, в которой слышались частые, глухие удары кирки; охватило тяжелым воздухом; у стены стоял молодой, стройный человек, прикованный к цепи, и рвал ее; двое из спутников Маркони выламывали из стены большое кольцо, державшее эту цепь.

Увидав друг друга, и заключенный и освободитель вскрикнули и обнялись — видно было, что их связывает крепкая дружба.

Луиджи вертелся около них и расслышал, что в ответ на горячую благодарность Бастиано Маркони сказал:

— Не меня благодари, а синьориту Габриэлу: она добывала план подземелий, а без него и полк солдат не смог бы здесь ничего поделать!

Бастиано восторженно, черно-бархатные глаза его просияли.

Кольцо со звоном вылетело из стены; расклепать ошейник было нечем; Бастиано подобрал цепь, обмотал ее вокруг шеи, как шарф, и камера опустела.

Маркони приказал по-прежнему запереть все двери и обрадованная удачей толпа повалила в винный подвал.

Трое пьяных покоились глубочайшим сном. Маркони приказал засунуть связку ключей за пояс красножилетного сторожа. Они были в руках Луиджи, уже чувствовавшего себя как дома; неаполитанец выполнил распоряжение, затем приподнял над головой промокший насквозь берет и обратился к своему патрону.

— Не найдет ли глубокочтимый синьор удобным разрешить нам всем выпить за здоровье почивающего над нами дорогого епископа?

Дружный смех огласил подвал.

— Нужно!.. нужно!.. — поддержали голоса. — Он неглуп, этот петушок!

— Выпить, так выпить!.. — с усмешкой согласился Маркони. — Жаль только, что виночерпий святого отца лыка не вяжут, а то мы отведали бы его любимого!

— А есть еще один — связанный!.. — напомнил кто-то.

Луиджи, а за ним еще двое, бросились на поиски, но скоро вернулись с пустыми руками — монах спал так же непробудно, как и его товарищи, и даже не почувствовал, как его развязывали; Луиджи принес только ливер.

— Хорошие вина всегда в маленьких бочках, даже у больших людей! — заявил Луиджи. — Пусть синьоры присядут, мы сейчас разыщем! — И он вспрыгнул на бочки и пошел по ним, светя себе фонарем.

— Есть!!.. — долетел крик его; несколько человек поспешили к нему на помощь и торжественно принесли бочонок, весь заросший тем особенным пепельным и длинным мохом, каким покрываются только столетние вина. Появление его было приветствовано всеобщим одобрением.

Пара глухих ударов по бочонку и пробка из него вылетела.

Луиджи вытянул ливером вина и наполнил им кувшин и четыре кружки, предварительно сполоснув их, причем ополоски выплеснул на лица спавших. Те даже не шелохнулись. Две первые кружки он поднес Маркони и Бастиано.

— Думаю, синьор... — обратился он к последнему, — что здесь давали вам вино несколько худшее?

Подвал опять наполнился смехом.

— Да, я попомню здешнее гостеприимство!.. — многозначительно пообещал Бастиано и поднял кружку. — Пью за вас всех, господа! Всем вам великое спасибо за освобождение, а тебе, Помпео, особенное! Я ваш должник!

Он залпом выпил вино и низко поклонился всем.

— А вино действительно чудесное! — одобрил, смакуя, Маркони. — Смотрите, помните, друзья, что ноги нам сегодня еще необходимы: старое вино отнимает их!

Бочонок был быстро распит и вся компания двинулась в дальнейший путь.

У пробойны Маркони остановился, пропустил вперед большинство людей, а остальным приказал покидать в дыру куски кирпичей, валявшихся на плотно убитом полу, и очистить его; затем перекатали два яруса бочек так, что нельзя было даже заподозрить за ними существование пролома.

Кончив работу, арьергард поодиночке боком протискался в отверстие и с шумным говором, уже не опасаясь ничего, двинулся вслед за своими по царству мертвых; Маркони и Бастиано шли последними; Луиджи виднелся в середине толпы.

Обратный путь показался недолгим и участники нападения на тюрьму епископа стали надевать маски и подыматься по ступеням лестницы; башня тесно набилась людьми.

— Все ли здесь?.. — спросил Маркони.

Присутствовавшие были пересчитаны и вход в подземелье завалили плитой; сверху был набросан щебень и мусор.

— Вы здешние?.. приют у вас есть? — обратился Маркони к семерым оборванцам.

Те переглянулись.

— Не все... нет!.. — отозвались двое.

Маркони достал несколько золотых монет и раздал их незнакомцам; те, кроме одного отказавшегося, приняли с низкими поклонами.

— Ступайте за мною, — добавил он и обратился ко всем остальным. — Пароль остается «сокол»... — если вы мне спешно понадобится — на моем окне будет красная занавеска. А теперь по домам, скоро светать станет!..

Башня опустела. На дворе по-прежнему лил дождь, выл и бушевал ветер, изредка стучали ставни; площадь висельников тонула во тьме и в грязи и на ней прочавкали и стихли шаги невидимых людей.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.